Министерство образования и науки
Российской Федерации

Омский государственный педагогический
университет

Вестник Омского государственного педагогического университета

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научный журнал
2016 • № 4 (13)

Омск
Издательство ОмГПУ
2016

Ministry of Education and Science
of the Russian Federation

Omsk State Pedagogical University

Newsletter of Omsk State Pedagogical University

HUMANITARIAN RESEARCH

Scientific journal
2016 • № 4 (13)

Omsk
Publishing house OSPU
2016

ISSN 2309-9380

ВЕСТНИК ОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научный журнал
2016. № 4 (13)

Редакционный совет
Косяков Г. В., доктор филологических наук, профессор, председатель редакционного совета
Федяев Д. М., доктор философских наук, профессор
Чекалёва Н. В., доктор педагогических наук, профессор
Шаров А. С., доктор психологических наук, профессор

Редколлегия журнала
Федяев Д. М., доктор философских наук, профессор, главный редактор
Горнова Г. В., доктор философских наук, доцент, заместитель главного редактора
Федяева Н. Д., доктор филологических наук, доцент, заместитель главного редактора

Антилогова Л. Н., доктор психологических наук, профессор
Беренд Н., профессор (Маннгейм, Германия)
Буренкова С. В., доктор филологических наук, доцент
Киричук Е. В., доктор филологических наук, доцент
Коптева Э. И., доктор филологических наук, доцент
Красноярова Н. Г., кандидат философских наук, доцент
Кротт И. И., кандидат исторических наук, доцент
Лапчик М. П., доктор педагогических наук, профессор
Медведев Л. Г., доктор педагогических наук, профессор
Пекарская И. В., доктор филологических наук, профессор (Абакан)
Рагулина М. И., доктор педагогических наук, профессор
Родигина Н. Н., доктор исторических наук, профессор (Новосибирск)
Смит П., профессор (Арлингтон, США)
Смолин О. Н., доктор философских наук, профессор
Тряпицына А. П., доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербург)
Чуркин М. К., доктор исторических наук, профессор
Чуркина Н. И., доктор педагогических наук, доцент
Шипилина Л. А., доктор педагогических наук, профессор

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-59612 от 10 октября 2014 г.
Подписной индекс 53075

Адрес редакции:
644099, Омск, Набережная Тухачевского, 14
Омск, Издательство ОмГПУ, 2016

© Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Омский государственный педагогический университет», 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

Айсина А. М. О собственно химическом в химии 8

Акишина Е. О., Мартишина Н. И. Мост как мифологема и философская метафора 10

Горелова Ю. Р., Межевикин И. В. Образ крупного города в восприятии его жителей 15

Горнова Г. В. Адаптивность в отношении человека к миру 18

Давыдов А. И. Защитные механизмы цивилизации 21

Ковалевский А. А. Негативные основания общественного порядка 24

Красноярова Н. Г. Н. А. Бердяев: философия в зеркальном отражении жизни и судьбы 27

Красноярова Н. Г., Саенкова Е. А. Философия театра: театр в сопряжении с бытием 31

Нефёдова Л. К. Архетипы профессионального военного воспитания и образования в античной философии: Платон – Тиртей 35

Фёдорова Н. В. Проблема нормы и ненормального в философском дискурсе 39

Федяев Д. М. Об отношении человека к природе: от смирения маркиза де Сада к дерзновению Иммануила Канта 41

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Астафьева И. А. От прецедентного имени к апеллятиву 46

Голошубина О. К. Функции интернет-мемов в речевом жанре «разговор в мессенджере» 50

Калинин А. Ф. Вопросительные фразеологизированные предложения структурного типа Что такое жизнь? (основные аспекты) 52

Сарангаева Ж. Н. Эмблематическое представление концепта «чай» в калмыцкой, русской и английской лингвокультурах 56

Шалацкая Т. П. Эргоним как маркер полиэтнической культуры (на материале названий объектов г. Евпатории) 59

ЛИТЕРАТУРА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Березовская Л. С., Демченков С. А. Постапокалиптика как жанр научной / паранаучной фантастики 64

Бестолков Д. А. Герои рассказов Ивана Шамякина: приёмы художественного воплощения и творческий генезис 67

ПЕДАГОГИКА

Алексеенко В. В. Педагогическая деятельность в условиях информатизации образования..... 72

Дроботенко Ю. Б., Макарова Н. С. Перспективные модели научно-методического сопровождения деятельности базовых кафедр педагогического университета 75

Мацько Д. С. Алгоритм как средство обучения будущих учителей неязыковых специальностей правилам чтения английского языка 78

Литвиненко Ю. Ю. Методический потенциал аудиовизуальных средств на занятиях по русскому языку как иностранному (из опыта работы) 81

Мурашкина А. В. Формы и специфика организации обучения русскому языку как иностранному (на примере курсов для подготовки к сдаче комплексного экзамена по русскому языку, истории России и основам законодательства РФ)..... 83

Фёдоров В. М. Организационная культура как детерминанта повышения эффективности управления опорного университета 85

Фесенко О. П. Возможности электронного учебника по дисциплине «Русский язык и культура речи» (для курсантов военных вузов) 88

Шалацкая Т. П., Леонова К. В. Изучение повести Н. М. Карамзина «Бедная Лиза» с использованием интерактивных методов 90

Шульга Е. В., Шульга В. И. Способность к выбору профессии в возрасте 18–19 лет 91

СЛОВО МОЛОДЫМ

Мецевич И. В. Именные и глагольные формы в тексте заявки на грант..... 96

Скворцова О. А. Психологические аспекты процесса медиации 98

Шалацкая К. В. Основная терминология исследования имен собственных..... 100

СТРАНИЦЫ ПАМЯТИ

Федяев Д. М. Бард старой Англии 104

Сведения об авторах 107

Информация для авторов..... 109

ISSN 2309-9380

NEWSLETTER OF OMSK STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY. HUMANITARIAN RESEARCH

Scientific journal
2016. № 4 (13)

Editorial Board
Kosyakov G. V., Doctor of Philological Sciences, Professor, Editorial Board Chairman
Fedyaev D. M., Doctor of Philosophical Sciences, Professor
Chekaleva N. V., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor
Sharov A. S., Doctor of Psychological Sciences, Professor

Editorial Staff
Fedyaev D. M., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Editor-in-chief
Gornova G. V., Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Deputy Chief Editor
Fedyaeva N. D., Doctor of Philological Sciences, Deputy Chief Editor

Antilogova L. N., Doctor of Phychological Sciences, Professor
Berend N., Prof. Dr. (Mannheim, Deutschland)
Burenkova S. V., Doctor of Philological Sciences, Associate Professor
Kirichuk E. V., Doctor of Philological Sciences, Associate Professor
Kopteva E. I., Doctor of Philological Sciences, Associate Professor
Krasnoyarova N. G., Phd in Philosophy, Associate Professor
Krott I. I., PhD in History, Associate Professor
Lapchik M. P., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor
Medvedev L. G., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor
Pekarskaya I. V., Doctor of Philological Sciences, Professor (Abakan)
Ragulina M. I., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor
Rodigina N. N., Doctor of Historical Sciences, Professor (Novosibirsk)
Smith P., Prof. (Arlington, USA)
Smolin O. N., Doctor of Philosophical Sciences, Professor
Tryapitsina A. P., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Saint Petersburg)
Churkin M. K., Doctor of Hictorical Sciences, Professor
Churkina N. I., Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor
Shipilina L. A., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

Certificate of registration ПИ № ФС77-59612 of October 10, 2014
Index 53075
Editorial office address:
OSPU, 14, Naberezhnaya Tukhachevskogo, 644099, Omsk
Omsk, Publishing house OSPU, 2016

© Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Omsk State Pedagogical University», 2016

CONTENTS

PHILOSOPHY

Aisina A. M. On intrinsic chemical in chemistry.... 8

Akishina E. O., Martishina N. I. Bridge as mythologem and philosophical metaphor 10

Gorelova Y. R., Mezhevikin I. V. Image of large cities in their residents' perception..... 15

Gornova G. V. Adaptability in the relation of man to the world..... 18

Davydov A. I. Defense mechanisms of civilization..... 21

Kovalevsky A. A. Negative bases of social order... 24

Krasnoyarova N. G. N. A. Berdyaev: philosophy in the mirror reflexion of life and destiny..... 27

Krasnoyarova N. G., Saenkova E. A. Philosophy of theatre: theatre in conjunction with being 31

Nefedova L. K. Archetypes of professional military education and training in ancient philosophy: plato – tyrtaeus 35

Fedorova N. V. The problem of norm and abnormal in philosophic discourse..... 39

Fedyaev D. M. On attitude of man towards nature: from humility of the Marquis de Sade to boldness of Immanuel Kant 41

LINGUISTICS

Astafyeva I. A. From precedent names to appellatives 46

Goloshubina O. K. Functions of Internet memes in the speech genre "conversation in messenger"
Kalinin A. F. Phraseologized interrogative sentences of the structural type "What is life?" (the main aspects)..... 50

Kalinin A. F. Phraseologized interrogative sentences of the structural type "What is life?" (The main aspects) 52

Sarangaeva Zh. N. Emblematic representation of the concept "tea" in the Kalmyk, Russian and English linguocultures 56

Shalatskaya T. P. Ergomym as a marker of multi-ethnic culture (on the material of Yevpatoria's object names)..... 59

LITERATURE. LITERATURE STUDIES. FOLKLORE

Berezovskaya L. S., Demchenkov S. A. Post-apocalyptics as a genre of science and parascience fiction 64

Bestolkov D. A. Characters of Ivan Shamyakin's stories: techniques of artistic expression and creative genesis..... 67

PEDAGOGICS

Alexeenko V. V. Teaching activity in the conditions of education informatization 72

Drobotenko Yu. B., Makarova N. S. Perspective models of scientific-methodical support of the activity of university-supervised basic chair at school 75

Matsko D. S. Algorithm as a means of teaching English reading rules to would-be teachers of non-lingual specialties 78

Litvinenko Yu. Yu. Methodical potential of audiovisual aids at the lessons of Russian as a foreign language (based on working experience) 81

Murashkina A. V. Forms and specifics of organizing Russian as a foreigh language teaching (on the example of the preparatory course for passing the complex examination in Russian language and history and fundamentals of RF legislation) 83

Fedorov V. M. Organizational culture as a determinant of improvement of management efficiency of the support of the university 85

Fesenko O. P. Possibilities of the electronic textbook on discipline "Russian language and speech culture" (for cadets) 88

Shalatskaya T. P., Leonova K. V. Studying N. M. Karamzin's story "Poor Liza" by using interactive methods 90

Shulga E. V., Shulga V. I. The ability to choose an occupation aged 18–19 in accordance with their propensity 91

LET THE YOUTH SAY

Metsevich I. V. Noun and verb forms in the grant proposal text 96

Skvortsova O. A. Psychological aspects of the mediation process 98

Shalatskaya K. V. Basic terminology of the study of proper names 100

MEMORY PAGES

Fedyaev D. M. The bard of old England 104

Information about the authors 107

Information for the authors 109

ФИЛОСОФИЯ

Айсина А. М.
О собственно химическом в химии

Акишина Е. О., Мартишина Н. И.
Мост как мифологема и философская метафора

Горелова Ю. Р., Межевикин И. В.
Образ крупного города в восприятии его жителей

Горнова Г. В.
Адаптивность в отношении человека к миру

Давыдов А. И.
Защитные механизмы цивилизации

Ковалевский А. А.
Негативные основания общественного порядка

Красноярова Н. Г.
Н. А. Бердяев: философия в зеркальном отражении жизни и судьбы

Красноярова Н. Г., Саенкова Е. А.
Философия театра: театр в сопряжении с бытием

Нефёдова Л. К.
Архетипы профессионального военного воспитания и образования в античной философии: Платон – Тиртей

Фёдорова Н. В.
Проблема нормы и ненормального в философском дискурсе

Федяев Д. М.
Об отношении человека к природе: от смирения маркиза де Сада к дерзновению Иммануила Канта

УДК 111

А. М. Айсина
A. M. Aisina

О СОБСТВЕННО ХИМИЧЕСКОМ В ХИМИИ

Статья посвящена специфике химической науки, ее тесной взаимосвязи с физикой. Несмотря на то, что химия преимущественно является экспериментальной наукой, она не лишена абстрактно-логической составляющей. Рассматривается влияние учения И. Ньютона на научную деятельность Д. И. Менделеева.

Ключевые слова: химия, физика, периодический закон, теория, абстрактно-логическое, эмпирическое.

ON INTRINSIC CHEMICAL IN CHEMISTRY

The article deals with the specifics of chemical science and its high correlation to physics. Even though chemistry is mostly considered as experimental science, it has some abstract-logical component. The impact of I. Newton's study on D.I. Mendeleev's scientific activities is considered.

Keywords: chemistry, physics, periodic law, theory, abstract-logical, empirical.

Период с XVII по XIX век является переломным в истории науки. Наука становится самостоятельной и независимой формой духовной жизни человечества. Основной областью знаний этого периода была механика. Чуть позднее отдельные разрозненные факты, добытые ремесленниками, врачами, алхимиками, подвергаются систематическому анализу и обобщению. Начинают формироваться немеханические разделы физики, химия, география, астрономия, биология.

Предметы изучения в каждой из естественных наук различны, но в развитии естествознания центральную роль всегда играла физика, ее даже называют основой всех естественных наук. Так, например, если мы вспомним иерархическую последовательность наук, составленную немецким химиком Кекуле, то увидим, что основа естественных наук представлена механикой и физикой. И это можно объяснить: все области естествознания опираются на общие физические законы природы, а во-вторых, все явления природы имеют внутренние механизмы, познать которые можно только понимая их физическую сущность [1, с. 17]. Все естественные науки, а в большей степени химия, продолжительное время пребывали в тени физики и в философско-методологическом отношении.

Некоторые исследователи сводят химию к физике, потому что не видят качественных различий между физическими и химическими явлениями. При этом химия рассматривается как один из разделов физики [2, с. 78]. Большое распространение проблема соотношения химии и физики получила во многих работах в рамках философских вопросов химии, философии химии и до сих пор остается актуальной. По мнению В. А. Канке, химия лет на тридцать отставала от физики в философском плане, потому как «философские споры в химии не приобретали той острой формы, которая была характерна для физики с ее в высшей степени необычными идеями, вроде относительности пространства и времени и неопределенного поведения микрочастиц» [3, с. 4].

Помимо этого, преимущественно на материале физики строилась теория познания. И. Кант не выделяет границ химии и физики. Все химическое знание у него отнесено к естествознанию, а естествознание представлено физикой [4]. Между тем специфика химических процессов определяет содержание химии как науки.

Как известно, научное знание сосредоточено в теориях. Научная теория – это «высшая, самая развитая форма организации научного знания, дающая целостное представление о закономерностях и существенных связях определенной области действительности – объекта данной теории» [5, с. 42]. Основными компонентами научной теории являются:

1. Исходная эмпирическая основа, включающая факты, полученные в ходе наблюдений и экспериментов.
2. Исходная теоретическая основа, включающая постулаты, аксиомы, законы, описывающие идеализированный объект теории.
3. Логика теории, заключающаяся в правилах логического вывода и доказательства.
4. Совокупность полученных утверждений и результатов [5, с. 43].

Научную теорию неразрывно связывают с идеализированными объектами, которые играют центральную роль в формировании теории. Идеализированный объект определяется содержанием теории. Так, например, в классической механике идеализированным объектом будет являться система материальных точек, в теории растворов – идеальный раствор, в молекулярно-кинетической теории – молекулы.

Вопрос об идеализированном объекте химии может быть рассмотрен на материале теории растворов. Учение о растворах представлено двумя версиями: физической и химической. Физическая теория растворов, предложенная Я. Х. Вант-Гоффом, С. Аррениусом, основывалась на исследовании физических свойств растворов (осмотическое давление, повышение температуры кипения, понижение температуры замерзания раствора и т. п.) на основе законов термодинамики. Химическая теория растворов была предложена Д. И. Менделеевым, в ней акцент сделан на закономерность протекания химических процессов в растворах. Принципиальное отличие двух теорий заключается в том, что Д. И. Менделеев рассматривает растворитель как непосредственный участник химического процесса, поэтому в нем возникают межмолекулярные связи между растворителем и растворенным веществом, а следовательно, образуются нестойкие соединения переменного состава, называемые сольватами или гидратами. В физической теории растворов растворитель лишь инертная среда, в которой протекает реакция. В данном случае речь может идти только об идеальных растворах, в которых подразумевается, что компоненты растворителя не влияют на растворимое соединение. Таким образом, именно в физической теории

растворов может присутствовать идеализированный объект, в химической же версии он отсутствует. Вопрос о построении идеализированного объекта в химических теориях требует тщательного изучения.

Было отмечено ранее, что одним из компонентов теории является факт. Анри Пункаре отмечает, что наука строится из фактов, но при этом «голые факты» не помогут выстроить систему научных знаний [6]. Сами по себе факты наукой не являются. Задача ученого – обнаружить факт посредством методов наблюдения, эксперимента. Как известно, химия – это преимущественно экспериментальная наука. Проследив исторический путь химической науки, можно убедиться, что в ее развитии ведущая роль принадлежит эксперименту. Далее субъект познания, оперируя совокупностью фактов, пытается найти устойчивые связи между ними. Все значимые теоретические достижения в химии являются результатом обобщения большого числа экспериментально обнаруженных фактов. Так, например, один из первых законов химии – закон сохранения массы веществ – был установлен благодаря многократно проведенным сначала Р. Бойлем, затем М. В. Ломоносовым, позднее Лавуазье опытам превращения металлов в окалины в запаянных сосудах.

Аналогично, путем сопоставления и обобщения огромного экспериментального материала по определению свойств простых веществ, накопленного химией к концу XIX века, Д. И Менделеев составил в 1869 году периодическую систему химических элементов и открыл периодический закон. Невозможно назвать в истории химии другое открытие, равное по своему значению периодическому закону. Работу, прославившую русского ученого и русскую науку на весь мир, периодическую таблицу химических элементов С. А. Щукарев называет суперматрицей, так как каждая клетка таблицы представлена обширным набором функций и сложными математическими зависимостями, отличающимися друг от друга и специфичными для каждого элемента [7, с. 10]. Д. И. Менделеев окончил физико-математический факультет Главного педагогического института, но даже его первые научные работы, написанные еще в студенческие годы, были посвящены химической проблематике: «Изоморфизм в связи с другими отношениями кристаллической формы при различии в составе», «Удельные объемы». Тем не менее, работая на химическом материале, он всегда подходил к предмету с физической точки зрения. Д. И. Менделеев рассматривал химические процессы и состояния как еще нерешенную задачу физики [8]. В связи с этим возникает вопрос: а можно ли считать Д. И. Менделеева – «символа» химии, вполне химиком?

Как оказалось, на всем протяжении своей научной деятельности ученый оставался правоверным ньютонианцем-физиком, противопоставляя свои взгляды структуристам, строившим конкретную химию. Так, например, Менделеев протестует против статистических моделей атомов с валентностями, на основе которых впоследствии развивалась химия. «Частицу представляют, – пишет Менделеев о воззрениях структуристов, – как выражался еще Лоран, архитектурным зданием, стиль которого определяется основным расположением некоторых атомов… Оттого-то к современным представлениям этого рода столь хорошо подходит название «структурное» – и оттого-то структуристы ищут оправдать тетраэдрическое, шестигранное или призматическое расположение атомов углерода в бензоле. Очевидно, что дело идет при этом о статическом положении атомов в частице, а не о динамическом их отношении. Атомы структурных понятий – мертвые фигуры шахматной доски, одаренные лишь кличками живых существ, а не живые существа» (цит. по [8, с. 113]). В этой явной борьбе против «структуристов» химик Дмитрий Иванович занимает явно физические позиции, атакуя самую важную часть традиционного метода классической химии.

Периодический закон отчетливо разграничивает соотношения между химией и физикой в изучении вещества. Зарождение закона Д. И. Менделеева основывалось на сопоставлении (изучении) свойств простых веществ, что и является одной из основных задач химии. В физике одной из главных задач является объяснение изучаемых явлений на основе представлений о строении тел и веществ. Именно строение атомов химических элементов раскрывает сущность периодического закона, объясняет причину периодичности их свойств. Прогностическая роль периодического закона не ограничилась предсказанием еще не открытых, но существующих в природе к моменту создания периодической системы химических элементов. Знания о строении атомов химических элементов, полученные физиками, расширили границы периодической системы, указали путь к созданию новых, еще не открытых химических элементов, а химики описали и экспериментально подтвердили их свойства, вытекающие из периодического закона. Таким образом, объект, изучаемый химией и физикой, один и тот же. Отличия состоят в решаемых этими науками задачах и методах. Рассуждая о приоритетах Д. И. Менделеева в отношении химии и физики, важно отметить, что в своих химических исследованиях ученый базировался на физических знаниях и методах, а в многочисленных работах физического плана его интересовала химическая сущность вопроса (цит. по [8, с. 111]). Видимо, вопрос о приоритете химических знаний перед физическими и наоборот в научном наследии Д. И. Менделеева едва ли имеет определенное решение.

Все великолепие периодического закона не позволяет решать большую часть задач, стоящих перед химией. Химия продолжает развиваться на экспериментальной основе. Химия как наука возникла на основе и из потребностей практики. Развитие химии стимулировали и стимулируют запросы техники и производства. Например, бурное развитие металлургии способствовало созданию кислородной теории горения, разработке точных количественных расчетов в химии; изучение процессов, происходящих в паровой машине, привело к возникновению термодинамики.

В химии всегда первоначально требовалось изучить свойства соединений, их состав, вывести эмпирическую формулу, прежде чем приступить к систематизации, установлению общих закономерностей и внутренних связей. Лишь в условиях, когда наглядные образы уже недостаточны для дальнейшего, более глубокого погружения в сущность химических явлений и установления новых закономерностей их развития, интерес исследователей фокусируется на абстрактном. Причем абстрактное в химии можно выделить

двух видов: абстрактное, полученное непосредственно из эмпирического наблюдения и содержащее в себе наглядные, чувственные элементы, и абстрактное, полученное путем теоретического анализа и лишенное наглядных моментов [9]. В химии к числу понятий, полученных путем теоретического анализа и лишенных непосредственной чувственной наглядности, относятся, например, валентность, закономерности зависимости свойств соединений от строения и характера химических связей в веществе. Понятие «химический элемент» изначально складывалось как результат теоретического обобщения экспериментальных фактов, но по мере развития химической атомистики Дальтона, периодического закона, открытия радиоактивности содержание понятия «химический элемент» претерпело коренное изменение.

Растущая абстрактность понятий и теорий современной химии не способствует отрыву ее от реальной действительности. Наоборот, используя категории научного мышления, ученые-химики могут более глубоко и конкретно исследовать химические вещества и явления, овладевать новыми процессами. Химия способна к сочетанию в себе абстрактно-логического знания и эмпирического (посредством повседневной кропотливой экспериментальной работы). Совмещение двух противоположных методов и, соответственно, сосуществование двух стилей мышления определяет специфику химической науки.

1. Ацюковский В. А. Философия и методология современного естествознания. М.: Петит, 2005. 139 с.

2. Янчук Е. И. «Философия химии» – новое направление в философско-методологическом исследовании химической науки // Философия и социальные науки. 2010. № 4. С. 76–81.

3. Канке В. А. История и философия химии: учеб. пособие. М.: НИЯУ МИФИ, 2011. 232 с.

4. Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Соч.: в 6 т. М.: Мысль, 1964. Т. 3. 799 с.

5. Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль, 2010. Т. 4. 736 с.

6. Пуанкаре А. О науке: пер. с фр. / под ред. Л. С. Понтрягина. 2-е изд., стер. М.: Наука, 1990. 736 с.

7. Щукарев С. А. Неорганическая химия. М.: Высшая школа, 1970. Т. 1. 354 с.

8. Вавилов С. И. Физика в научном творчестве Д. И. Менделеева // Вопросы истории естествознания и техники. 1969. № 4 (29). С. 110–116.

9. Бабосов Е. М. Взаимосвязь абстрактного и конкретного в развитии современной науки // Диалектический материализм как методология естественно-научного познания / Акад. наук БССР, Ин-т философии и права. Минск, 1965. С. 241–249.

© Айсина А. М., 2016

УДК 130.2

Е. О. Акишина, Н. И. Мартишина
E. O. Akishina, N. I. Martishina

МОСТ КАК МИФОЛОГЕМА И ФИЛОСОФСКАЯ МЕТАФОРА

В статье рассматриваются символические смыслы, которые в развитии культуры сопровождают образ моста. Показано, что ключевыми в символике моста являются: идея стыка между различными мирами или сферами бытия; идея контакта, взаимодействия между этими сферами; идея перехода из одной сферы в другую; идея конструктивного преобразования пространства в антропоразмерное, организованное в соответствии с потребностями человека. Этот комплекс смыслов варьирует в различных формах духовной культуры. В мифологии представлены в первую очередь идеи о различии миров, опасности, сопряженные с их соприкосновением, сложности перехода из одного мира в другой. В религии мост является распространенным символом перехода из профанного мира в сакральную реальность. В философии усиливается использование конструктивной символики моста.

Ключевые слова: символика моста, мифологические мосты, магия мостов, философские метафоры.

BRIDGE AS MYTHOLOGEM AND PHILOSOPHICAL METAPHOR

The article deals with the symbolic meanings associated with the image of the bridge in the development of culture. The authors show that the main ideas in the symbolism of the bridge are: the idea of the junction between the different worlds or realities; the idea of contact and interaction between them; the idea of the transition from one area to another; the idea of constructive transformation of space and it`s organization according to the needs of human beings. This complex of meanings varies in different forms of spiritual culture. In mythology, the ideas of the difference between the worlds, danger of their contact and complexity of the transition from one world to another are predominantly represented. In religion, the bridge is a common symbol of the transition from the profane world to the sacred reality. In philosophy, the constructive symbolism of the bridge is emphasized.

Keywords: symbolism of the bridge, mythological bridges, magic of bridges, philosophical metaphors.

Одной из фундаментальных особенностей человеческого мышления является наша способность к расширению смыслов используемых нами понятий. Абстрактные термины, подчиняясь неистребимой интенции познания к наглядности, по мере вхождения в оборот, приобретают конкретные, зримые репрезентации; с другой стороны, конкретные понятия, непосредственно соотнесенные с реальными предметами, в своем культурном функционировании

частот начинают обозначать нечто большее, обрастая символическими значениями.

Мост – одно из самых древних и функциональных технических сооружений человечества. Формирование городской среды, развитие сети дорог, завоевательные походы и путешествия были стимулами к развитию технологий мостостроения. Именно функциональное значение моста, его место в организации культурного пространства стало основой для формирования связанного с ним комплекса символических идей.

Мост, во-первых, воплощает в себе саму идею чего-то иного по ту сторону границы. Реки, пропасти, другие природные объекты, через которые наводятся мосты – это естественные пределы областей человеческого обитания, за которыми начинается жизнь несколько иного сообщества с отличающимся укладом. В крупных городах, стоящих на реках, до сих пор сохраняется культурная география, в которой так или иначе отделено *заречье* – относительно самостоятельная часть города, в которой и население, его занятия и обычаи теоретически несколько иные (хотя на практике все давно уже изменилось и перемешалось). Примерами могут служить Мала Страна и Градчаны в Праге, Буда и Пешт – изначально разные города с разным статусом, Замоскворечье, левобережные и правобережные районы в Новосибирске и Омске (в Новосибирске до 1958 г. между ними даже проходила линия смены часовых поясов) и т. д.

Соответственно мост – это, во-вторых, идея взаимодействия с этим иным. Это возможность контакта, проникновения чего-то из внешнего, чуждого мира, собственного перехода в этот другой мир. Не случайно именно на мостах герои фольклора, а впоследствии художественной литературы и кинематографа либо встречаются после долгой разлуки, либо расстаются навсегда («Ночью нас никто не встретит, мы простимся на мосту…»). Местом рядового свидания мост становится редко, это символ рубежа, перехода в новое качество, начала новой жизни.

В-третьих, мост – это не просто канал контакта, это канал, обретший устойчивость. Связь между мирами посредством моста зафиксирована в постоянной форме, причем благодаря человеческой деятельности. Мост – это символ конструктивности как неотъемлемого свойства этой деятельности: человек способен создать нечто, принципиально преобразующее природу, местность, среду обитания. По определению М. Хайдеггера, сущность техники – это «постав» [1, с. 229]: способность человека поставить на своем, установить ту конфигурацию реальности и обстоятельств, какая ему нужна. В этом смысле мост – предельное выражение сущности техники: он полностью меняет всю организацию пространства. «Мост символизирует экспансию нашей воли в пространство» [2, с. 146].

Сходный с этим, но несколько отличный смысловой оттенок связан с конструктивностью самого моста. В отличие, например, от здания, где технологическое устройство часто остается скрытым за пышно декорированным или, наоборот, стандартным фасадом, конструкция моста полностью открыта для обозрения. Его эстетика – это эстетика не украшения, а прежде всего технологии. Мост – это зримо выраженный конструктивный принцип, и в этом смысле он тоже идеальное воплощение сущности техники. Как пишет Г. Зиммель: «Только мост благодаря своей собственной пространственно непосредственной видимости обладает тем особым эстетическим качеством, чистота которого представлена искусством – когда дух отвоевывает единство чего-то, принадлежащего природе, приводя его к идеальной, завершенной целостности» [2, с. 147].

Мост – это сложнейшее инженерное сооружение, результат творческой работы ученых инженеров, строителей и архитекторов. Строительство и проектирование мостов стало подвластно человеку уже цивилизованного общества. Первые мосты были природными: например, дерево, рухнувшее у края обрыва и соединившее два берега или лиана, перекинувшая свои побеги и воздушные корни через препятствие. Мост как результат деятельности человека требовал решения многих инженерных задач, создания и открытия новых материалов. И чем глубже овраг, чем шире река, чем быстрее ее течение, тем сложнее задачи инженера и строителя.

При этом мост является частью дороги. Если дом можно построить на отшибе, в безлюдной местности, то мост никогда не будет изолированным объектом, мост вписывается в общий путь, хотя и является, как и перекресток, узловой точкой дороги, сложным и опасным местом.

В различных формах духовной культуры смысловые акцентировки, связанные с образом моста, выражаются, варьируясь в своей направленности.

Представления о символике мостов складывались в эпоху, когда в культуре еще большую роль играло мифологическое мировоззрение. При всех различиях, связанных со спецификой культур, мифологический взгляд на мир с необходимостью включает в себя некоторые универсальные идеи. Так, достаточно распространен в мифологических онтологиях разных народов образ мирового пространства, разделенного на принципиально разграниченные сферы бытия, в каждой из которых происходят свои события и по своим законам. Как правило, таких сфер три: земной, надземный и подземный мир. Первый является областью обычного бытия, два других – место обитания богов и духов. Как показывает В. В. Евсюков [3, с. 28], идея трехуровневости мироздания универсальна потому, что проистекает из естественной логики развития представлений о мире: с появлением первичных форм мифологии и религии мир разделяется на реальный, физический и фантастический, «иной» мир духов, богов и умерших, а с возникновением идеи добрых и злых божеств и посмертного воздаяния на две области распадается уже сакральная реальность.

Точно так же необходимой чертой мифологического мышления является синкретизм – непосредственное единство различных сторон гносеологического образа (чувственного и рационального, сущего и должного, абстракции и чувственного отображения и т. д.). В концептах мифологического сознания сближаются, вплоть до полного отождествления, онтологические сущности и воплощающие их персонажи. В мифе капли крови поверженного титана падают на землю, и Гея, забеременев, рождает Эриний: земля-почва и Гея-богиня Земли являются не объектом и его репрезентатором, а одной и той же сущностью, планы восприятия которой незаметно сменяют друг.

Точно так же – как два плана восприятия одних и тех же реалий – античная география переплетена с античной мифологией. Река Эридан, в которую рухнул Фаэтон, пронзенный стрелами Гелиоса, – одновременно и настоящая река, протекающая по территории современных Афин. Зловещий Ахерон, огораживающий царство мертвых – тоже вполне реальная река в Эпире, как и его приток Коцит («ледяное озеро» в дантовском аду). При таком отношении к географическим объектам царство мертвых тоже оказывается частью реальной географии – переход в него для афинян начинается едва ли не на городской окраине. На этом фоне очевидно, что и переправа через реку, и позволяющие ее осуществить сооружения в «обратном движении» мысли – уже не конкретизации сакрального, а сакрализации действительного – просто обязаны были обрасти символическими смыслами.

Самые знаменитые мифологические мосты связывают между собой уровни «трехэтажного мироздания». Распространен в мифологии образ радуги как моста между небом и землей. В скандинавской мифологии радужный мост Биврест (Бифрост) соединяет Мидгард – срединный мир людей, и Асгард – небесный город богов. Биврест построен из огня, воздуха и воды, которые ассоциируются с тремя основными цветами радуги – красным, голубым и зеленым; один его конец находится у подножия Мирового древа, а другой – возле источника мудрости. В конце времен, перед Последней битвой, по нему пройдут огненные великаны, которым суждено разрушить город богов, и тогда Биврест рухнет. В японском мифе боги Идзанаки и Идзанами сотворяют землю (первые острова, поднимающиеся из воды), стоя на мосту-радуге. В славянской мифологии тоже встречается интерпретация радуги, а также Млечного пути как моста, ведущего на небо (например, как верование крестьян средней полосы России его описывает В. Н. Топоров [4]).

В современном сериале «Агенты Щ. И. Т» и фильмах «Тор» и «Мстители», использующих сюжеты скандинавских мифов, Радужный мост – это межзвездный портал, позволяющий мгновенно попадать в любой из Девяти миров этой Вселенной, но при этом невероятно энергоемкий (будучи открытым, он способен забрать энергию целой планеты).

Также в нескольких мифологических системах мосты ведут в царство мертвых. В иранской мифологии и выросшей из нее религии зороастризма души умерших должны пройти по мосту Чинват (Чинват Парвата – «Мост разделения» в зороастризме), ведущему к подножию Судной горы. Мост в потусторонний мир, по которому проходит душа каждого человека после смерти, описывается и в китайской мифологии.

Переходы между мирами – дело рискованное, и мифологические мосты – опасное место. Здесь пересекаются идеи иного (чуждого) мира и идеи перехода в инобытие. Мост должен быть линией защиты, иначе по нему из-за черты в мир привычного бытия проникнет угроза. Биврест, например, охраняет не только один из самых сильных асов – Хельмдалль (в сияющих белых доспехах) – он еще и вооружен лучшим оружием, которое нашлось в Асгарде, и получил при назначении на свой пост сверхспособности (видит все на любом расстоянии, одинаково хорошо днем и ночью, слышит, как растет трава, спит меньше, чем птица).

В славянской мифологии царство людей и инфернальный мир чудовищ разделяет река Смородина, через которую перекинут Калинов мост (название восходит к эпитетам «каленый», «раскаленный»). Этот мост сторожит с той стороны трехглавый змей; в другом сюжете (сказка «Битва на Калиновом мосту») на этом мосту герои сражаются с Чудом-юдом (шести-, девяти-, двенадцатиголовым), нападающим на русскую землю. И здесь мост – это возможный проход для темных сил, символ угрозы. На мостах потом будут преграждать дорогу врагам герои многочисленных баллад и преданий, восходящих к этому мифологическому сюжету. Например, именно на мосту один из самых знаменитых рыцарей Круглого стола, Ланселот, убивает двух великанов, открывая тем самым проход к заколдованному замку, забытому и выпавшему из общей линии бытия много лет назад.

Путь по мосту в другом направлении – из царства людей – тоже опасен, что непосредственно вытекает из его символического значения перехода в инобытие. Обрести новое качество – означает перестать существовать в старом; чтобы получить новое рождение, надо умереть. В народной песне – «Донской балладе» невеста в день свадьбы тонет, упав с моста, несмотря на все предосторожности и в полном соответствии с предсказанием. В детском фантазийном фильме «Мост в Терабитию» дети находят способ бывать в волшебном царстве, где обитают мифологические существа, и девочка погибает. Мифологические мосты между царством живых и царством умерших либо очень узкие (как в китайской мифологии, где с посмертного моста трудно не упасть в грязь), либо имеют свойство становиться труднопроходимыми. Мост Чинват узок, как лезвие меча, для грешников и широк для праведников. Красная полоса Бивреста горяча, как огонь, и пройти только по прохладным его полосам невозможно без поддержки богов или их посланников (на самом деле посланниц – души умерших воинов везут по Бивресту валькирии). Образ моста шириной в волос, с которого грешник неизбежно низвергнется в бездну, воспроизводится в исламе и в некоторых христианских источниках. В финском эпосе «Калевала» герой отправляется в потусторонний мир по мосту из мечей и ножей. В данном контексте, как видим, используется символическое значение моста как рубежа, предельно трудного для преодоления.

Мифологические образы мостов между мирами не предусматривают участия человека в создании этих мостов, эти мосты являются частью природно-космического мира, такими как радуга или Млечный путь. Более того, эти мосты зачастую не созданы и богами. Если рассматривать мир богов как проекцию мира людей, то, не умея возводить мосты, люди не приписывали такого искусства и богам. Конструкция и создание таких мифических мостов, как правило, не описываются либо представляют собой переброшенные через препятствия деревья, ножи, мечи и т. д. Образы строителей моста, трудности его создания, порождение более поздних культур, с достаточно развитой техникой и достаточным багажом знаний. Для строительства мостов первоначально призывались магические силы или помощь богов.

Магия – форма духовно-практической деятельности, развившаяся на основе мифологических представлений о мире. И, конечно, с точки зрения магической традиции, необходима «магическая поддержка» важного и риско-

ванного дела – строительства мостов. Каждое серьезное начинание, с точки зрения магии, должно тщательно планироваться по времени и сопровождаться должными вложениями. Чтобы получить помощь магических сил, необходимо что-нибудь отдать за это либо быть в силах заставить эти сверхъестественные силы сотрудничать. Есть несколько легенд о применении магии в строительстве мостов. Одним из наиболее древних сказаний, связанных со строительством мостов, является древнеиндийский эпос «Рамаяна». Мост Рамы – это пешеходный мост между Индией и Шри-Ланкой длиной почти 50 км, он был проходимым вплоть до XV века, пока не был разрушен землетрясением. По преданию, он был построен по приказу царевича Рамы, которому нужно было переправиться через океан и спасти похищенную ракшасом Раваной жену Ситу. Три дня Рама провел на берегу океана, на четвертый день к нему явился сам Океан, окруженный женами своими, богинями рек. Океан приблизился к Раме и сказал: «О Рагхава, глубины мои бездонны, и нет предела вечному движению волн. Нет переправы через меня – такова моя природа. Но я помогу тебе и сделаю так, чтобы войско твое могло перейти меня, и свирепые морские чудовища не тронут его. О благородный, в войске твоем есть обезьяна по имени Нала, сын Вишвакармана, зодчего богов. Повели ему построить мост через меня, и воды мои, как твердое дно, поддержат этот мост». Войско Рамы, состоящее из человекоподобных обезьян и медведей, за пять дней построило мост, бросая в океан огромные утесы и вырванные с корнем деревья. Современные ученые допускают, что мост Рамы является не природным объектом, а рукотворным. Так, в 2009 г. был проведен радиоуглеродный анализ камней, вынутых из моря на этом пути. Анализ показал, что возраст камней соответствует эпохе жизни Рамы на земле [5, с. 71].

Не чем иным, как применением магии, является повеление персидского царя Ксеркса наказать море. Отправляясь с военным походом на Грецию в 480 г. до н. э., он приказал перебросить понтонные мосты через пролив Геллеспонт. Когда мосты были построены, налетела буря, разрушившая их. Разгневанный Ксеркс, обвинил в разрушении мостов море. «Царь велел палачам сечь море, приговаривая при этом варварские и нечестивые слова: «О ты, горькая влага Геллеспонта! Так тебя карает наш владыка за оскорбление, которое ты нанесла ему, хотя он тебя ничем не оскорбил. И царь Ксеркс все-таки перейдет тебя, желаешь ты этого или нет» [6, с. 366]. Поскольку не только море было наказано, но и надзиратели за работами обезглавлены, новые мосты были сооружены с учетом прежних ошибок и гораздо более прочными, по ним персидская армия благополучно и переправилась.

Легенда о том, что при строительстве моста был заключен договор с нечистой силой, сопровождает многие известные проекты. Например, в Швейцарии через реку Рейс ведет Чертов мост (в 1799 г. через него с боем прошли войска под предводительством А. В. Суворова, благодаря чему он остался и в российской истории). По легенде, этот мост долго не могли построить из-за бурного течения реки, и в конце концов местным жителям помог черт, потребовав за это душу первого прошедшего по мосту (черта перехитрили – первым по мосту пустили козленка). В этих историях сама природа протестует против строительства мостов, но после покоряется человеку. Буря в море разрушает мост через Геллеспонт, бурное течение реки не позволяет построить мост через Рейн, бог Океан в Рамаяне говорит о том, что переход через океан противоречит его природе. Для постройки мостов нужно прийти к соглашению с природными силами, для этого создавались соответствующие ритуалы. Исторически для определения момента закладки моста использовали различные составляющие герметического корпуса: астрологию, нумерологию, каббалистику. Например, строительство Карлова моста в Праге специально было отложено на несколько лет, чтобы начаться в 1357 г. 9 числа 7 месяца в 5 часов 31 минуту. Получившийся числовой палиндром, симметричный и редкий, призван был гарантировать устойчивость сооружения. Таким образом, конструктивистские мотивы символики мостов впервые отчетливо проявляются в магическом мышлении, как самом прикладном.

В философии конструктивистская символика моста выходит на первый план уже в достаточно поздний период. Это связано с тем, что только в эпоху Возрождения возведение мостов стало наукой. Люди не просто научились возводить мосты, они покорили природу с помощью научных знаний и развития техники. Применение конструктивистских метафор также связано с природой философского знания, выполняющего в историческом развитии познавательного комплекса функции центральной, интегративной дисциплины, определяющей структуру направлений исследования. Поскольку философское знание представлено в научно-теоретической форме, образ моста может использоваться в нем только как метафора; но в философии метафоры нередко играют роль узловых пунктов концепции. Как мы уже показывали на примере ряда решений философских проблем, для философии «ценность метафоры и аллегории в том, что они позволяют в одном ярком образе целиком охватить результат сложного теоретического построения» [7, с. 64].

В философии Нового времени Ф. Бэкон использует метафору моста для выражения довольно общей идеи, с мостом он сравнивает естественную философию [8, с. 42], т. е. область философии, в которой исследуется природа, ее общие закономерности. Мост этот ведет, по мысли Ф. Бэкона, к «отдельным наукам»: математике, медицине, механике. Обращает на себя внимание многослойность этой метафоры и точность ее соответствия именно образу моста. Мост – то, что позволяет осуществить переход; при этом в мосте переход опредмечен и тем самым стабилизирован. «Движение воплощается в прочном творении», как говорит о сущности моста Г. Зиммель [2, с. 146]. Для описания инструментов и средств, позволяющих получить познавательные результаты, Ф. Бэкон в других случаях использует метафору строительных лесов. Леса – это то, что будет разобрано, когда необходимость в них отпадет; самостоятельной ценности они не имеют, важно то, что построено с их помощью. Напротив, значимость моста не сводится к тому, чего можно достичь, пройдя по нему. Мы ценим естественную философию как возможность достичь определенных результатов в прикладных науках; но Ф. Бэкон специально подчеркивает, что те, кто интересуется ею только

ради перехода к конкретике, как «мостом к чему-нибудь другому» [8, с. 42], совершают ошибку: естественная философия важна сама по себе. «Пусть никто не ждет большого прогресса в науках, особенно в их действенной части, если естественная философия не будет доведена до отдельных наук или же отдельные науки не будут возвращены к естественной философии» [8, с. 43].

Б. Рассел в XX в. сделал, возможно, столь же значительный вклад в развитие теории познания и методологии науки, что и Ф. Бэкон в Новое время. Б. Рассел разрабатывал проблемы логики, философии математики, философии языка; по Б. Расселу, философия и есть теория правдоподобного предположения, движения мысли вперед там, где дедуктивный вывод невозможен. Познание для Б. Рассела – это не естественно протекающая и спонтанная активность разума, а тщательно выстраиваемое, контролируемое продвижение к пониманию, каждый шаг в котором должен быть оценен с точки зрения надежности. И его метафора моста – опять-таки конструктивистская. В трактате «Человеческое познание, его сфера и границы» Б. Рассел пишет: «Здание познания можно сравнить с мостом, покоящимся на многих опорах, каждая из которых не только поддерживает мост, но и помогает другим опорам прочно стоять благодаря связывающим их фермам. Опоры являются аналогами предложений, имеющих некоторое внутренне присущее им правдоподобие, тогда как верхние части моста являются аналогами того, что только выводится. Но хотя каждая опора может быть усилена другими опорами, все сооружение в целом опирается на прочный грунт, и подобным же образом опирается все здание знания на внутренне присущее предложениям правдоподобие» [9, с. 175]. Как видим, здесь не просто дано сравнение познания с мостом как чем-то обеспечивающим переход, аналогия проводится между самими принципами устройства моста и познания. Конструктивистская составляющая его символики используется в полном объеме: мост для Б. Рассела – это эталон единства внутреннего и внешнего в сооружении, воплощения в нем чистого конструктивного принципа, единства надежности технического решения и самой возможности существования.

Тема метафизической опасности, связанной с мостами, при этом тоже не уходит из философского знания. Развернутая метафора, связанная с мостом как символом сложного, рискованного перехода, создана Ф. Ницше в трактате «Так говорил Заратустра». Одним из важнейших героев философии Ф. Ницше является сверхчеловек – аристократ духа, обладающий всей полнотой воли к власти, способностью к созиданию, утверждению, творчеству. В абсолютном большинстве люди приучены культурой не к власти, а к подчинению, так что в отношении к сверхчеловеку человечество – это промежуточная ступень. Сверхчеловек – это состояние, которого необходимо, но почти невозможно достигнуть человеку. И Ф. Ницше сравнивает человека с мостом: «В человеке важно то, что он мост, а не цель: в человеке можно любить только то, что он переход и гибель» [10, с. 57]. Человек − это «канат, натянутый над пропастью» между животным и сверхчеловеком. В полной мере использована символика опасности перехода по мосту между двумя мирами: «Опасно прохождение, опасно быть в пути, опасен взор, обращенный назад, опасны страх и остановка [10, с. 57]. И далее Ф. Ницше посвящает ряд афоризмов тем, кто «идет по мосту», т. е. стремится к действию, выводящему человека за пределы рутинного, усредненного существования на уровне толпы: «того, кто трудится и изобретает» [10, с. 57]; «того, чья душа расточается, кто не хочет благодарности и не воздает ее, ибо он постоянно дарит и не хочет беречь себя» [10, с. 58]; «кто бросает золотые слова впереди своих дел и исполняет всегда еще больше, чем обещает» [10, с. 58]; «кто не бережет для себя ни капли духа, но хочет всецело быть духом своей добродетели: ибо так, подобно духу, проходит он по мосту» [10, с. 57] и т. д. Ф. Ницше подчеркивает, что все они «хотят гибели» − делают хоть небольшой, но шаг к переходу в новое качество. Мы возвращаемся, таким образом, к изначальной идее моста: он высится между двумя мирами, и переход из одного в другой – не простое перемещение, а смерть и начало новой жизни. Это всегда непросто, но без этого невозможно движение.

Итак, мы видим, что различные формы культуры варьируют универсальную символику мостов, меняя акцентировки, но не существенные моменты смысла. Так, аллегории божественных мостов, соединяющих миры, сменяются метафорически-магическими образами строительства мостов, затем в философию приходят конструктивистские метафоры моста, в которых мост представляет мыслительную конструкцию. Высшим проявлением ощущения силы и могущества человека является метафора, когда сам человек становится мостом, способным соединять миры. Наиболее полно символика моста представлена в философских метафорах.

1. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993. С. 221–253.

2. Зиммель Г. Мост и дверь // Социология власти. 2013. № 3. С. 145–150.

3. Евсюков В. В. Мифы о мироздании // Мироздание и человек. М.: Политиздат, 1990. С. 7–122.

4. Топоров В. Н. Мост // Мифы народов мира: Энциклопедия: в 2 т. М.: Совет. энцикл. 1982. Т. 2. С. 176–177.

5. Карпова Н. Б. В поисках северной «Рамаяны»: Новый взгляд на историю возникновения евразийской цивилизации. М.: ООО «Полиграф-Информ», 2012. 218 с.

6. Геродот. История / пер. с греч. и комм. Г. А. Стратановского; вступит. ст. И. Е. Сурикова. М.: ОДМА-ПРЕСС Инвест, 2004. 640 с.

7. Акишина Е. О. Роль метафоры в формировании языка науки и философии Нового времени // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения. 2015. № 4. С. 62–68.

8. Бэкон Ф. Новый Органон // Бэкон Ф. Соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1978. Т. 2. С. 5–214.

9. Рассел Б. Человеческое познание: Его сфера и границы: пер. с англ. Киев: Ника-Центр, 2001. 560 с.

10. Ницше Ф. Так говорил Заратустра / пер. с нем. А. Ю. Антоновского, К. А. Свасьяна. М.: Эксмо, 2007. 640 с.

© Акишина Е. О., Мартишина Н. И., 2016

УДК 130.2:316.7

Ю. Р. Горелова, И. В. Межевикин
Y.R. Gorelova, I.V. Mezhevikin

ОБРАЗ КРУПНОГО ГОРОДА В ВОСПРИЯТИИ ЕГО ЖИТЕЛЕЙ

В статье рассматривается понятие «образ города». Характеризуется сущность данной категории, ее эвристический потенциал, исследуются факторы, влияющие на формирование образных характеристик города у его жителей. Кроме того, освещаются результаты социологического исследования, направленного на изучение наиболее общих характеристик восприятия среды крупного современного города его жителями, проведенного в марте-апреле 2016 г. в Омске

Ключевые слова: образ города, восприятие среды, социологический опрос.

IMAGE OF LARGE CITIES IN THEIR RESIDENTS' PERCEPTION

This article discusses the concept of "image of the city". The authors characterize the nature of this category and its heuristic potential, as well as examine the factors affecting the formation of image features of the city among its residents. In addition, the article highlights the results of the sociological survey conducted in March-April 2016 in the city of Omsk, which was aimed at studying the most common characteristics of perception of the environment of a large modern city by its residents.

Keywords: image of the city, perception of the environment, opinion poll.

Значимость исследования образных характеристик города определяется особой ролью этого социокультурного феномена на современном этапе развития человеческой цивилизации. В современном мире бег времени все ускоряется, визуальные характеристики среды порой меняются так стремительно, что человек не успевает адаптироваться к ним. Меняется масштаб сооружений, соотношение архитектурных масс и пространства, соразмерность этого пространства человеку. Вернее сказать, соразмерность пространства постепенно исчезает, человек чувствует себя незащищенным в каменных джунглях многоэтажных зданий. Масса зданий давит на человека, однообразие их структурных элементов никак не соответствует потребностям визуальной экологии человеческого восприятия. Кроме того, недоступная одномоментному восприятию визуальная среда современного крупного города начинает восприниматься как пустота, тем самым усложняется задача формирования единого и устойчивого образа места.

В связи с этим исследование закономерностей восприятия городской среды жителями больших городов приобретает особую актуальность.

Философские, культурологические и социологические исследования позволяют выявить субъективные особенности восприятия городской среды. В ходе социологических исследований появляется возможность эмпирическими данными подкрепить теоретические положения и определить специфические черты повседневного образа города. Субъективные черты восприятия, отражая реалии визуальной архитектурно-ландшафтной среды, в итоге складываются в некий модуль общих оценок восприятия одних и тех же городских пространств жителями. Социологические исследования способны выявить те черты и части городского пространства, которые воспринимаются жителями позитивно и негативно, а также установить причины формирования позитивной и негативной локальной идентичности, определить основные черты существующего в сознании жителей образа того или иного места, пространства, города в целом или отдельного его района.

Образ выступает закономерным результатом саморефлексии, переживания себя в окружающем мире, он позволяет высветить культурную обусловленность моделей восприятия окружающего пространства. При формировании образа происходит соотнесение внешне воспринимаемой картинки (облика города) с системой уже существующих в сознании человека культурно и социально обусловленных стереотипов восприятия и мышления. Образ является способом взаимодействия человека и мира, посредником между сознанием человека и внешней реальностью. Образы, с одной стороны, создаются самими людьми, с другой стороны, формируют их восприятие окружающей реальности. Воспринимая предмет или явление, человек всегда соотносит результаты своего непосредственного восприятия со всей совокупностью социокультурного опыта (установками определенной культуры, социума, стереотипами сознания, результатами восприятия других людей, запечатленных в литературных художественных либо научных текстах, в изобразительном искусстве, транслируемых через СМИ и т. д.).

Формирование образа города, с одной стороны, выступает необходимой предпосылкой успешности коммуникативного процесса между человеком и окружающей его городской средой, с другой стороны, является результатом этого процесса. Это обусловлено особым положением человека как создателя культуры как особой сферы, сотворенной человеком, сферы, надстроенной над природой. В этом смысле следует согласиться с мнением Г. В. Горновой о том, что «человек, одновременно, и создатель, и творение города. Город принципиально искусственен, он не может появиться сам по себе, он создается человеком» [1, с. 23].

Образ одного и того же города в восприятии разных людей предстает по-разному, и в этом смысле у каждого свой Омск (Москва, Петербург, Самара…). Тем не менее можно утверждать, что существует ядро образа конкретного города, идентичное для большинства его жителей, что достигается за счет существования в каждом городе нескольких наиболее значительных в семиотическом отношении доминант, выступающих в качестве главных идентификационных маркеров конкретного пространства.

Вопросы, касающиеся восприятия людьми окружающего их пространства, и прежде всего пространства архитектурного, волновали представителей самых разных направлений

научного знания, теоретиков архитектуры, искусствоведов, философов, социологов, культурологов, психологов.

В конце 1940-х гг. австрийский историк искусства Дагобер Фрай использовал для описания пространственных структур понятия «путь» и «цель». Позднее Кевин Линч расширил набор основных структурирующих элементов пространства, выделив пять основных универсальных элементов городского окружения (пути, границы, районы, узлы, ориентиры), которые использовал для исследований восприятия горожанами урбанистической среды [2]. А. Э. Гутнов предложил различать в структуре пространства «каркас», «ткань» и «плазму» [3].

Е. Г. Лапшина в своих исследованиях об эволюции пространственных концепций в теории архитектуры справедливо утверждает, что развитие идей Кевина Линча было продолжено в трудах К. Норнберг-Шульца, рассматривавшего устойчивые схемы восприятия пространства [4]. По мнению К. Норнберг-Шульца, пространство может определяться как «раздельное – составное», «широкое – узкое»; оно обладает целостностью, в нем можно выделить центр и периферию, пути, районы, границы, места, ориентиры. При этом реальное пространство, модифицированное культурными символами и системой человеческих ценностей, образует пространство экзистенциальное.

А. В. Иконников, исследуя модальности пространства и способы его восприятия и описания, предложил различать несколько уровней (срезов) пространства и связанных с ними его моделей [5, с. 51]. Первый уровень – пространство реальное (физическое), существующее как объективная данность (или кантовская «вещь в себе»). Второй уровень – пространство концептуальное – мысленная модель, системно объединяющая «объективные» данные о пространстве. Третий уровень – перцептивное пространство – пространство в восприятии человека, отраженное его органами чувств. Соответственно, существует две принципиально отличных модели исследования реального пространства конкретного места. Первая модель – мысленная (в частности, математическая модель), связывающая в целостную систему объективные данные о пространстве. Эта модель чаще всего служит для фиксации объекта на чертежах проекта и для перенесения задуманного образа в натуру. Вторая модель предполагает отражение реального пространства органами чувств. Отражение оформляется в некое интегральное представление, в котором чувственная информация упорядочивается на основе опыта общества и личности. В перцептивном пространстве произведения архитектуры выступают прежде всего как образы пространств.

В рамках культурной, или так называемой гуманитарной географии, представленной трудами Ю. А. Веденина, Д. Н. Замятина, В. Л. Каганского, В. Н. Калуцкого, Р. Ф. Туровского и др., рассматривались прежде всего образные, семиотические аспекты восприятия пространства. По мнению Д. Н. Замятина, «…любой город, местность, культурный ландшафт может рассматриваться… как хранилище потенциальных образов/карт, актуализируемых по мере потребности теми или иными людьми, коллективами, социальными группами» [6, с. 56].

По мнению Г. З. Каганова, «в сознании любого обывателя любой среды обязательно существует образ этой среды. Без него невозможно адекватное средовое поведение… Такой средовой образ составляет неотъемлемую часть самого обитания в среде и потому возникает непреднамеренно и изменяется вместе с изменением среды и обитателя. Понятно, что такой образ остается противоречивым, всегда незавершенным и почти не получает внешнего выражения в специальных знаковых средствах, но объективно выражается в стратегиях поведения» [7, с. 17]. По-нашему же мнению, некоторые грани этого смутно осознаваемого большинством горожан образа находят свое яркое выражение в произведениях искусства, в изобразительном искусстве, художественной прозе и поэзии.

Мощным вкладом в развитие представлений о сущности пространства и об особенностях его восприятия стали исследования психологов, в частности, представителей таких направлений, как бихевиоризм и гештальтпсихология. Сторонники бихевиоризма настаивали на том, что реально существуют только элементарные сенсорные психические реакции, а все, что не подлежит объективной регистрации (в том числе мысли человека), – не подлежит изучению. В гештальтпсихологии категория «gestalt» – образ, становится ключевой. Ввод данной категории в научный оборот связан с исследованиями М. Вертхаймера, В. Келлера и К. Коффки. Именно в рамках данного направления получило развитие представление о целостном образе как основе восприятия. Впоследствии развитие представлений о способах восприятия пространства и механизмах формирования образов привело к появлению обширного блока научно-исследовательской литературы по данной проблематике. В этой связи можно упомянуть труды Р. Арнхейма, Дж. Голда, А. Д. Логвиненко, В. Ф. Петренко и др.

К настоящему времени уже имеется опыт исследования восприятия среды таких крупных городов, как Москва, Самара и др. Из сибирских городов наиболее активно в последние годы исследовалось восприятие среды Новосибирска.

Автор настоящей публикации ранее исследовал такие параметры восприятия городских пространств, как представления о наиболее выразительных местах, архитектурных объектах и комплексах, воспринимаемых жителями в качестве визитных карточек города; оценивал специфику восприятия параметра выразительности-монотонности. Кроме того, исследовал факт специфики восприятия функционально различных групп архитектурных объектов, а также параметр восприятия структурирования и зонирования городской территории (центральность и периферийность районов, мест, территорий) [8–11].

Исследование образных характеристик Омска в восприятии его жителей проводилось в марте-апреле 2016 г. методом анкетирования. В соответствии со спецификой целей и задач исследования и по причине экономичности затрат времени и средств был выбран метод квотной выборки.

В соответствии со спецификой задач настоящего исследования, кроме стандартных параметров выборки пола и возраста, учитывался критерий проживания респондентов в том или ином районе города, так как визуальные характеристики различных городских территорий имеют существенные отличия. Специфика исследования определила тот факт, что основной контингент опрашиваемых составили лица трудоспособного возраста и близкие к ним подгруппы

среди молодежи и лиц пенсионного возраста, т. е. те возрастные категории, которые на момент исследования активно передвигались и взаимодействовали с различными городскими территориями.

Для формирования адекватной выборки нами были исследованы основные социально-демографические характеристики генеральной совокупности [12]. В соответствии с данными указанного официального источника, нами было установлено, что в Советском округе проживает 22,6 % населения Омска, в Центральном 24 %, в Кировском 21 %, в Октябрьском 15 %, в Ленинском 17,4 %. На основании подсчетов по стандартной формуле расчета выборки [13, с. 62] нами было определено количество респондентов определенного пола и возраста, проживающих в определенном округе. Величина уточненной выборочной совокупности составила 300 человек.

Респондентам было предложено ответить на следующий открытый вопрос: Омск, какой он? (дайте одну, две, три характеристики).

В результате анализа ответы были сгруппированы по 12 блокам и 17 подблокам, таким как:

1. ВИЗУАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
1.1. Внешняя привлекательность, красота / уродливость
1.2. Выразительность, яркость / монотонность, серость
1.3. Характеристика архитектурного облика
2. УРОВЕНЬ БЛАГОУСТРОЙСТВА, КОМФОРТНОСТЬ СРЕДЫ, ЧИСТОТА, ЭКОЛОГИЯ
2.1. Чистота. Экология
2.2. Дороги
2.3. Озеленение
2.4. Уровень шума, ритм жизни
3. СТАТУС, ГЕОПОЛИТИКА
4. УРОВЕНЬ РАЗВИТИЯ, ПЕРСПЕКТИВЫ
5. КЛИМАТ
6. РАЗМЕРЫ
7. НАСТРОЕНИЕ
8. КУЛЬТУРА. ИСТОРИЯ. НАСЛЕДИЕ
8.1. Наследие. История
8.2. Развитость инфраструктуры культуры
9. ЛИЧНОЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ОТНОШЕНИЕ
10. УНИКАЛЬНОСТЬ/ УСРЕДНЕННОСТЬ
11. ОДНОРОДНОСТЬ / КОНТРАСТНОСТЬ
12. ДРУГОЕ

Исследование показало, что наиболее волнующей омичей проблемой является проблема загрязненности городской среды. Грязным, замусоренным, неаккуратным, неопрятным, неухоженным Омск назвали 117 человек, еще 15 – пыльным. Загрязненным, загазованный, мерзко пахнущим – еще 11. На проблему дорог в рамках комфортности среды указали 40 респондентов.

Второй по значимости проблемой, отмеченной респондентами, явилась невыразительность визуальной среды. Серым, тусклым, монотонным Омск воспринимают 78 респондентов, и только 4 – охарактеризовали город как выразительный, красочный, яркий. При этом понимание причины проблемы заложено в ответах других респондентов, охарактеризовавших Омск как пятиэтажный, голый, бетонный. Во многом этому способствует и вырубка деревьев, и нехватка зелени, о которой также сообщили 7 респондентов.

Во многом именно отмеченными выше факторами можно объяснить, что омичи описывали свой город как мрачный, хмурый, унылый, печальный – 22 респондента, и только 2 – как теплый и приветливый и еще 2 – как вдохновляющий и романтичный.

При этом, справедливости ради, необходимо отметить, что, с другой стороны, только 3 человека назвали город уродливым и отвратительным, 28 респондентов охарактеризовали его как красивый и не лишенный очарования.

Третьей болевой точкой явилась, как показало исследование, проблема перспектив развития города. Проблемным, убогим, бедным, убитым, слабо развитым для города, походящим на большую деревню, городом ненужных людей и несбывшихся надежд, отсталым, дырой, дном, депрессивным, где нет работы, из которого уезжает молодежь, бесперспективным, умирающим, увядающим, угнетенным посчитали Омск 54 респондента. Напротив, только 9 отметили, что Омск – перспективный, город возможностей, открытый, креативный, строящийся, развивающийся, надежда, манящий. Один респондент охарактеризовал Омск как не слишком удобный, но спокойно-привычный.

В целом большинство омичей воспринимают город как большой, многонаселенный – 20, и только 2 респондента оценили его как маленький. Отмечают омичи и развитость инфраструктуры культуры, характеризуя Омск как культурный город, много развлекательных и образовательных мест – 4 человека, хотя 7 человек назвали Омск скучным. 19 человек охарактеризовали Омск как старый, старинный, древний, исторический, аутентичный, великий. Один респондент отметил, что Омск утратил свое былое величие.

Исследование показало также, что омичи обращают внимание и на климатические факторы, определяющие облик и образ города. Так, Омск был охарактеризован респондентами как заснеженный – 1, холодный – 1, солнечный – 2, болотистый – 1.

Еще омичи охарактеризовали свой город как сибирский – 2, степной – 1, провинциальный – 3, промышленный – 3.

В целом исследование показало, что омичи эмоционально относятся к своему городу. Многие любят его. Родным и любимым его назвали 35 человек, восхитительным, чудесным, умопомрачительным и пр. – еще 10.

Относительно показателя уникальности / усредненности мнения разделились. Странным, своеобразным, самобытным, непредсказуемым Омск назвали 7 человек, 6 человек, напротив, – среднестатистическим, средним, обычным, нормальным, стандартным.

При этом многие отметили контрастность образа жизни большого города. Омск как контрастный, двойственный, многоликий, многонациональный охарактеризовали 9 респондентов. Еще 5 отметили шум и суету присущую большому городу. 3 человека, напротив, охарактеризовали Омск как тихий, мирный.

Интересно, что при всех вышеотмеченных проблемах, омичи вину за их существование лично с собой никак не связывают, виновной считают некую (причем именно «некую», т. е. неизвестно какую) силу. Это отражается в таких характеристиках Омска, как запущенный, заброшенный, забытый всеми, обворованный, измученный – 7 ответов.

В заключение необходимо еще раз подчеркнуть, что город является многоплановым и сложным социальным и культурным феноменом, его специфичность и уникальность определяется посредством категории «образ места», в рамках которой воедино сливаются материальная и идеальная компоненты. В объективной реальности «образ места» проявляет себя как конкретная предметно-пространственная среда, включающая в себя прежде всего архитектурно-планировочную и природно-ландшафтную составляющие. Идеальная компонента «образа места» формируется как рефлексия личностей и сообществ, живущих в городе. Образ города задается совокупностью образов-символов, мифов, отражающих визуально воспринимаемый облик города, существующий в сознании его жителей. Каждый горожанин, вступая в диалог с городом, вносит лепту в создание его идеального – мифического пространства. Однако, по нашему мнению, образы художников, поэтов и писателей наиболее ярко и точно передают неуловимую ауру, индивидуальность и неповторимость конкретного места, их видение необходимо также анализировать при культурологическом и философском осмыслении образного пространства города.

1. Горнова Г. В. Соразмерность города и человека категорический императив градостроительства // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2016. № 2 (11). С. 22–25.

2. Линч К. Образ города / пер. с англ.: В. Л. Глазычев; ред. А. В. Иконников. М.: Стройиздат, 1982. 328 с.

3. Гутнов А. Э. Город и люди. Избранные труды. М.: Ладья, 1993. 320 с.

4. Лапшина Е. Г. Анализ пространственных концепций в архитектуре XX в. // Архитектон: известия вузов. 2014. № 45. Март. URL: http://archvuz.ru/2014_1/2 (дата обращения: 05.10.2016).

5. Иконников А. В. Пространство и форма в архитектуре и градостроительстве. М.: URSS, 2006. 349 с.

6. Замятнин Д. Н. Культура и пространство: Моделирование географических образов. М.: Знак, 2006. 488 с.

7. Каганов Г. З. К вопросу об образе среды // Городская среда: сб. материалов всесоюзной науч. конф. ВНИИТАГ и СА СССР. М., 1989. Ч. 1. С. 17–21.

8. Горелова Ю. Р., Букаринова Н. К., Шнайдер Д. Р. Образ Омска в восприятии омичей // Проблемы культуры городов России: теория, методология, историография, исследовательские модели и практики: материалы IX Всероссийского науч. симпозиума (Барнаул, 27–30 сентября 2012) / отв. ред. Д. А. Алисов. Омск: ООО «Издат. дом “Наука”», 2012. С. 132–138.

9. Горелова Ю. Р., Букаринова Н. К., Шнайдер Центр и окраины в восприятии омичей // Проблемы культуры городов России: теория, методология, историография, исследовательские модели и практики: материалы IX Всероссийского науч. симпозиума (Барнаул, 27–30 сентября 2012) / отв. ред. Д. А. Алисов. Омск: ООО «Издат. дом “Наука”», 2012. С. 149–156.

10. Горелова Ю. Р. Архитектурная среда в восприятии омичей // Культурологические исследования в Сибири. 2013. № 1. С. 73–81.

11. Горелова Ю. Р. Визуальные характеристики городской среды в восприятии омичей // Материалы Междунар. конгресса ФГБОУ ВПО СибАДИ «Архитектура. Строительство. Транспорт. Инновации». Кн. 2. «Архитектура, строительство, транспорт». Омск, 2013. С. 135–146.

12. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. на территории Омской области. О России языком цифр / Федеральная служба гос. статистики. Территориальный орган Федеральной службы гос. статистики по Омской области. Омск, 2012. 15 с.

13. Как провести социологическое исследование. В помощь идеологическому активу / под ред. М. К. Горшкова, Ф. Э. Шереги. М.: Политиздат, 1990. 288 с.

© Горелова Ю. Р., Межевикин И. В., 2016

УДК 101.3:159.929

Г. В. Горнова
G. V. Gornova

АДАПТИВНОСТЬ В ОТНОШЕНИИ ЧЕЛОВЕКА К МИРУ

В статье рассматриваются такие формы отношения человека к миру, как адаптивность и активность. Адаптивность является проявлением органической целесообразности. При анализе адаптивности необходимо обращение к категории поведения, а при анализе активности – к категории деятельности.

Ключевые слова: активность, адаптивность, целесообразность, поведение, деятельность.

ADAPTABILITY IN THE RELATION OF MAN TO THE WORLD

The article examines such forms of relation of man to the world as adaptability and activity. Adaptability is a manifestation of organic expediency. While analyzing adaptability, it is necessary to appeal to the category of behaviour, and while analyzing activity, – to the category of activities.

Keywords: activity, adaptability, behaviour, man, animal, ethology.

Философия как особая форма познания, постигая универсальность и целостность мира и человека, предельные основания человеческого бытия, делает попытки проникнуть в сущность того отношения, которое связывает мир и человека, разрабатывает концепции, в которых уясняет всеобщее в системе отношений «мир – человек».

Среди многообразия форм отношения человека к миру можно выделить познавательное и практическое отношение, этическое и эстетическое, ценностное и утилитаристское и др. В отношении человека к миру мы можем выделить также такие полярные формы, как адаптивность и активность. Понятно, что выделить в «чистом виде» эти взаимосвязанные формы достаточно сложно, так как человеку в равной мере присуща как способность к адаптации, так и активность.

Представления о человеке как осуществе адаптирующемся восполняются представлениями о человеке как об активном, деятельном субъекте. Надо отметить существование противоречий как между адаптивностью и активностью, так и внутри этих форм, например, адаптивность – неадаптивность, активность – пассивность, при этом неадаптивность, пассивность не всегда будут наделяться негативными коннотациями, так как могут в определенных условиях выполнять позитивные функции.

Адаптация традиционно понимается как процесс приспособления к изменяющимся условиям внешней и внутренней среды. Результатом адаптации выступает формирование приспособленности к факторам среды. На уровне биологических структур адаптация являет собой проявление органической целесообразности. Понятие адаптации используется при анализе объекта, организма, индивида, социальной системы в биологических, социальных и технических науках [1; 2]. При анализе адаптивности прежде всего используют такую категорию, как «поведение», понимая ее в широком смысле как систему действий по поддержанию своего существования и требующую взаимодействия с окружающей средой. При анализе активности чаще всего оперируют комплексом понятий, входящих в парадигмальный круг категории деятельности.

Поведение является объектом исследования многих наук (и отдельных направлений внутри этих наук): физиологии, генетики, зоопсихологии, этологии, эволюционной психологии, социобиологии, поведенческой экологии, социальной психологии и ряда других. Зачастую в основании этих наук лежат разные методологические принципы, иногда в них изучается только какой-то отдельно взятый поведенческий аспект, что затрудняет формирование непротиворечивого знания о природе поведения.

К примеру, в объяснении поведения существуют прямо противоположные доктрины внешнего средового детерминизма и генетического детерминизма. Первая доктрина предполагает, что поведение формируется исключительно изменениями внешних обстоятельств, вторая – базируется на теории наследования способностей, интеллекта, личностных черт, на концепции врожденности поведения и возможности его прогнозирования с помощью методов генетических исследований [3].

В настоящее время на основе сравнительных исследований и эволюционной теории, тоже претерпевающей очередную смену парадигмы, начинает складываться комплекс поведенческих наук, в котором преодолевается разрозненность взглядов конкретных научных дисциплин. Одним из ведущих определений поведения в этом подходе является определение А. С. Батуева: «Поведение – это, во-первых, генетически детерминированная видоспецифичная программа, во-вторых, лабильная система конкретных адаптаций к меняющимся условиям» [4, с. 109].

Необходимо обозначить существование терминологической неопределенности в определении понятия поведения: ряд исследователей разводит понятия поведения и активности по критерию адаптивности/активности, в других исследованиях эти понятия выступают синонимичными: «Поведение – целеориентированная активность животного организма, служащая для осуществления контакта с окружающим миром. <…> Генезис форм поведения обусловлен усложнением условий среды обитания, в частности переходом из гомогенной в предметную, а затем социальную среду» [5].

Также традиционно отмечается, что активность животных вызывается влиянием далеко не всех факторов внешней среды, а только некоторыми избирательными, выступающими в роли стимулов. «Активность животных всегда строится по схеме «стимул – реакция». Эта форма активности называется поведением, оно является могучим адаптационным средством живого существа» [6, с. 300]. Поясняется, что бихевиористская схема поведения «стимул – реакция» фиксирует следующие особенности детерминации активности животного внешней средой: 1) влияние на поведение не всей совокупности факторов внешней среды, а только ряда отдельных; 2) приспособление к этим проявлениям внешней среды; 3) запуск автоматических реакций, инстинктивных действий как ответ на влияние этих факторов [6, с. 305].

Стоит заметить, что все-таки в таких объяснительных схемах описывается не активность, а противоположное свойство живых организмов – реактивность как способность реагировать изменениями жизнедеятельности на воздействие внешней среды, при этом активная роль «исполняется» средой. С. Ф. Денисов подчеркивает при таком понимании активности разницу в поведении животного и человека: активность животного обладает таким предикатом, как целенаправленность, а активность человека – целесообразностью [6, с. 312].

В этологии произошел отказ от бихевиористского понимания поведения как простой совокупности реакций организма на стимулы внешней среды. В знаменитых четырех вопросах Н. Тинбергена так очерчивается круг стоящих перед этологией проблем и следующим образом представлен вектор, следуя которому надо анализировать поведение:

1. Какие факторы регулируют поведение?
2. Каким путем формируется поведение в онтогенезе?
3. Каким путем сформировалось данное поведение в филогенезе?
4. Каковы адаптивные функции данной модели поведения? [7, с. 42]

Можно высказать предположение, что эти вопросы для этологов являются такими же значимыми и программными, как знаменитые вопросы И. Канта для философов:

1. Что я могу знать?
2. Что я должен делать?
3. На что я смею надеяться?
4. Что такое человек?

У Канта четвертый вопрос – самый главный, ответ на него должен складываться из ответов на три предыдущих вопроса. Возможно, что и в этологической тетраде последний вопрос также является самым главным. Расшифровка адаптивного значения поведения человека позволит приблизиться к пониманию его природы.

Если мы будем рассматривать поведение человека как динамическое реактивное образование, направленное на адаптацию к изменяющимся условиям внешней среды, то мы должны отметить принципиальное сходство механизмов поведения животного и человека, обусловленное биологическими процессами (генетическими, биохимическими, нейрогуморальными и т. д.). Признание этого сходства необходимо для научного познания, так как позволяет реализовать принцип экономии мышления – предпочтительности более простой объяснительной конструкции при прочих равных условиях.

Д. А. Жуков призывает использовать применительно к поведению животных принцип Оккама, сформулировав его следующим образом: не стоит интерпретировать то или иное действие как результат проявления какой-либо высшей психической функции, если его можно объяснить на основе наличия у животного способности, занимающей более низкую ступень на психологической шкале. Также он замечает, что гораздо более продуктивным будет вначале применять к поведению человека понятия, используемые при описании поведения животных, и только когда они окажутся недостаточными – вводить новые, нежели отвергать биологический подход и требовать рассматривать человека как уникальное существо, абсолютно не детерминированное его животной природой [8, с. 14].

Исследователь иллюстрирует эту мысль рядом остроумных примеров: многие кошки и собаки, возвращаясь в город после проведенных на даче дней, начинают скучать, и прежде чем вести животное на прием к зоопсихологу, чтобы разобраться с депрессией, стоит попробовать дать глистогонные средства, в большинстве случаев улучшение состояния происходит крайне быстро [8, с. 15].

При всей ироничности этого примера он вовсе не является преувеличением, в настоящее время зоопсихологи, ветеринары-бихевиористы активно работают с животными. Вышедшая в 2014 г. в США и уже ставшая бестселлером по версии Нью-Йорк Таймс книга историка и антрополога науки Л. Брайтмен «Animal Madness» («Безумие животных») пока не переведена на русский язык [9]. Но с ее основными идеями можно ознакомиться по материалам лекции TED Л. Брайтмен «Депрессивные собаки, кошки с ОКР: что безумие животных означает для нас – людей». Исследователь считает, что животные также могут страдать психическими заболеваниями, фобиями, неврозами, аффективными и обсессивно-компульсивными расстройствами. Посттравматические стрессовые расстройства могут случаться не только с людьми-участниками боевых действий, но и с животными. Собаки-ветераны конфликтов в Ираке и Афганистане, вернувшись, могут бояться близко подходить к мужчинам с бородой или прыгать в машину.

Индустрия психофармакологии достаточно быстро среагировала на сложившуюся ситуацию, если раньше антидепрессанты, транквилизаторы или нейролептики только тестировались на животных, помимо токсичности отслеживались и поведенческие изменения (нейролептик торазин/аминазин тестировался на животных, анксиолитик либриум/элениум в 1950-х сначала давали кошкам), то теперь им их дают как пациентам. Многим гориллам в зоопарке выписывают противотревожные и антипсихотические препараты. Помимо этого используются вполне человеческие средства психотерапевтической поддержки. Гориллу Гиги из Бостонского зоопарка лечит от самодеструктивного аффективного расстройства психиатр с дипломом Гарварда. Ветеринар-бихевиорист, к которому приведут собаку, навязчиво преследующую свой хвост, помимо фармакологической помощи при обсессивно-компульсивном растройстве будет работать над ее поведенческими навыками и образом жизни [10].

В другом примере Д. А. Жуков интерпретирует более сложные формы поведения человека и животных. Человек, получивший резкое повышение по службе, может разительно измениться в своих отношениях с окружающими. Можно только строить догадки – скрывал ли он свои отрицательные качества долгое время или изменился стремительно вслед за назначением. А можно воспользоваться концепцией транспонирования социальной роли, которая хорошо изучена в поведении животных: при резком сломе иерархии «второй номер» после смерти лидера воспроизводит стиль поведения бывшего лидера, за которым он постоянно наблюдал, занимая подчиненное положение. Так, курица начинает вести себя в курятнике как петух – кукарекать по утрам, гонять других кур и делать на них садки. Изменение стиля поведения при изменении социального ранга является результатом социального обучения – феномена, общего для человека и животных [8, с. 15–18].

Если привести более серьезный пример, рассмотреть понятие греха, а в пределе – смертных грехов (чревоугодия, любострастия, гнева, уныния, сребролюбия, тщеславия, гордыни) в ракурсе аналитики биологических основ поведения, а не только с точки зрения моральных установлений, то ясно видно, что это сверхразвитые аффекты, каждый из которых важен для увеличения приспособленности индивида к среде, но при чрезмерном развитии они утрачивают свое адаптивное значение, снижают приспособленность отдельного человека или целого сообщества, поэтому являются крайне осуждаемой формой поведения [8, с. 18–19].

Однако этологический дискурс поведения человека с самого момента своего появления во второй половине XX в. порождает острые дискуссии, обвинения в биологическом редукционизме, негодование по поводу мнимой элиминации уникальности человека. Концепция инстинктивного поведения человека не была воспринята позитивно, приложимость этологических выводов к человеку подвергалась не просто сомнению, а возможно, даже и остракизму. Это демонстрирует судьба самых ярких этологических «бестселлеров»: «Агрессии» К. Лоренца, «Голой обезьяны» и «Людского зверница» Д. Морриса, «Непослушного дитя биосферы» В. Р. Дольника. Они подвергаются яростной критике рядом представителей гуманитарного знания и отдельными представителями естественно-научного сообщества [7, с. 51].

Удивительно, что критикующие в своем негодовании не обратили внимание на такую важную черту этологической парадигмы, ее основной ценностный элемент, – эмоциональное отношение к животным, на мой взгляд, также распространяющуюся и на людей. Эта черта парадоксальным образом сосуществует с одной из главных методологических установок этологии – объективизмом, чисто объективистской трактовкой поведения, принципиальным отказом от исследования субъективного психического мира животных (хотя его наличие не отрицается). «Сами этологи считали такое отношение к животным своей профессиональной чертой, характеризуя которую они говорили об «эмоциональной вовлеченности», о любви к животным, восхище-

нии их красотой и даже об эмпатии, когда исследователь сочувствует, сопереживает животному…» [11].

Автор данной статьи смог убедиться на собственном опыте в актуальном существовании такой критики на предзащите докторской диссертации, когда попытался описать социобиологическую сторону повседневного существования городского жителя, опираясь на идеи, изложенные в упомянутых выше трудах, при этом человек городской анализировался по схеме классической философской триады: тело – душа – дух, но этологический анализ вызвал резкое эмоциональное неприятие у ряда рецензентов и заслонил собой дальнейшее описание специфических черт горожанина в психоаналитическом и философско-антропологическом подходах.

В комплексе поведенческих исследований важное место занимает вопрос об оптимальности конкретного типа поведения в конкретных условиях. С одной стороны, во главу угла ставится способность сохранения особи, потомства, популяции, вида, что представляет собой необходимое условие развития в смысле овладения средой (пространственные и временные аспекты). Но, с другой стороны, степень адаптации к среде не будет являться критерием эволюционного прогресса, если его понимать как завоевание гео- и биосферы (физическое освоение среды животными и человеком) и ноосферы (интеллектуальное освоение мира человеком) [4, с. 114], поскольку в этом случае кроме адаптивной формы отношения к миру потребуется активная форма, реализуемая в деятельности.

1. Головин С. Ю. Адаптация // Словарь психолога-практика. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2001. С. 13.

2. Юдин Б. Г. Адаптация // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН. М.: Мысль, 2010. Т. 1. С. 53.

3. Палмер Дж. и Л. Эволюционная психология. Секреты поведения Homosapiens. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. 384 с. URL: http://coollib.com/b/293732/read#t2 (дата обращения: 15.06.2016).

4. Батуев А. С. Физиология высшей нервной деятельности и сенсорных систем. СПб.: Питер, 2008. 317 с.

5. Кондаков И. М. Поведение // Кондаков И. М. Психологический словарь. СПб.: Питер, 2000. URL: http://psychology.academic.ru/1651/поведение (дата обращения: 15.06.2016).

6. Денисов С. Ф., Дмитриева Л. М. Естественные и технические науки в мире культуры. Омск: ОмГТУ, 1997. 448 с.

7. Курчанов Н. А. Поведение: эволюционный подход. СПб.: СпецЛит, 2012. 230 с.

8. Жуков Д. А. Биология поведения: гуморальные механизмы. СПб.: Речь, 2007. 443 с.

9. RothmanJ. See spot get depressed // The New Yorker. July 23, 2014. URL: http://www.newyorker.com/books/joshua-rothman/animal-madness (дата обращения: 15.06.2016).

10. Брайтман Л. Депрессивные собаки, кошки с ОКР: что безумие животных означает для нас – людей // Лекция TED. URL: https://embed-ssl.ted.com/talks/laurel_braitman_depressed_dogs_cats_with_ocd_what_animal_madness_means_for_us_humans (дата обращения: 15.06.2016). Прим.: Также на YouTube есть много видеороликов с кошками, страдающими ОКР (обсессивно-компульсивным расстройством), поиск надо задавать по тегу «OCD-cat».

11. Гороховская Е. А. Этология: рождение научной дисциплины. М.: Алетейя, 2001. URL: http://ethology.ru/lib/goro/?p=3.2#main (дата обращения: 15.06.2016).

© Горнова Г. В., 2016

УДК 130.2

А. И. Давыдов
A. I. Davydov

ЗАЩИТНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Статья посвящается малоисследованной проблеме массовых механизмов психологической защиты. Несмотря на достижения мировой психологии, эта проблема остается «неизвестной землей» для других гуманитарных наук. Дается описание функционирования всех основных защитных механизмов цивилизации, зафиксированных ее системообразующими частями: политикой, идеологией, религией, философией и обыденной практикой. Приводятся примеры проекции, интроекции, идеализации, сублимации, идентификации, рационализации, ретрофлексии, конфлюэнции и др. Подчеркивается, что психологическая защита – необходимая характеристика культуры, обеспечивающая ее ответы на многообразные цивилизационные вызовы и снижающая вероятность кризисных рисков. Дальнейшее существование и развитие цивилизации, по мнению автора, будет порождать возникновение новых форм защитных механизмов и, следовательно, требуется обширная амплификация уже существующих.

Ключевые слова: психоанализ, междисциплинарный подход, идентификация, сублимация, регрессия, архетипы, амбивалентность.

DEFENSE MECHANISMS OF CIVILIZATION

The article is devoted to the understudied problem of mass psychological defense mechanisms. Despite the achievements of the world psychology, this problem remains an “unknown land” for the humanities. A description of the functioning of all the main defense mechanisms of civilization recorded by such its backbone parts as politics, ideology, religion, philosophy and everyday practice, is given. Examples of projection, introjection, idealization, sublimation, identification, rationalization, retroflexion, confluence and others are provided. The author emphasizes that psychological defense is a necessary characteristic of the culture that provides answers to the diverse civilizational challenges and reduces the likelihood of crisis risks. The continued existence and development of civilization, according to the author, will give rise to the emergence of new forms of defense mechanisms; therefore the extensive amplification of the existing ones is required.

Keywords: psychoanalysis, interdisciplinary approach, identification, sublimation, regressions, archetypes, ambivalence.

В современной психологической теории от психоанализа и эго-психологии до гештальт-терапии концепция индивидуальной психологической защиты является одной из наиболее разработанных. А. Фрейд, Д. Раппапорт, Ф. Перлз и И. Польстер не только описали разнообразные защитные механизмы личности, но и проанализировали последствия их действия для динамики личностного развития. Все теоретики отмечали амбивалентный характер психологической защиты, призванной снять бессознательное напряжение человека в его взаимодействии с окружающим миром. В психологии под психологической защитой понимаются специфические для данной личности культурно обусловленные приемы снятия патогенного влияния некоторых влечений и представлений, снижающих «Силу Я», т. е. способность личности целенаправленно регулировать свои действия, соотнося их с «принципом реальности», и тем самым активизировать адаптивные возможности организма во взаимоотношении со средой. В то же время психологическая защита может нести патогенные функции, деформировать личность, вызывать фрустрацию и нарушать межличностные отношения.

В гештальт-терапии психологические защитные механизмы даже получили название «невротические». Однако в других науках о человеке, изучающих его социальное и культурное бытие: в философии, социологии, культурологии, истории и др., психологическая защита как массовое, цивилизационное явление за редким исключением подробно не изучалась. В работах Г. Лебона и Э. Канетти [1] о массовой психологии, экзистенциальной философии Ж.-П. Сартра и у Х. Ортега-и Гассета хотя подобные явления и описываются, но термин не употребляется и само действие психологической защиты не анализируется. По мнению автора, история полнится примерами, демонстрирующими действие именно психологических защитных механизмов на массовом уровне, и это действие можно рассматривать как самостоятельную проблему, требующую пристального изучения. Автор статьи намеренно допускает эклектику, прибегая к теоретическим положениям различных психологических школ, так как полагает, что в масштабе цивилизационного подхода нюансами, различающими отдельные подходы в индивидуальной психологии и психотерапии можно пренебречь.

Одним из наиболее распространенных на цивилизационном уровне защитных механизмов и наиболее деструктивных для социума является проекция. И в классическом, и в постклассическом психоанализе [2] и в гештальт-терапии она определяется сходным образом как освобождение индивидуума от навязчивых и опасных для него психических тенденций путем приписывания их другим лицам и объектам. В социокультурной сфере проекция выражается в создании «образа врага». Известное с первобытных времен противопоставление «своих» и «чужих» с проецированием на последних всех мыслимых и немыслимых негативных черт с развитием цивилизации приобретает все больший размах.

Боязнь чужаков, начиная от достаточно невинной и даже в некоторых случаях необходимой ксенофобии, в своем развитии приводит к этнической и социальной ненависти. Человек с другим цветом кожи, другой веры и с другими обычаями и идеологией становится врагом, носителем всевозможных грехов и пороков. Расизм и шовинизм распространяются в XX веке с развитием массовой пропаганды, охватывая страны и народы, порождая мировые войны. Проекция, мобилизуя массы во время войны, является также и одной из ее причин. В средние века проекция позволяла инквизиции развязывать охоту на ведьм и еретиков, приобретала характер массовых психозов и настоящих психических эпидемий. В дальнейшем она давала возможность авторитарным режимам, создававшим «министерства правды», устраивать геноцид и травлю «врагов народа». Причем жертвы часто идентифицировались с палачами (стокгольмский синдром) и оправдывали любые преступления. Проективная идентификация превращала целые народы и социальные группы в зверей.

Сейчас комплекс вины цивилизованных европейцев за колониализм и мизантропию вызвал к жизни крайности мультикультурализма и политкорректности. Однако проекция процветает и дальше, вызывая исламский джихадизм и этнические чистки. Пропаганда совершенствуется благодаря техническому прогрессу в массовых коммуникациях и накопленному опыту, дополняя образ врага мифами о национальной или государственной исключительности, и здесь включается другой механизм – интроекция. По поводу этой формы психологической защиты у разных психологов также существует полное единодушие.

Интроекция – некритическое заимствование индивидуумом социальных норм, образов, взглядов, мотивов других людей и целых сообществ, официальных инстанций, стирающее грань между собственными и чужими представлениями. Человек превращается в конформиста, обезличенный автомат, не способный к осознанному выбору. Интроекты органично не усваиваются, оставаясь чужеродными элементами ментальной структуры, «паразитами сознания». При этом человек превращается в удобный объект для манипуляции со стороны. Интроекция используется адептами тоталитарных сект, экстремистских организаций и пропогандистскими аппаратами авторитарных режимов. Этот защитный механизм, дающий иллюзию приобщения к «своим», иллюзию коллективизма был талантливо описан Э. Фроммом в «Бегстве от свободы», К. Хорни в фундаментальном труде «Невротическая личность нашего времени», в работах Х. Арендт и Х. Ортеги-и-Гассета.

Механизм интроекции заложен самой нашей способностью к импринтингу, и без него были бы невозможны успешная социализация, воспитание и образование, но в своем злокачественном выражении он обезличивает человека, делая его бездумным ретранслятором чужих идей, «попугаем». Становясь «человеком-массой», частицей толпы, объектом циркулирующих в ней слухов и проективных страхов и ожиданий, человек, теряя личностную оригинальность, тем не менее, остается крайне одиноким. Он становится эгоистичным, бездуховным потребителем. В этом повинны также другие формы защиты: ретрофлексия, дефлексия, эготизм, описанные в гештальт-терапии Ф. Перлзом [3], С. Гингером и Дж.Энрайтом. Растворяясь в толпе (механизм конфлюэнции), человек испытывает чувство эйфории, беспричинного энтузиазма. Толпа особенно восприимчива к массовым психотическим явлениям (например, к панике)

и агрессивна. Этими ее качествами всегда с успехом пользовались диктаторы и политические демагоги.

Конфлюэнция – слияние, стирание межличностных границ, деиндивидуализация. На ней строятся такие позитивные формы человеческих отношений, как дружба, любовь и боевое товарищество. От нее зависит эмпатия, но она же порождает семейственность, кумовство, клановость и, в конечном счете, коррупцию.

Ретрофлексия – это самозамыкание, психологическая атомизация, патологическая интроверсия. Все эти невротические защитные механизмы, оберегая человека от полного личностного распада, «бегства в болезнь», нарушают нормальные взаимоотношения со средой, «контакт-границу». Особенность гештальт-подхода, в отличие от психоанализа, как раз и состоит в акцентировании исследовательского внимания на взаимодействии организма и социальной среды, а не на внутрипсихических коллизиях.

В культурных традициях человечества защитные механизмы развиты по-разному. В экстравертированной западной культуре с ее культом индивидуализма в большей степени развиты ретрофлексия и эготизм. В коллективистской восточной – конфлюэнция и дефлексия (формализация межличностных отношений, особое почтение к этикету). Глобализация постепенно стирает границы, смешивая времена и нравы. Россия являет собой пример эклектического соединения восточных и западных культурных ментальных установок, своеобразный «слоеный пирог», в том числе и по разнообразию форм психологической защиты вплоть до самых архаичных: формирование реакции, изоляция и отрицание [4]. Геополитическое положение огромной континентальной страны между Востоком и Западом делает ее открытой разнородным, часто противоречивым влияниям, а катастрофические смены всего уклада жизни на протяжении нескольких столетий, расколы в социуме и духовной сфере нанесли жителям череду глубоких психических травм, потрясших все основы жизни [5]. В этих условиях сформировалось множество негативных черт менталитета россиян: психический инфантилизм, этатизм, культ правителя, безответственность власти и общества [6]. Эту специфику России отмечали многие мыслители от П. Я. Чаадаева до А. Дж. Тойнби, выделявшего нашу страну в особую цивилизацию. Но это же породило великую русскую литературу. Герои Достоевского и Тургенева психически надломленные люди, демонстрирующие различные способы психологической защиты. Страшные потрясения, пережитые нашим народом, позволяют говорить о массовом посттравматическом синдроме [7].

Одной из специфических черт человеческой истории является вождизм. Масса обретает необходимое сплочение благодаря идентификации своих членов с лидером. По мнению З. Фрейда, идентификация (в данном случае психическое отождествление) – наследие детства как личного семейного, так и филогенетического – иерархия внутри стаи. Этому посвящена его работа «Психология масс и анализ человеческого Я» [8]. С внутригрупповыми идентификационными связями с лидером вплоть до его обожествления связан также механизм идеализации (присвоение некому субъекту или объекту особо выдающихся качеств). Лидер наделяется харизмой, сверхчеловеческими свойствами, чаще всего мнимыми, хотя не исключаются и реальные выдающиеся характеристики. Функции создания идеальных моделей с незапамятных времен принадлежат религии и философии, хотя последняя в большей степени наряду с идеологией отвечает за развитие механизма рационализации – это «защитный механизм, блокирующий осознание истинных мыслей, чувств, мотивов деятельности человека путем формирования более приемлемых для личности объяснений ее поведения» [9, с. 34]. Следует еще отметить универсальные для любой культуры защитные механизмы ритуализации – навязывание индивидууму культурной средой стереотипных образцов поведения, угнетающих спонтанное проявление его личностных черт, что достигается табуированием, известным с первобытных времен, и вытеснения – репрессии, исключения из области сознания индивидуума неприемлемых по какой-либо причине для данной культуры желаний и представлений.

Наиболее важный и позитивный защитный механизм цивилизации – сублимация. Она позволяет преобразовать деструктивные и опасные для культуры влечения человеческой души, главным образом вытесненные, в творческие импульсы, обеспечивающие развитие науки и искусства. Энергия инстинктов становится мыслями и чувствами созидателей. Однако успешная сублимация – удел немногих избранных, и требуются постоянные усилия носителей цивилизации, чтобы она происходила. В отдельные эпохи спонтанная сублимационная активность приобретает характер информационного взрыва: «осевое время», период Возрождения, но в остальное время необходима целенаправленная активность политической и экономической элиты общества, если ее нет, то культура деградирует и возникает опасность регресса, что убедительно показывает Д. Даймонд [10].

В целом цивилизационные защитные механизмы при всей их иррациональности призваны предотвращать возникновение массовой патологии идентичности, под которой Э. Эриксон подразумевал психосоциальный синдром, характеризующийся наличием в обществе массовой неудовлетворенности, сопровождающийся чувствами страха, тревоги, изоляции, опустошенности, беспричинной агрессии, апатии. Подобные кризисы идентичности периодически возникают в переходные периоды, переживаемые цивилизацией и сопровождают крушение старой системы ценностных ориентаций и крах сложившихся культурных установок. Такая трансгрессия сопровождала крушение многих империй, включая советскую. Как и в случае с возрастными кризисами отдельного человека смена адаптивной модели социума требует включения механизмов защиты, основанных на внутренних резервах. Кризисы болезненны и могут даже погубить организм, но необходимы, так как обеспечивают динамику развития. А разумная культурная политика создает «подушку безопасности» [11].

По мере дальнейшего развития цивилизации вероятно будут возникать новые защитные механизмы и усложнятся уже существующие. Вся динамика социума демонстрирует тенденцию к усложнению тонкой системы его саморегуляции [12].

Необходимость изучения таких сложных явлений, как психологические защитные механизмы цивилизации и их

влияние на установки той или иной культуры и массовое сознание (а если следовать логике К. Г. Юнга, то и на коллективное бессознательное) ставит, по мнению автора, вопрос о принципиальной междисциплинарности гуманитарного познания. Следует выйти за пределы научного поля той или иной дисциплины, расширить методологический инструментарий ученого. Философия, культурология и история в этом случае тяготеют к синтезу с психологией и политологией. Этот путь лежит в русле парадигмальной составляющей современной методологии гуманитарного познания [13].

Таким образом, психологическая защита цивилизации не случайное явление, не ее «болезнь», как считал Фрейд, а необходимая составляющая любого сообщества в любую историческую эпоху, коренящаяся в самой сути человеческой души. Ее архетипическая повторяемость и повсеместность подтверждает закономерность существования массовых защитных механизмов. Тщательное же их изучение даст возможность избежать нежелательных «побочных явлений» и злокачественных эксцессов защиты. Используя аналогию с психотерапевтическим процессом, можно отметить, что четкое осознание причин явления позволяет избавиться от его опасных симптомов и мобилизовать адаптивные ресурсы. А «лекарства» всегда под рукой в виде многообразного культурного наследия, накопленного человечеством, и системы образования. Главное – уметь ими правильно воспользоваться.

1. Канетти Э. Масса и власть // Райгородский Д. Я. Психология и психоанализ власти: хрестоматия. Самара: ИД «БАХАРАХ», 1999. С. 49–210.

2. Давыдов А. И. Психоанализ как методология исследования российской культуры. Новосибирск: СГУПС, 2013. 194 с.

3. Перлз Ф. Гештальт-подход. Свидетель терапии. М.: Специальная литература, 2009. 340 с.

4. Фрейд А. Эго и механизмы защиты. М.: Эксмо, 2003. 253 с.

5. Братусь Б. С. Русская, советская, российская психология: конспективное рассмотрение. М.: ИПСИ : Флинта, 2000. 88 с.

6. Бескова И. А. Типы культур и ментальность человека // Философия и культура, 2009. № 9. С. 53–61.

7. Попова О. В. Россия как «Другой»: к вопросу об амбивалентности субъектов оценки // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2008. Серия 6: Философия, политология, культурология, право, международные отношения. Вып 4. С. 43–51.

8. Фрейд З. Массовая психология и анализ человеческого «Я». М.: АСТ, 2009. 212 с.

9. Давыдов А. И. Историческая психология в учебном курсе истории России. Новосибирск: Изд-во СГУПСа, 1999. 43 с.

10. Даймонд Д. Коллапс: Почему одни общества выживают, а другие умирают: пер. с англ. М.: АСТ, 2008. 762 с.

11. Дорогавцева И. Тенденция репрезентации Другого в современной российской культуре: образ врага // Вопросы культурологии. 2010. № 11. С. 55–60.

12. Дудченко О. Н., Мотыль А. В. Две модели адаптации к социальным изменениям // Россия: трансформирующееся общество / под ред. В. А. Ядова. М.: Канон-Пресс-Ц, 2001. С. 609–620.

13. Микешина Л. А. Методология гуманитарных наук // Эпистемология. Философия науки. 2009. № 1. С. 167–171.

© Давыдов А. И., 2016

УДК 101.1:316

А. А. Ковалевский
A. A. Kovalevsky

НЕГАТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА

Статья посвящена негативным основаниям общественных явлений и социальной природе конфликтов. Обосновывается тезис о том, что общество не только создает индивида, но и ограничивает его, при этом само общество построено на внутреннем конфликте между социальным и индивидуальным. Показывается, что для консолидации разрозненных индивидов социум вынужден применять прямые угрозы личности и использовать монополию насилия.

Ключевые слова: общество, смерть, страх, насилие.

NEGATIVE BASES OF SOCIAL ORDER

The article is devoted to the negative bases of social phenomena and social nature of the conflict. The author substantiates the thesis that the society not only creates an individual, but also limits them, and society itself is based on an internal conflict between social and individual. It is shown that for the consolidation of disparate individuals the society is forced to apply direct threats to the personality and use the monopoly of violence.

Keywords: society, death, fear, violence.

Для человечества всегда оставалась актуальной проблема насилия во всех его формах и масштабах: от ссоры до войны, что всегда присутствует в каждом конкретном обществе и обществе вообще. На микросоциальном уровне каждый человек является потенциальным актором конфликтного взаимодействия, на макросоциальном уровне конфликт общественных групп способен затронуть всех членов общества. Объяснить природу подобного рода взаимодействий можно с помощью анализа негативных истоков социальности. Негативных в том смысле, что они основываются на деструктивных потенциях человека, на вызываемых ими отрицательных состояниях и эмоциональных переживаниях.

Само общество, несомненно, позитивно: только в социуме может сформироваться личность. Но в социально-гуманитарных исследованиях распространена также и точка зрения, представляющая человека как существо страдающее, претерпевающее, ущемленное социумом. В разных версиях психоаналитических концепций существует тезис, объясняющий причину невроза разделением социальной позиции человека и его самости, которая становится вторичной по отношению к социальной роли, подавляется ей, что крайне деструктивно влияет на человека. Такое положение дел создает конфликт, который не способен разрешиться без изменения парадигмы взаимоотношений человека и общества. Э. Фромм пишет, что «спасаясь от экзистенциальной раздвоенности, человек идентифицирует себя со своей социальной организацией и забывает про то, что он личность… Он оказывается в состоянии так называемого «негативного экстаза», он забывает себя, теряет лицо» [1, с. 294], переставая быть личностью и становясь вещью.

Но без навязывания индивидам социальных нормативов, которые с ходом истории все более усложняются, существование общества оказывается невозможным. Ведь строится оно на разделении труда, обязанностей, прав, на поддержание чего направлены все административные и законодательные акты, социальные и политические институты. Эта система различий дополняет внутренний разрыв человека внешним, делящим общество и его членов на классы, категории, группы, навязывание различий способствует усложнению идентификации человека как с обществом в целом, так и с самим собой. В подобном случае негативное переживание, вызванное неспособностью осознать себя (свою социальную роль) и свое место в мире, дополняется злостью, направленной на людей, находящихся вне твоей социальной группы, отражая обратную сторону исключительно групповой идентификации.

Идентификация индивида с обществом как проблема соотношения частного и общего определяется Г. В. Ф. Гегелем как негативная, так как необходимо присущие общему элементы отрицают его, оставаясь в его целостности, но все же сами являются автономными существами, вечно одинокими «социальными атомами», имеющими свои интересы, идущие вразрез с общественным, отрицающие эти интересы и само общество как таковое [2, с. 230]. Однако в подобном состоянии подавленной субъективности человек не способен стремиться к своим частным интересам вопреки общественным [3, с. 255]. Так мы можем увидеть, что вся общественная консолидация негативна, основывается на противоречиях и борьбе как человека с обществом, так и общества с человеком. Но только поэтому и возможно общественное развитие, которое кроется в фундаментальной противоречивости всей социальной системы, что наиболее наглядно показано в марксизме.

Однако негативное основание общественной консолидации содержится не только в борьбе, но и в страхе перед ничем и никем не контролируемой агрессией. Это утверждал Т. Гоббс, который причиной возникновения общества считал страх человека перед состоянием естественной всеобщей войны, т. е. страх перед смертью от руки других людей, невовлеченных с ним в социальную связь и преследующих только свой интерес, а не общий с ним. Таким образом человечество преодолевает свои естественные негативные стремления по отношению к другому созданием негативной системы связи между людьми, основанной на страхе, в которой состояние войны всех против всех на самом деле не исчерпывается, а принимает лишь иные формы и страх остается обязательным элементом и новой системы [4, с. 95–98].

Продолжая эту идею, А. Шопенгауэр приводит следующую аналогию: подобно тому, как материя существует необходимо вследствие расширения и сжатия, так и общество имеет в своем основании два противоположных начала в человеческой природе – страх и ненависть. Ненависть – это двигатель войны всех против всех и без ее ограничения страхом каждый стал бы убийцей, но и с одним страхом человек не мог бы быть целостным деятельным субъектом, и ненависть помогает ему преодолевать страх [5, с. 168]. Страх и ненависть образуют диалектическое единство, на котором основывается все общество, но их глубинным источником все же остается смерть: ее причинение, претерпевание, переживание и страх, заставляющие человека отказаться от своей единичности и вступить в общество, приняв социальность в себя вместе со всеми ее негативными атрибутами.

Также некоторые аспекты устройства общества представлены у Г. В. Ф. Гегеля в диалектике Господина и Раба: первичное разделение на различные социальные слои, на структуру господства, на появление Господина и Раба, где один угрожает смертью, не боясь ее, а второй из страха смерти отдает и свою жизнь в подчинение. Так в глубинные основы социальной жизни закладывается неравенство и, соответственно, несправедливость, установленные отнюдь не естественно и добровольно, но насильственно, с использованием лишь негативных аспектов жизни человека, а не позитивных (договор, консолидация, дружба).

Именно «на насилии, под какими бы покровами легализма оно не было сокрыто, покоится в конечном итоге социальная иерархия» [6, с. 137], т. е. и само общество тоже. И возможно оно только благодаря эксплуатации, силе, подчинению, страху, жажде власти и страсти к разрушению. Поэтому все эти деструктивные элементы человеческой психики, находясь в естественном животном реактивном состоянии, в направленности на поддержание жизни своей и рода, актуализируются и усиливаются в обществе ради способности приспособиться к нему и становятся направлены на все: себя, близких, род, вид, природу, мир, разрушая их частное для поддержания стабильности существования целого.

И чем более человек становится независим от природы, тем более он подчинен социальному, находится под давлением скрытого насилия и сам проявляет его скрыто или открыто. Основные формы такого насилия Г. Маркузе разделил на три основные составляющие. Во-первых, господство человека над самим собой, т. е. подавление своей природной, животной сущности путем ограничения влияния на себя инстинктов и прочих естественных черт своего бытия, что деструктивно влияет на понимание и переживание себя человеком и соответственно выражается в его поведении. Во-вторых, господство общества над индивидами, контроль над ними, порой принимающий тоталитарные

формы, уничтожающие проявление индивидуальности как на физическом, так и на культурном уровне, основная форма чего находится в прибавочной репрессии – дополнительном социальном контроле, обусловленном спецификой организации труда и досуга, еще более разнящихся с естественными потребностями индивида и потому более деструктивных для него. И в-третьих, господство общества над природой, которое хоть и привело к развитию науки и техники, но из-за применения насильственных способов поставило человечество перед перспективой экологических катастроф, способных уничтожить все общество в целом [7, с. 25–95].

Данные формы насилия раскрывают негативные механизмы функционирования социума, указывая в целом на репрессивность общественного устройства, отсылающего своим подавлением к смерти, угрозе ею и страху перед ней. Так смерть становится не только природной, но и общественной необходимостью, правовой, из-за чего смерть и является зачастую предметом распоряжения властей. С другой стороны, связь смерти и общества раскрывают Ж. Батай и М. Бланшо, которые пишут о том, что не страх своей смерти заставляет человека создавать сообщества в попытках избавиться от этого страха, но принцип недостаточности человека, возникающий при осознании акта смерти другого. Принцип недостаточности создает в человеке стремление объединения в поисках целостности, сопричастности чему-то вне себя [8, с. 12]. Поэтому само общество становится массой людей, которая коллективно переживает смертность. А так как смерть другого оказывается непостижима, то возникает коммуникация, несущая в себе вечную недоговоренность [8, с. 39]. На этом основании тезис о необходимости социуму войн заменяют положением о том, что «любое сообщество способно существовать лишь на высоте гибельной напряженности, оно распадается, как только перестает постигать особое величие смертельной опасности» [9, с. 120], но уже в плане совместного чистого переживания смерти, а не страха перед ней.

Идея о значимости роли смерти и порождаемых ею негативных аспектов человеческой жизни в появлении общества возникает уже в теологической доктрине иудаизма и христианства, символически отраженной в их мифологии. Так, Адам и Ева изгоняются из Сада, который есть аналогия природы и естественности в целом, в заброшенный и опасный мир. Изгоняются они из него, так как получают такие знания, которые не могут оставить их дальнейшее неизменное существование в данной парадигме. Но изгнание предполагает некоторые формы наказания, главное из которых– смерть. Отдельно на мужчину налагается обязательство труда, т. е. производства того, чего до этого в природе не существовало, что невозможно вне коллектива. А на женщину – систематическое восполнение социального бытия, сопровождающееся физическими страданиями. В таком случае очевидно, что социум как мера наказания является феноменом негативным, противопоставляется естественной и трансцендентальной гармонии.

Сходный сюжет описывает и З. Фрейд в своей психоаналитической концепции происхождения общества, перенося негативные переживания из религиозного мифа в нечто вроде естественно-научного мифа о том, что смерть и ее переживание создали общество, а именно убийство сыновьями своего отца [10, с. 427], т. е. источника естественной репрессивности. Только посредством этого первобытная орда становится именно обществом, а братья и сестры– социальными агентами. Переживание смерти создает между ними новый, ранее неведомый тип связи, из которого и рождается вся культура, социальные институты, служащие трансформации человеческого стремления к смерти и деструкции в полезные для общества действия. Они оказываются лишь потенциально деструктивными, но актуально репрессивными. Наиболее очевидно это в навязывании социальных норм человеку, которые становятся частью его психики, формируя Сверх-Я и совесть, направляющие все негативные стремления человека на него самого, разрушая его [11, с. 235–255].

Внешне для человека подобная деструктивность приобретает форму дисциплины, как называл это М. Фуко, т. е. форму управления всеми жизненными процессами, телом, мыслями, деятельностью, ограничивающую человека, придающую его деятельности деструктивный и ограниченный характер [12, с. 197–248]. В этом плане с ним согласен Ж. Бодрийяр, который пишет, что всякая власть вообще находится как между человеком и его телом, так и между его жизнью и его смертью [13, с. 239]. Поэтому, согласно М. Фуко, освобождение человека от общества оказывается невозможным, так как со временем репрессивность системы приобретает формы микровласти, что делает ее менее насильственной, но более всеобъемлющей, управляющей уже не страхом, но определенным порядком и дискурсом, которые являются другими формами власти и насилия [12, с. 140–335]. Ж. Бодрийяр дополняет эту мысль тем, что в подобной системе любое отрицание индивидом одного социального всегда охватывается другим социальным, которое начинает его обусловливать. А так как любая форма социального управления основывается все же на угрозе жизни, то самым действенным способом избежать социального управления является самостоятельное использование ресурса смерти по отношению к себе, не допуская к нему других. Тогда в отношении подчиненного и подчиняемого индивид и власть меняются местами. Каждое самоубийство опрокидывает репрессивность системы, ее совершенную рациональную логику. И любой антиобщественный свободный акт тогда становится микро-самоубийством [13, с. 308]. Можно сказать, что Ж. Бодрийяр предлагает преодолеть негативность системы путем увеличения своей собственной негативности, без управления которой она не может существовать.

Получается, что человеческая тяга к деструкции является социально обусловленной, само общество задает условия, в которых деструкция становится приоритетной. Г. Зиммель находит основание этой тенденции в самых ранних социальных формах, в изначальной враждебности всех малых примитивных групп, по умолчанию находящихся в состоянии войны с остальными, если между ними не заключен мирный договор. Фактически состояние войны являлось доминирующей формой социальной связи, так как любая коммуникация с чужим происходила только через нее. Внутренняя социальная негативность, таким образом, становится важным соединяющим элементом всего общества, основой социальной связи [14, с. 502–504]. Это подтверждает и Э. Фромм, который подчеркивает, что человеческая

жестокость как воспроизводство негативности появляется именно с возникновением общества и с ходом истории лишь увеличивается [1, с. 551]. А причиной этого является вертикальная структура социума и постоянная борьба за власть, за право угнетения, из-за чего человек на самом деле все больше дегуманизируется [1, с. 205].

Таким образом, при анализе общественного устройства необходимо принимать во внимание и его негативные основания: порождение обществом насилия, угнетения, страха, ненависти. Находясь глубоко в структуре общественного, они проявляются и во всех социальных агентах, что делает деструктивное поведение и страдания неотъемлемой частью социального существования.

1. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. Минск: Попурри, 1999. 624 с.

2. Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа. М.: Наука, 2000. 495 с.

3. Гегель Г. В. Ф. Философия природы. М.: Мысль, 1975. 696 с.

4. Гоббс Т. Левиафан // Гоббс Т. Соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1991. Т. 2. 731 с.

5. Шопенгауэр А. Parerga и Paralipomena // Шопенгауэр А. Собр. соч.: в 6 т. М.: Терра, 2001. Т. 5. 528 с.

6. Хоркхаймер М., Адорно Т. В. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. М.; СПб.: Медиум, Ювента, 1997. 312 с.

7. Маркузе Г. Эрос и цивилизация // Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек. М.: АСТ, 2003. С. 6–250.

8. Бланшо М. Неописуемое сообщество. М.: МФФ, 1998. 78 с.

9. Батай Ж. Внутренний опыт. СПб.: Аксиома, 1997. 336 с.

10. Фрейд З. Тотем и табу // Фрейд З. Собр. соч.: в 10 т. М.: СТД, 2008. Т. 9. С. 287–444.

11. Фрейд З. Неудовлетворенность культурой // Фрейд З. Собр. соч.: в 10 т. М.: СТД, 2008. Т. 9.С. 191–270.

12. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. 480 с.

13. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. 387 с.

14. Зиммель Г. Человек как враг // Зиммель Г. Избранное. М.: Юристъ, 1996. Т. 2. Созерцание жизни. С. 501–509.

© Ковалевский А. А., 2016

УДК 101.9

Н. Г. Красноярова
N. G. Krasnoyarova

Н. А. БЕРДЯЕВ: ФИЛОСОФИЯ В ЗЕРКАЛЬНОМ ОТРАЖЕНИИ ЖИЗНИ И СУДЬБЫ

В статье осуществляется реконструкция тематического содержания философии Н. А. Бердяева и особенностей его типа философствования на основе авторской самооценки творчества в контексте своей судьбы и отражения судьбы и творчества философа в воспоминаниях его жены. Личность и жизнь философа показываются вплетенными в его концептуальные поиски. Своеобразие типа философствования Бердяева, определенное своеобразием его личности – это страстность мысли, индивидуалистичность и парадоксальность.

Ключевые слова: Н. А. Бердяев, философия, тип философствования, личность философа, жизнь философа, судьба философа.

N. A. BERDYAEV: PHILOSOPHY IN THE MIRROR REFLEXION OF LIFE AND DESTINY

The article represents a reconstruction of the thematic content of N. A. Berdyaev's philosophy and characteristics of his type of philosophizing on the base of the author's self-assessment of his creativity in the context of his own destiny and reflection of the destiny and creativity of the philosopher in the memories of his wife. The philosopher's identity and life are shown as woven into his conceptual search. The originality of Berdyaev's type of philosophy, defined by the originality of his personality, is the passion of thoughts, individuality, and paradoxicality.

Keywords: N.A. Berdyaev, philosophy, type of philosophizing, identity of the philosopher, life of the philosopher, destiny of the philosopher.

Русская философская традиция, к которой принадлежит Н. А. Бердяев, относится к тому типу философствования, где судьба мыслителя, его жизненный путь, сама личность во всей ее полноте становятся важнейшим аргументом в философском творчестве, без знания о них часто невозможно адекватно представить себе философское учение. Ключ к творчеству Николая Александровича Бердяева надо искать в строе его личности: стремясь понять его основные идеи, следует идти не от абстрактной научной проблематики, но от вопроса: что за человек был Бердяев?

Как человек Николай Александрович Бердяев (1874–1948) был удивительно цельной, истинно творческой личностью. Его называли в Европе «русским Гегелем XX века», одним из универсальных людей эпохи.

Николай Александрович происходил из древнего русского рода. Отец – предводитель дворянства, председатель Киевского земельного банка, штаб-ротмистр в отставке Александр Михайлович Бердяев. Мать – Александра Сергеевна – урожденная княжна Кудашева, по матери – наполовину француженка. Из воспоминаний Л. Ю. Бердяевой, жены

философа: «Отец *Ни* (домашнее имя Николая Александровича. – *Н. К.*), как и дед, и прадед его, были люди исключительно благородные, смелые в защите чести и достоинства человека без различия классов и положений. Многие из них были военные герои… Мать *Ни* по воспитанию была иностранкой, в молодости жила в Париже… Молилась по французскому молитвеннику… До старости (умерла 75 лет) была очаровательна, изящна, приветлива, любила общество, развлечения, но главное – была очень добра. В ней чувствовалась подлинная духовная аристократичность в лучшем смысле этого слова. <…> Алина (Александра) Сергеевна обожала *Ни*, так же, как и отец. Старики очень любили друг друга…» [1, с. 136].

Но в отношении к семье, как и ко многому другому, Н. А. Бердяев был не похож на других и, как всегда, очень оригинален в своих суждениях. Любя своих родителей, Н. А. Бердяев подчеркивал в своей книге «Самопознание. Опыт философской автобиографии» (1940) прежде всего духовное родство и скептически относился к родству физическому, к происхождению: «Я не люблю семьи и семейственности… У меня всегда была мучительная нелюбовь к сходству лиц, к сходству детей и родителей, братьев и сестер. Черты родового сходства мне представлялись противоречащими достоинству человеческой личности. Я люблю лишь «лица не общее выражение». …Я любил их (родителей. – *Н. К.*), считал хорошими людьми, но относился к ним, скорее, как отец к детям, заботился о них, боялся, чтобы они не заболели, и мысль об их смерти переживал очень мучительно. <…> Но никогда не мог открыть в себе ничего похожего на Эдипов комплекс, из которого Фрейд создал универсальный миф. Родство всегда казалось мне исключающим всякую влюбленность» [2, с. 15].

Детство философа – счастливое детство в богатой дворянской усадьбе при любящей няне, заботе родителей, с поездками на заграничные курорты и т. п. Но главным было другое – это книги, чтение, исключительно раннее осознание своего призвания. «Во мне необычно рано пробудился интерес к философским проблемам, и я осознал свое философское призвание еще мальчиком. <…> В это время я уже много читал и рано задумывался над смыслом жизни. Но я никогда не мог решить ни одной математической задачи, не мог выучить четырех строк стихотворения, не мог написать страницы диктовки, не сделав ряд ошибок. <…> Я всегда был неспособным учеником, несмотря на очень раннее мое умственное развитие и на чтение книг, которых в моем возрасте никто не читал. Когда я держал выпускной экзамен по логике, то я уже прочел «Критику чистого разума» Канта и «Логику» Д. С. Милля. Мои способности обнаруживались лишь тогда, когда умственный процесс шел от меня, когда я был в активном и творческом состоянии, и я не мог обнаружить способностей, когда нужно было пассивное усвоение и запоминание, когда процесс шел извне ко мне. Я, в сущности, никогда не мог ничего пассивно усвоить, просто заучить и запомнить, не мог поставить себя в положение человека, которому задана задача. Поэтому экзамен был для меня невыносимой вещью. Я не могу пассивно отвечать. Мне сейчас же хочется развить собственные мысли» [2, с. 23]. «Никогда никто не натолкнул меня на занятия философией, это родилось изнутри» [2, с. 25].

С детства Бердяев – враг быта, суеты повседневных интересов и забот, и отсюда, как объясняет сам философ, «ранняя любовь к философии и к философии метафизической связана с моим отталкиванием от «жизни» как насилующей и уродливой обыденности. <…> Физиологические потребности никогда не казались мне безотлагательными, все мне представлялось зависящим от направленности сознания, от установки духа. Близкие даже иногда говорили, что у меня есть аскетические наклонности. Это неверно, мне, в сущности, чужд аскетизм. Я был с детства избалован, нуждался в комфорте» [2, с. 33–34].

«Свободное приобщение к мировому знанию» и формирование своего отношения к нему происходит прежде всего в чтении, считал Бердяев: «Я очень много читал в течение всей моей жизни и очень разнообразно. Я читаю быстро и легко. <…> Но я читаю активно, а не пассивно, я непрерывно творчески реагирую на книгу и помню хорошо не столько содержание книги, сколько мысли, которые мне пришли в голову по поводу книги» [2, с. 25]. «Философские книги я начал читать до неправдоподобия рано. Я был мальчиком очень раннего развития… Я читал Шопенгауера, Канта и Гегеля, когда мне было четырнадцать лет. Я нашел в библиотеке отца «Критику чистого разума» Канта и «Философию духа» Гегеля (третья часть «Энциклопедии»). Все это способствовало образованию во мне своего субъективного мира, который я противополагал миру объективному. <…> Я, в сущности, всегда мог понять Канта или Гегеля, лишь раскрыв в самом себе тот же мир мысли, что и у Канта или Гегеля. Я ничего не мог узнать, погружаясь в объект, я узнаю все, лишь погружаясь в субъект. Может быть, именно вследствие этих моих свойств мне всегда казалось, что меня плохо понимают, не понимают главного» [2, с. 48–49].

С 14 лет Николай Александрович учился в киевском кадетском корпусе, а затем – на естественном и юридическом факультетах Киевского университета им. Св. Владимира. Увлекшийся марксизмом, Бердяев за участие в студенческих демонстрациях был отправлен в ссылку. В эти годы он начал печататься со статьями по разным вопросам социальной теории и практики. Самая главная тема, которая появилась уже в его первой статье, – тема свободы. Он считал, что мировая история есть трагедия, связанная с выполнением этой темы. Трагедия происходит оттого, что бремя свободы не каждому по силам. Эти мысли прозвучали в первой книге «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии» (1901), представлявшей собой критический этюд о народнике Н. Михайловском.

Ссылка не была тяжелым испытанием. Филеры местного отделения охранки доносили, что поднадзорный Бердяев катается на велосипеде, читает книги в городском саду или в библиотеке, провожает «барыньку лет 19, шикарно одетую» (свою будущую жену, тоже ссыльную). Современники всегда отмечали внешность Бердяева «от природы», его врожденный аристократизм и барственность: всегда элегантный, в ладно сидящем костюме, гордая посадка головы, пышная черная шевелюра. Жена поэта-символиста Вячеслава Иванова Л. Н. Зиновьева-Аннибал так описывает Бердяева в уже зрелом возрасте, когда он жил во Франции: «…Красавец, кудрявый брюнет с алмазами – горящими талантом

и мыслью глазами» (цит. по [1, с. 13]). По окончанию ссылки в 1904 г. Бердяев женился на дочери известного адвоката Лидии Трушевой, с которой был вместе до конца ее жизни (скончалась в 1945 г.). Бердяев считал, что его жена Лидия Юдифовна как «революционер духа» не создана для обыденности и прозы жизни; «по натуре была душа религиозная, но прошедшая через революционность, что особенно ценно. У нее образовалась глубина и твердая религиозная вера, которая не раз поддерживала меня в жизни. Она была человек необыкновенной духовности» [2, с. 138].

Бердяевы с самого начала своей семейной жизни старались «создать для себя необыденный мир». Но не всегда окружающие люди понимали и принимали этот их необычный «мир». С осуждением относилась к Л. Бердяевой Зинаида Гиппиус. В письме к ней от 23 апреля 1906 г. Бердяев писал: «Я хотел Вам когда-нибудь рассказать, насколько это возможно, о моем отношении к Лидии Юдифовне. Вы невнимательны к ней и потому не понимаете, какой *нежной* и прекрасной любовью я люблю ее. Это единственный человек, с которым я могу жить, чувствовать *себя свободным,* хорошо и чисто. Но роковая проблема пола этим не решается» (цит. по [1, с. 12]).

Лидия Бердяева обладала поэтическим даром, писала интересные стихи, которые сейчас опубликованы. В 1917 г. она приняла католичество, как она объясняла, почувствовав необходимость уйти из православия, которое не охранило Россию от большевиков. По словам писателя Бориса Зайцева, Бердяев православный, она – ортодоксальная католичка с особенным, ни на кого непохожим интеллигентным обликом.

Вернувшись из ссылки, Бердяев в 1900-е гг. постепенно разочаровывается в марксизме. Философ, последователь В. С. Соловьева С. Н. Булгаков, с которым Николай Александрович подружился, ввел его в круг московской православной среды. Но окунувшись в новое для себя общение, Бердяев сделал вывод, что не принадлежит к людям, отдающим свою волю духовному руководству, и что путь его иной, более трудный, в котором «не смиряется свое свободолюбие». В центре его размышлений в этот период – послереволюционный «кризис духа» и проблема ответственности за него определенных общественных сил. Бердяев за духовный кризис винил церковь и интеллигенцию, о чем написал в статье в коллективном сборнике «Вехи» (1909). В 1912 г. он выходит из Религиозно-философского общества, пишет серию статей «Типы религиозной мысли в России» (1916). Органично из темы «кризиса духа» возникает тема, а затем и философия творчества и свободы – «Философия свободы» (1911) и «Смысл творчества. Опыт оправдания человека» (1916). В этих произведениях Бердяевым были сформулированы основные для него мысли: 1) человек является творением, созданным по образу и подобию Творца; 2) оправданием человеческой жизни, основным содержанием ее и путем к спасению является творчество как обнаружение избыточной любви человека к Богу, ответ человека на Божье ожидание.

Февральскую революцию 1917 г. Н. А. Бердяев встретил с энтузиазмом, определив ее как «вступление в великую неизвестность», которое закончится бескровным «падением священного русского царства» (сродни падению Рима и Византии). Но все ширящееся насилие, которое Бердяев объяснял как возмездие старому обществу, заставило философа говорить об опасности похоронить в этой стихии все вроде бы благие революционные цели. Октябрь 1917 г., с точки зрения Бердяева, был неизбежен. «Я пережил русскую революцию как момент моей собственной судьбы, а не как что-то извне мне навязанное. Эта революция произошла со мной, хотя бы я относился к ней очень критически и негодовал против ее злых проявлений» [2, с. 226]. «Изначально я воспринял моральное уродство большевиков. Для меня их образ был неприемлем и эстетически, и этически. В течение пяти лет я прожил в советском коммунистическом строе, и все эти пять лет я отличался моральной непримиримостью» [2, с. 229].

Свершившаяся революция и ее коммунистическая идея стали пожизненным предметом размышления философа. Как непосредственный наблюдатель происходящего в России он поражался многому, например, неожиданному появлению «новых лиц с не бывшим раньше выражением», которые демонстрировали чуть ли не «новый антропологический тип»: «милитаризованный тип» с отсутствием «доброты, расплывчатости, некоторой неопределенности очертаний прежних русских лиц» [2, с. 230]. Но самой большой опасностью, которую почувствовал в стихии большевистской революции Бердяев, была опасность для духовной культуры: «Революция не щадила творцов духовной культуры, относилась подозрительно и враждебно к духовным ценностям»; «коммунизм, как он себя обнаружил в русской революции, отрицал свободу, отрицал личность, отрицал дух» [2, с. 236, 242]. «Миросозерцание, под символикой которого протекала революция, не только не признавало существование духа и духовной активности, но и рассматривало дух как препятствие для осуществления коммунистического строя, как контрреволюцию» [2, с. 236–237].

Бердяев сделал многое для того, чтобы именно духовная жизнь не угасала в новой России: читал лекции в клубе анархистов, проводил у себя дома литературно-философские «вторники», вел работу во Всероссийском союзе писателей в качестве вице-президента; был избран профессором Московского университета, стал инициатором образования Вольной академии духовной культуры, которая просуществовала три года (1919–1922) и в которой он читал лекции на философско-исторические и философско-религиозные темы; вел семинар по Достоевскому. В эти годы он написал книгу «Миросозерцание Достоевского», определившую восприятие писателя на Западе. «Значение Вольной академии духовной культуры было в том, что в эти тяжелые годы она была, кажется, единственным местом, в котором мысль протекала свободно и ставились проблемы, стоявшие на высоте качественной культуры» [2, с. 237].

В 1920 г. Н. А. Бердяев был арестован и допрошен Дзержинским («Я был единственным человеком среди многочисленных арестованных, которого допрашивал сам Дзержинский»), которому философ фактически прочел лекцию о своем неприятии коммунистической идеологии и нового режима. Во время второго ареста Бердяев «объяснил следователю ЧК, что такое духовная культура и чем она отличается от материальной». Это, по-видимому, «было причислено к фактам», послужившим поводом к высылке его среди прочих деятелей культуры из советской России [2,

с. 237–238]. «С меня взяли подписку, что в случае моего появления на границе СССР я буду расстрелян. <…> Когда мне сказали, что меня высылают, у меня сделалась тоска. Я не хотел эмигрировать… Но вместе с тем было чувство, что я попаду в более свободный мир и смогу дышать более свободным воздухом. Я не думал, что изгнание мое продлится 25 лет» [2, с. 241].

Расставание с Россией (1922 г.) было нелегким. Писатель Михаил Осоргин, друживший с Бердяевыми и так же, как он, высланный из России, писал: «Люди разрушали свой быт, прощались со своими библиотеками, со всем, что долгие годы служило им для работы, без чего как-то и не мыслилось продолжение умственной деятельности, с кругом близких и единомышленников» (цит. по [1, с. 18]). Л. Ю. Бердяева в своем дневнике вспоминала, что «нам объявили приговор о высылке (на 3 года (sic!)» [1, с. 50]. Бердяевы, как и остальные, уезжали, как они думали, не навсегда, не считали себя эмигрантами, надеялись, что им удастся вернуться домой в Россию. От этого, когда постепенно надежды таяли, усиливался трагизм ощущения чужбины, оторванности от родины. Лидия Юдифовна подчеркивала: «Мы не эмигранты, а высланные. Разница большая!» [1, с. 101].

Через много лет Бердяев написал: «Русская революция отнеслась с черной неблагодарностью к русской интеллигенции, которая ее подготовила, она ее преследовала и низвергла в бездну. Она низвергла в бездну всю старую русскую культуру, которая, в сущности, всегда была против русской исторической власти» [2, с. 231]. «У меня в результате испытаний выработалось очень горькое чувство истории. <…> Периодически являются люди, которые с большим подъемом поют: «От ликующих, праздно болтающих, обагряющих руки в крови, уведи меня в стан умирающих за великое дело любви». И уходят, несут страшные жертвы, отдают свою жизнь. Но вот они побеждают и торжествуют. И тогда они очень быстро превращаются в «ликующих, праздно болтающих, обагряющих руки в крови». И тогда являются новые люди, которые хотят уйти в «стан умирающих». И так без конца совершается трагикомедия истории. Только Царство Божье стоит над этим» [2, с. 244].

С 1924 г., после двух лет жизни в Берлине, где были написаны «Смысл истории. Опыт человеческой судьбы» и «Размышление о судьбах России и Европы», Бердяевы поселяются в Париже (район Кламар), как оказалось, навсегда. «Годы моей жизни в Париже-Кламаре, – писал Бердяев, – были для меня эпохой усиленного философского творчества. Я написал ряд философских книг, которые считаю для себя наиболее значительными. Я написал: «Философию свободного духа», «О назначении человека…», «Я и мир объектов», «Дух и реальность. Основы богочеловеческой духовности», «О рабстве и свободе человека», <…> «Судьба человека в современном мире», <…> «Новое средневековье», «Источники и смысл русского коммунизма», …«Русская идея». <…> Но, в сущности, никакая из написанных мною книг меня не удовлетворяет, никакая не выражает вполне. <…> Мысль необходимо изрекать, человек должен совершать этот акт, но в известном смысле остается верным, что «мысль изреченная есть ложь». Так хочется себя выразить, и так трудно это сделать» [2, с. 294].

Л. Ю. Бердяева приводит в воспоминаниях слова из статьи о Бердяеве во французском научном журнале: «Это великий русский мыслитель, которого Россия доверила Франции» [1, с. 171]. Г. П. Федотов говорил: «Всякий раз, как наступают важные события, – все стремятся к Бердяевым. Это – главный штаб!» (цит. по [1, с. 199]). Во Франции у Бердяева появились собеседники-философы и писатели с мировым именем, относившиеся к русскому мыслителю с огромным уважением, это Ж. Маритэн, Г. Марсель, М. Бубер, А. Жид и др. Бердяевы пережили во Франции войну, немецкую оккупацию, болезни, гибель одних друзей, разлуку с другими. Именно во Франции Бердяев стал всемирно известным философом и, может быть, благодаря этой известности, избежал ареста во время немецкой оккупации. «Я шутя говорил, – писал Николай Александрович, – что тут обнаружилось почтение немцев к философии. Мне потом говорили, что в верхнем слое национал-социалистов был кто-то, кто считал себя моим почитателем как философа и не допускал моего ареста» [2, с. 336].

В своей философской автобиографии Бердяев написал: «Я был первый русский христианский философ, получивший большую известность на Западе, большую, чем В. Соловьев. Мои книги были переведены на много языков, и только мои книги были переведены. Их много читали… О типе русского православия начали судить по русской религиозной мысли XIX и XX веков, которая была своеобразным русским модернизмом и которой не одобряли консервативные церковные круги» [2, с. 262]. Бердяева активно печатали и обсуждали, ждали его лекций в Англии. Приезжали на встречу с философом его почитатели из Новой Зеландии. В Мексике были организованы христианские кружки, где читали Библию и… Бердяева и даже сформировалось «целое течение, связанное с идеологией» Бердяева (свободные христиане). Работы русского философа опубликовали на испанском языке в Аргентине и т. д. [1, с. 119, 136, 151]. В 1947 г. русский философ был включен в список кандидатов на получение Нобелевской премии, но, к сожалению, скоро скончался.

Размышляя о своей известности, Бердяев писал: «Мне иногда кажется таким странным, что книги мои выходят почти на всех языках. Я объясняю это тем, что в них многие находят ответ на вопросы, так остро стоящие перед современным миром; <…> что я не только философ, не только человек отвлеченной мысли, а во мне философия сочетается с опытом пережитого мною марксизма и знанием всех оттенков современной мысли, направлений и школ» [2, с. 71].

«Я очень известен в Европе и Америке, даже в Азии и Австралии… Есть только одна страна, в которой меня почти не знают, это моя родина. <…> После пережитой революции вернулись к русской литературе, и это факт огромной важности. Но к русской мысли еще не вернулись, этому препятствует все еще господствующий диалектический материализм» [2, с. 341]. Любовь к России была неизменна, несмотря ни на что. Жена вспоминает, что, когда вышла очередная книга во Франции, Бердяев волновался: «Неужели книга эта, как и другие, пройдет незамеченной у русских? Ведь нигде и никто о моих книгах не упоминает. Какой-то заговор молчания, бойкот» [1, с. 59]. В середине 1930-х гг. Россия все-таки Бер-

дяева заметила: «в «Известиях» (московский выпуск) вышел фельетон Бухарина, посвященный книге философа «Судьба человека в современном мире», в котором Бердяев оказался, конечно, «сыном жандармского генерала» (почему не судившемся за кражу? – это было бы новее и оригинальнее)… Чем объяснить такое внимание к врагу? Тон статьи, конечно, вполне в стиле советской эпохи… Смысл (если он есть?) статьи: Н. А. – филистер, предатель, человек, приспосабливающийся ко всем и всему, но… (ура!) умный, книга его замечательна… И на том спасибо» [1, с. 128].

Россия, ее судьба – непреходящая боль Бердяева. «Вторжение немцев в русскую землю потрясло глубины моего существа, – писал он. – Моя Россия подверглась смертельной опасности… Я все время верил в непобедимость России. Но опасность для России переживалась очень мучительно. Естественно присущий мне патриотизм достиг предельного напряжения» [2, с. 335]. Однако по окончанию войны Бердяев пережил тяжелое разочарование в своих надеждах на перерождение советского режима – «Свобода не возросла, скорее наоборот».

Последняя книга, над которой работал Бердяев, была «Царство Духа и царство Кесаря». Он говорил: «Если меня спросить, как я себе представляю рай, то, конечно, сидеть у письменного стола!» (цит. по [1, с. 198]). За письменным столом Н. А. Бердяев умер в 1948 г. Похоронен на старом кладбище в Кламаре.

Перу Н. А. Бердяева принадлежат 450 работ, большинство которых, при всей сложности поднимаемых в них вопросов, написаны удивительно просто, с подкупающей страстностью и искренностью. Страстность мысли – одна из важнейших характеристик бердяевской философии, отличительная черта его как философа. «Я не учитель жизни, не отец отечества, не пастырь, не руководитель молодежи, ничего, ничего подобного. Я продолжаю воспринимать себя юношей, почти мальчиком, даже в зеркале, за чертами своего постаревшего лица, я вижу лицо юноши. Это мой вечный возраст. <…> Старости духа нет, в духе есть вечная юность. Есть лишь старость тела и той части души, которая связана с телом. <…> Мысль еще более обостряется. Все обновляется для мысли. Очень увеличивается возможность сравнений, сравнений не только впечатлений от людей и событий, но и впечатлений от книг. По-прежнему я думаю, что самое главное – достигнуть состояния подъема и экстаза, выводящего за пределы обыденности, экстаза мысли, экстаза чувства. <…> Мир есть, прежде всего и больше всего, – страсть и диалектика страсти. <…> Ошибочно противополагать страсти – мысль, мысль есть тоже страсть. Мысль Ницше или Достоевского так волнует потому, что это страсть. И Христос хотел низвести огонь с неба» [2, с. 326]. В чем Николай Александрович видит свое отличие от других русских философов, например от С. Н. Булгакова и Г. П. Федотова, доклады которых прослушал: «У них все так гладко, так взаимно примирено, а у меня прерывно, катастрофично. И все более чувствую, что меня не понимают. У всех стремление к единению, к соборности, а я индивидуалист по своей природе. Кроме того, им чужда парадоксальность моего мышления» (цит. по [1, с. 75]).

1. Бердяева Л. Ю. Профессия: жена философа. М.: Молодая гвардия, 2002. 262 с.

2. Бердяев Н. А. Самопознание. (Опыт философской автобиографии). М.: Книга, 1991. 446 с.

© Красноярова Н. Г., 2016

УДК 7.01

Н. Г. Красноярова, Е. А. Саенкова
N. G. Krasnoyarova, E. A. Saenkova

ФИЛОСОФИЯ ТЕАТРА: ТЕАТР В СОПРЯЖЕНИИ С БЫТИЕМ

В статье ставится вопрос о возможности понимания театра через сопряжение с главной категорией онтологии – категорией бытия. Вопросы сущности театра в онтологическом и, шире, философском контексте есть философия театра, которая объясняет театр как специфический способ мышления-представления особым типом игровых невербальных образов. Представление, происходящее «здесь» и «сейчас», есть творение, являющее бытие.

Ключевые слова: философия, мышление, бытие, искусство, театр, философия искусства, философия театра.

PHILOSOPHY OF THEATRE: THEATRE IN CONJUNCTION WITH BEING

This article raises the question of the ability to understand the theatre through the pairing with the main category of ontology – category of being. The questions of the essence of the theatre in the ontological and wider philosophical context are the philosophy of the theatre, which explains the theatre as a specific way of thinking represented by a special type of the nonverbal game images. The performance which is taking place “here” and “now” is a creation representing being.

Keywords: philosophy, thinking, being, art, theater, philosophy of art, philosophy of theatre.

Вопросы искусства, его бытия и сущности могут быть поставлены в рамках собственно философии как особого типа мышления. Искусство определяется как специфическая, с присущей каждому виду искусства системой изобразительно-выразительных средств, форма осознания бытия. Философия давала разные варианты объяснения искусства в этом смысле: от вспомогательной роли искусства (Гегель) до искусства как высшего и реального воплощения истины

(немецкие романтики). Философия искусства, на наш взгляд, ставит вопрос о взаимоотношении искусства и философии в их притязании на познание и постижение, о взаимодействии в сфере размышления, об их тождественности и в то же время специфичности.

В классической философии философ, понимая свою миссию как «держателя» истины, относился к искусству как к внешнему по отношению к философии предмету, который может что-то дать и для философии. Неклассическая философия XX века поставила вопрос об искусстве иначе: искусство и есть та сфера, в которой можно искать философию. М. Хайдеггер был в такой постановке вопроса наиболее радикален, считая, что философия исчерпала себя в высказывании о мире в понятийной форме. Философ теряет своих сообщников в мышлении: Бог в своей объяснительной функции для философии исчерпан, понятийное объяснение мира движется по кругу, повторяя не раз уже пройденное, а бытие – важнейшая категория для философа – попросту банализировано, сведено к плоскости повседневного существования. Искусство, считает Хайдеггер, оказывается спасительным истоком нашего истощившегося и высушенного мышления, той сферой, в которой заложена способность мыслить.

В работе «Исток художественного творения» М. Хайдеггер обратился к искусству как истоку самой способности мыслить, как форме истины. Бытие сокрыто, но есть топосы, через которые бытие себя являет. Искусство (не философия!) являет нам бытие: произведение искусства есть творение. Что это значит? «Творение зодчества, греческий храм, ничего не отображает. Он просто стоит в долине, изрезанной оврагами и ущельями. Он заключает в себе облик бога и, замыкая его в своей затворенности, допускает, чтобы облик бога через открытую колоннаду выступал в священную округу храма. <…> Стоя на своем месте, храм впервые придает вещам их вид, а людям впервые дарует взгляд на самих себя. <…> Скульптурное изображение бога… Бог изображается не для того, чтобы легче было принять к сведению, как он выглядит; изображение – это творение, которое дает богу пребывать, а потому само есть бог. То же самое и творение слова. <…> Творение языка, воздвигаясь в сказании народа, не повествует об этой борьбе, а так преобразует сказание народа, что всякое существенное слово борется теперь этой борьбой и ставит перед выбором, что свято, а что скверно. <…> Указав на храм, мы издалека показали и на мир. <…> Мир никогда не бывает предметом, который стоит перед нами, который мы можем созерцать. Мир есть то непредметное, чему мы подвластны, доколе круговращения рождения и смерти, благословения и проклятия отторгают нас вовнутрь бытия» [1].

В классической схеме взаимоотношения философии и искусства искусство не мыслит, даже если в произведении много умных мыслей: мысль привнесена в искусство, она в силу своей специфики осуществляет посредническую роль между действительностью и философией, предлагая особую специфическую, приносящую эстетическое удовольствие форму существования истины. Классическая философия и породила эстетику, призванную объяснить критерии этой формы, связав их прежде всего с красотой.

Хайдеггер поставил вопрос о бытийственной природе искусства, об искусстве как условии, истоке и форме развертывания мысли о бытии, об искусстве как форме высказывания о нем или прозрении его. Истина в философии требует основы, без нахождения которой она уже и не есть истина. Искусство уже пребывает в истине, иначе оно и не существует. Оно есть видимость безосновной истины, которую не надо аргументировать и которая исчерпана своим бытием как творением. Творение есть развертывание истины в искусстве. Искусство есть процесс мышления уподобленными действительности формами, в каждом виде искусства специфичными в своих возможностях мыслить. Подобные задачи понимания искусства как мышления, постигающего бытие, ставит, на наш взгляд, именно философия искусства.

Философия искусства не исключает эстетику, но чаще всего включает ее в себя. Каждый вид искусства в философской рефлексии обнаруживает чисто эстетические задачи и одновременно задачи, выходящие за пределы эстетики и поднимающие вопросы бытия искусства как истока творения или размышления о бытии, становясь философией.

Философия театра проявляет себя в размышлениях о сущности театра, сопряженной с бытием.

В. Г. Белинский, размышляя о русском театре, считал, что театр заслуживает патетического тона, поскольку именно в театре сосредоточено то, что можно назвать обаянием искусства: «Какое из всех искусств владеет такими могущественными средствами поражать душу впечатлениями и играть ею самовластно...» [2, с. 46]

Рефлексия театра Р. Барта более интеллектуальна: «Я всегда очень любил театр и, тем не менее, почти перестал там бывать. Эта перемена мне и самому не совсем понятна. Что случилось? Когда это случилось? Я ли изменился, театр ли? Совсем ли я его разлюбил или, наоборот, слишком люблю? Я люблю актеров, которые все свои роли играют одинаково, и тепло, и в то же время ясно. Я не люблю, когда актер перевоплощается, и, может быть, тут и кроется причина моей размолвки с театром» [3, с. 9].

Русский и французский театр. На них можно посмотреть как на выражение и столкновение двух типов философствования. В русской традиции театр представлен целостным феноменом, своего рода монолитом. Театр в осмыслении француза Ролана Барта значим «остранением» – обнажением условностей: театр должен уходить от излишней эмоциональности и выступать на сцене современной культуры в предельном «умном» облике. Идеал для Барта – эпический, насыщенный философскими идеями, пропагандирующий дистанцию актера от своего персонажа театр Б. Брехта.Театр не бежит от рациональности, а представляет свою рациональность как способ решения актуальных жизненно важных проблем и готов взять на себя ту ношу ответственности, которую не смогла удержать наука. Театр брехтовского типа берет на себя функции философии в современной культуре скорее, чем сама философия: можно донести «здесь» и «сейчас» важные идеи, предлагая необходимый театральный интерактив проверки их жизненного потенциала и возвращая театру забытую, но бывшую у истоков роль форума.

Один из реформаторов театра XX века, французский актер, режиссер и теоретик театра А. Арто, считал, что театр стал слишком зависим от слова, от текста, от написанной пьесы, которая в современном театре трактуется исключительно словесно. Театр стал литературен, что привело

к утрате театром своей сути – быть зрелищем-демонстрацией идей через представление, а не говорение. Как случилось, – вопрошает Арто, – что в театре отступило на задний план все специфически театральное, что не может быть выражено словами и что не заключено в диалоге?

Арто формулирует для театра другую цель – заглянуть в те пласты сознания, что существуют до слов и в которые многие боялись заглянуть. Это бессознательное и неосознанное, интуитивное прозрение и духовное откровение или некое начало мысли. При обращении мысли на себя мы сталкиваемся с потусторонним. Декарт писал, что острие мысли, обращенное на себя, побуждает к осознанию себя как несовершенной вещи, устремляющейся к лучшему и большему, к бесконечному, которое мыслится как Бог. Мы не можем поставить себя в начало мысли, но можем ее сознавать. Мышление есть то, что нам недоступно и что совершается не нами. Мы не столько мыслим, сколько сознаем себя в мысли. И в этом А. Арто не доверяет языку. Язык есть нечто всеобщее. Происходит редукция мысли через фиксацию ее языком и, следовательно, потерю ее исключительности. Мысль как бы сжата с двух сторон: в начале Бог и в конце всеобщность языка как некое проявление абсолютного духа.

Театру, считает Арто, чужда тяготеющая к всеобщности словесная форма. Искусство есть, скорее, сон, соотносимый с реальностью. Гениальность творца состоит в том, что художник впускает нас в свой сон на глубину своего сознания, где образы и мысли не обрели еще своей законченной формы. Делиться тайной своей глубины, не успев еще ее познать – вот задача искусства. Образы, возникающие и беснующиеся на границе сознания с бессознательным, не знают адекватного словесного языка. Их невозможно загнать в границы слова или мысли, они есть танцующие стихии, а не законченные стройные образы. Мы раскрепощаем, благодаря им, свою фантазию. Ф. Гиренок пишет, что истоки ума находятся в безумном пограничье сознания: «Безумие – это не отсутствие ума. Это то, что может подарить себе ум. И поэтому куда бы ум ни пошел, он будет идти по пути, структура которого ведет к месту его рождения. И только заумность человеческой жизни спасает ум от полного безумия, от полного разрыва между воображением и опытом, между словом и мыслью» [4, с. 15]. Предел мысли – в немыслимом безумном или заумном.

А. Арто в свое время прослыл безумцем, но его идеи указывают на обратное. Он хотел вернуть в театр идею чистого театра, которая заключается, как он считал, в возврате театра к его началу, где у театра должен бы быть исключительно несловесный язык. Арто не предлагал зрителям быть простыми созерцателями, а почти принуждал их к непосредственному участию в происходящем на сцене. Общение со зрителем в его проекте предполагалось не на диалогическом словесном, а на бессознательном бессловесном уровне, когда актер на сцене, освобождаясь от личности, становится магом. Реализация актера на сцене – это утрата своей оболочки, всех тех случайных исторических форм, которые ему даны в момент рождения. Утрата форм и составляет, по Арто, творческий акт. Зрителю предоставляются своего рода психотерапевтические процедуры путем построения метафизического пространства и рождением в нем чувства катарсиса. Театр, как чума (любимое сравнение Арто), должен засвидетельствовать острейший кризис, после которого приходит смерть или очищение. Очищение должно стать итогом или катарсисом через ужас небытия.

«Сцена – это физическое и конкретное место, которое требует заполнения, и… сцену эту можно заставить говорить собственным конкретным языком» [5 с. 38]. Это физический и конкретный язык, в котором выражаемые им мысли ускользают от языка словесного. Такой несловесный язык театра образуется всем, что заполняет сцену и что обращено к чувствам.Театр поэтичен и поэзия театра – это не поэзия языка, а поэзия, действующая в пространстве, т. е. поэзия, которой свойственно создавать некие материальные образы, соответствующие образам слов. Театральный язык, выведенный из-под власти слов, – это «язык знаков, жестов и поз, которые имеют идеографическую ценность», это молчаливая пантомима, объективно необходимые интонации. Идеи в театре могут рождаться только незавершенными и только в форме активного несловесного языка, языка анархического, преодолевающего обычные ограничения чувств и слов. Увы, европейский театр во многом эту свою изначальную суть утратил.

Но к счастью, пишет Арто, есть восточный театр, который сумел сохранить в неприкосновенности саму идею театра. Арто описывает спектакли Балийского театра, которые порождают ощущения нового физического языка, основанного на знаках, жестах, позах, звучащих наугад криков поверх перемещений и поворотов. В этом языке участвуют как ожившие иероглифы геометрические костюмы, внушающие определенное интеллектуальное содержание. Но эти выразительные знаки на сцене «задевают нас, – пишет Арто, – лишь интуитивно, однако достаточно сильно, чтобы сделать бесполезным всякий перевод на язык логики и рассуждений. <…> Эта дрожь, эти детские вскрикивания, этот каблук, ударяющийся в землю в определенном ритме, следуя автоматизму раскрепощенного бессознательного...» [5, с. 57] – все это показывает, что восточные люди дадут нам сто очков вперед в том, что касается понимания человеческого и сверхчеловеческого в самой реальности.То, что используют балийские актеры, – духовное наполнение метафизики жестов, силы ритма и музыкальных свойств физических движений – это прекрасный чистый театр, наполненный «восхитительным интеллектуализмом». Такой театр демонстрирует «высшую идею, – какой она сохранялась на протяжении веков, чтобы наконец научить нас тому, чем театр никогда и не должен был переставать быть. <…> Материя здесь как бы дробится, рассыпаясь знаками, чтобы научить нас метафизическому тождеству абстрактного и конкретного, причем научить этому в устойчивых жестах. <…> Это как бы изначальная Физика, от которой никогда не отделяется Дух» [5, с. 61–62]. В таком театре больше от мистерий древности в том смысле, что искореняется всякая идея «жалкой имитации реальности». Но это язык физический, передающий нам тайные восприятия и воспарения нашего духа. Такой чистый театр не нуждается в словах и передает «состояние, предшествующее языку», то состояние, которое может избирать свой собственный язык – будь то музыка, жесты, движения. Это пространство театра как пространство интеллектуальной атмосферы, игра души,

молчание, наполненное мыслью. Актер должен быть для такого представления погружен в своеобразное музыкальное состояние, настроенное на выражение определенной концепции без слов. Язык театра как универсальный язык рождается до собственно языка в глубинных и универсальных формах бытования культуры древнейшими мистериями, магическими обрядами, религиозными ритуалами. Театр увековечивает этот древний язык ритмов, тем самым выражает древнейшую идею связи, родства, тождества человека и мира, слияния физического и духовного, естественного и сверхъестественного в бытии человека.

Философия театра представлена, на наш взгляд, и концепцией русского философа и теоретика театра Н. Н. Евреинова, который во многом предвосхитил появившиеся сравнительно недавно идеи «театрализации жизни». «Человеку присущ инстинкт, о котором, несмотря на его неиссякаемую жизненность, ни история, ни психология, ни эстетика не говорили до сих пор ни слова. Я имею в виду инстинкт преображения, инстинкт противопоставления образам, принимаемым извне, образов, произвольно творимых человеком, инстинкт трансформации видимостей Природы, достаточно ясно раскрывающий свою сущность в понятии «театральность»» [6, с. 43]. «Театральность» можно примерить к различным жизненным ситуациям и обнаружить «театрократию» во всех сферах человеческой жизни – театр является развернутой метафорой природы поведения человека. Театр в узком значении этого слова (вид искусства) рассматривается как концентрированная форма универсальных и общих законов бытия. Театральность– это другая реальность жизни, независимая от законов обыденности, со своей реальной логикой, со своей моралью и чувствами.

Истоки театральности, считает Н. Н. Евреинов, лежат глубже всей человеческой культуры и имеют первоначальные, биологические корни. Театральность появляется до возникновения цивилизации и homo sapiens. В статье «Театр у животных» Евреинов пишет: «От игр наших детей один лишь шаг назад к играм животных высшего класса. Что эти игры... драматические, напрашивается само собой для всякого прилежного наблюдателя мира животных» [7, с. 49]. Автор находит примеры театрального поведения даже у растений (подражание, мимикрия), где умение «казаться» оказывается не бесполезным явлением, а необходимостью в процессе выживания.

«Философема о театре» – уникальное творение С. Д. Кржижановского. В нем предсказывается движение и развитие театра на протяжении всего XX века. «…Подлинная *философия театра* (курсив С. Кржижановского. – *Н. К.*) возможна лишь в том случае, когда т*е*атр и все совпадают, то есть, когда нет ничего в мире, что не было бы театром в той или иной его модификации. Настоящая работа и пытается слить порог театра с порогом сознания; порог сознания – с пределом мира» [8, с. 44].

Кржижановский обнаруживает сходство кантовской философии и театрального сценария (сценария жизни театра или его судьбы), что помогает ему поставить вопрос о сущности театра: «Если взять терминологии – сценария и «Критики чистого разума», – они до странности схожи: человек языком «критики» среди «явлений»; в сознании его возникают и падают, сменяя друг друга, «представления»; ведомый теми или иными причинами к тем или иным «действиям» (меняю критику на сценарий), он очутился – к вечеру дня – на «представлении»… Причинность сгустилась в судьбу, двигающую «явлениями» сцены» [8, с. 44]. И. Кант как величественная фигура мировой культуры сопоставлен не только с театром вообще, но и с его ярчайшим представителем Шекспиром: «Кант вынимает весь мир, от звезды до пылинки, из глаза: есть ли что вне субъекта, он не знает. Шекспир делает мир – пером, молотком и кистью – для глаза, для зрителя: отсмотрели – и все. Скучная причинность Канта, числимая им в качестве восьмой категории рассудка, превращается под пером Шекспира в судьбу. Причинность возится с пылинками. Судьба берет себе звезды» [8, с. 45].

Театр – это игра феноменов, игра призрачностей. Игра того, чего не существует в реальном мире, но одновременно того, что выводит нас на бытийный уровень. Все то, что проигрывается на сцене, есть плод нашего воображения, игра идей и смыслов, но все это не может существовать лишь в нашей голове. Игра актера дает возможность придумывать и додумывать, она позволяет рождаться в мышлении образам, в которых заключено онтологическое содержание. Сцена и игра актера является моделью реальной жизни. «Сцена моделирует десятком своих явлений, как крохотный макет, который легко взять в руки, моделирует самое сцену. Или еще: земля, давно прозванная «игралищем жизни» (ludum vitae), так представлена игровой площадкой театра, как эта игрушечным макетным же подобием» [8, с. 51].

В методологии Кржижановского есть своя игра – игра с категорией «бытие». Он убирает по букве, по слогу от *бытия* и в результате появляются три важных для анализа модусов сущности театра концепта: *бытие, быт, бы.* История театра может быть представлена как рождение «театра бытия» (мистерия), сменой его «театром быта-бытия» (трагедия), затем «театром быта» (драма) и «театром бы».

«Сценическую площадку захватывают не достойнейшие, но сильнейшие. Когда она попадает в руки людей бытия, они делают мистерию. Мистерия защищает себя от зрителя, от чужеглазия. Всякий допущенный к мистерии является ее актером. Участники мистерии не играют, а отыгрывают проигранное первородным грехом бытие. Мистерия – негативный театр: идет не от личности через лицо к личине, а от личины через лицо к личности. Срывая их с себя одно за другим, – сначала личину, потом лицо, потом и личность, – маленькие «я» встречаются в одном большом «Я». Они не играют его, а суть в нем, так как задача мистерии в том, чтобы перестать играть в свои «я», которые суть не подлинности, но роли» [8, с. 56–57].

В чем сущность трагедии, пришедшей на смену мистерии? С. Кржижановский выделяет несколько таких сущностей, населяющих трагедию. По большей части, это одно лицо – Рок (Судьба) – и главные его ипостаси – Эрос и Танатос, Любовь, Рождение и Смерть. Маски, за которыми может скрываться Рок в трагедии: Мойра, Гороскоп, Смерть, Любовь, Среда, Наследственность, Психическая причинность.

Бытие неизменно, а быт, пишет Кржижановский, заменяет неизменность повторяемостью (укладом). Быт срывается во множественность и изменчивость, в то, что зримо, или

срывается в театр – бытовую драму. «В трагедии судьба появляется часто как смерть: в бытовой драме она решается быть лишь болезнью. Гибель героя замещается медленными помирушками. Трагедия часто начинается смертью, вводя через смерть из быта бытие. Драма, не зная ничего, кроме быта, обрывается смертью и может давать ее лишь дозированно, в виде процесса умирания» [8, с. 62]. Судьба, царствующая в трагедии и пугающая в драме, неумолима: «Люди, явления, поступки, вещи – будто прозрачные четки, вдетые на одну крепким узлом стянутую нить: сквозь них всех одна и та же внизанная в них нить причинности. Есть одно лишь счастье: в разрыве нити. Но на театре судьбы – нить слишком крепка» [8, с. 63]. В театре трагедии и драмы нет радости свободы.

Свободу можно обрести в мире возможном, в том, каким бы он мог быть. Драме подвластно будущее как многоликое возможное завтра. Но в драме человек не может вырваться из быта. «Театр свободы», кажется, невозможен? У Кржижановского в его построении онтологии театра, которая определяет историю и модусы сущности театра, предложен оригинальный ответ. Трагедия как жанр дает предельные координаты бытия человека и, следовательно, предвосхищает его рост. «И театр ставит жизнь на поднятый над землей помост, как бы предваряя ее завтра. Образ Гамлета, показанный в первые годы XVII столетия, взят Шекспиром из первой трети XIX столетия. Люди три века тому назад проблему с “быть или не быть” решали: мне – быть, врагу – не быть. Но Гамлет, явленный сценой, дождался дня, когда завтра стало сегодня и сходит с помоста жизни. Сейчас он… сам, сменив плащ на пиджак, посещает театры: он очень тонкий зритель, так как сценические образы всегда требуют от созерцающего их колебания меж быть и не быть. Но на сцене Гамлет редко видит самого себя…» [8, с. 82–83]. Зритель дорос до Гамлета, но на сцене его двойник рост, в таком случае, исчерпал. Тогда Гамлет обретает опыт других ищущих пределы бытия героев – схема Гамлета (сценарий его жизни) предъявляет возможные для будущего максимы, например, «вселяет свое “я” в формулу: или все, или ничего» [8, с. 83].

1. Хайдеггер М. Исток художественного творения. URL: http://sunkrima.narod.ru/kultura/heidegger_ursprung.pdf (дата обращения: 15.11.2016).

2. Белинский В. Г. О театре. М.: Детская литература, 1982. 96 с.

3. Барт Р. Работы о театре. М.: Ad Marginem, 2014.176 с.

4. Гиренок Ф. Удовольствие мыслить иначе. М.: Академический Проект, Фонд «Мир», 2008. 240 с.

5. Арто А. Театр и его двойник. Театр Серафима. М.: Мартис, 1993.192 с.

6. Евреинов Н. Н. Демон театральности. СПб.: Летний сад, 2002. 535 с.

7. Евреинов Н. Н. Театр у животных: (О смысле театральности с биологической точки зрения). Л.; М.: Книга, 1924. 72 с.

8. Кржижановский С. Философема о театре. Статьи. Заметки. Размышления о литературе и театре // Кржижановский С. Собр. соч.: в 5 т. СПб.: Симпозиум, 2006. Т. 4. 848 с.

© Красноярова Н. Г., Саенкова Е. А., 2016

УДК 130. 2

Л. К. Нефёдова
L. K. Nefedova

АРХЕТИПЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВОЕННОГО ВОСПИТАНИЯ И ОБРАЗОВАНИЯ В АНТИЧНОЙ ФИЛОСОФИИ: ПЛАТОН – ТИРТЕЙ

В статье осмысляется архетипическая модель профессионального военного воспитания и образования, представленная в творчестве философа Платона и поэта Тиртея. Коррелят специфических и неспецифических форм философствования позволяет выявить сущностные характеристики системы античного гражданского военного патриотического воспитания: ориентацию на формирование гражданской ответственности, свободу выбора, профессиональную военную культуру. Смысложизненным маркером при этом является сакрализованный идеал героя, способного преодолевать страх смерти.

Ключевые слова: детство, герой, архетип, система военного воспитания, патриотизм, поэзия, философия.

ARCHETYPES OF PROFESSIONAL MILITARY EDUCATION AND TRAINING IN ANCIENT PHILOSOPHY: PLATO – TYRTAEUS

The article considers the archetypal model of professional military education and training provided in the works of Plato and Tyrtaeus. The correlate of specific and nonspecific forms of philosophizing brings out such essential characteristics of the system of the ancient civil military patriotic education as focus on the formation of civil responsibility, freedom of choice and professional military culture. Thus, the marker of the meaning of life is a sacralized ideal of the hero, which is able to overcome the fear of death.

Keywords: childhood, hero, archetype, system of military education, patriotism, poetry, philosophy.

Теорию и практику воспитания и образования, как правило, рассматривают с позиций частного научного знания и конкретного опыта взращивания детей и подростков. При этом не учитывается, что частное психолого-педагогическое знание изначально имело статус философского знания, зафиксированного как результат осмысления отношений

поколений в целом, взрослых и детей в частности в сакральных мифологических текстах всех народов, в фольклоре, философском дискурсе. Отделившись от философского знания, частное психолого-педагогическое знание рассматривает ребенка и детство преимущественно с позиций должного и системы воздействия на него по направлению к взрослости. В то время как философия не забывает о данности детства и ребенка и стремится к выявлению предельных оснований этих феноменов.

Основы воспитания и образования философия эксплицирует уже в античный период. Сюжеты, рисующие поведение детей, отношение к ним взрослых, представлены в мифе, античном романе, поэзии, в философских текстах. Формируется понимание ребенка как того, кто еще не стал физически, психически и социально равноценным взрослому члену социума, в связи с чем на него необходимо должно быть направлено воспитательное воздействие, обеспечивающее социализацию. Таким образом, в античной культуре происходит осмысление того, как превратить данные природой человеческие начала в культурный продукт, тем самым закладываются онтологические, бытийные основы воспитания и образования детей. Осмысление в «Пире» Платона мифа о боге-ребенке – Эроте, сыне Пороса и Пении, родившемся в результате веселого пира, является выявлением начал человека, его природной ипостаси. Эрот – дитя, шаловливое, неопрятное, капризное, прекрасное, любящее. Его невозможно урезонить, но нельзя не любить. Он и есть сама любовь, разлитая в природе, основа красоты [1]. Выявление смыслов детства и ребенка выходит за рамки онтологии в сторону философской антропологии, ведет к осмыслению целого ряда уже не онтологических, но философско-антропологических феноменов: от феномена архетипа ребенкадо феномена профессионального воспитания и образования. Представление об архетипе (первообразе) ребенка, которое в XX веке обретает законченность концепта в трудах К. Г. Юнга, формируется уже в античной философии. Античная философия не пользуется понятием архетипа, но методологически значимым является понятие архе – первоначала, в том числе и первоначала человека, чтобы раскрыть в Эроте то, что позднее К. Г. Юнг, опираясь на древние предания, определит как архетип Божественного Ребенка. Ребенок у К. Г. Юнга определяется через свою онтологическую функцию будущности и четыре сущностных феноменологических характеристики: заброшенность, непреодолимость, гермафродитизм, единство начального и конечного [2]. Все указанные Юнгом характеристики определяют Эрота как бога-ребенка.

Остановимся на понимании данных характеристик в античной системе воспитания.

Функция будущности – это то, что определяет ребенка и то, что определяет ребенок в бытии во все времена и у всех народов. Возможность сохранения бытия связана именно с ребенком, обеспечивается им. Отсюда в самых архаических культурных практиках в ситуациях непримиримой вражды детям врагов сохраняли жизнь, а противные случаи квалифицировались как акты особой жестокости. Будущность в античной культуре связана с преемственностью поколений и взращиванием детей, стражей государства, его сохранением.

Заброшенность носит не бытовой, но экзистенциальный характер: человек самим фактом своего рождения явлен как заброшенный в данный мир из зазора между бытием и небытием. Особенно остро и определенно заброшенность явлена в детстве, так как дитя не может выжить вне содействия взрослых. В античной культуре заброшенность также актуализирована как утрата родины, свободы, как скитание. Однако античная философия и литература акцентируют не столько заброшенность, сколько возможность и необходимость ее преодоления через отстаивание государства, семьи, детей, жизни, свободы.

Непреодолимость также носит экзистенциальный характер: ребенок обладает особой непреодолимой интенцией к росту и укоренению в бытии: он будет расти, развиваться несмотря на препятствия. Именно на непреодолимости как изначально заданной феноменологической характеристике строится система воспитания свободного гражданина, воина, мужчины в античном мире.

К. Г. Юнг назвал ребенка божественным гермафродитом. Ребенок еще не мужчина, не женщина – ему только предстоит стать кем-то из них в результате развития природных задатков. Ребенок – третье, из которого воспитание делает первый или второй социальный пол – гендер. Античная культура актуализировала мужской пол, видя в нем воплощение героя, воина, гражданина.

Единство начального и конечного в имплицитно представленном в античной культуре архетипе ребенка проявляется как связь поколений, опора на примеры достойного поведения взрослых в воспитании детей.

Проявление-просвечивание архетипа ребенка достаточно легко обнаруживается в практиках воспитания как в истории, так и в современности. Однако стоит заметить, что имплицитность архетипа ребенка в конструировании воспитания ведет к произвольности акцентов на тех или иных феноменологических характеристиках ребенка, что чревато перекосами практики воспитания с непредсказуемыми последствиями. Достаточно обратиться к последним десятилетиям рубежных XX и XXI веков. Так, например, актуализация непреодолимости ребенка в культуре России конца XX века (показатели здоровьесбережения, качества образования, успешной социализации) сменилась актуализацией заброшенности (Россию и СНГ потрясла детская беспризорность и безнадзорность, заставившая вспомнить времена революции и гражданской войны). Сегодня вновь актуализирована феноменологическая заброшенность ребенка, взывающая к содействию в его укоренении, что также привело к перекосу – развитию практик ювенальной юстиции [3], чреватых разрушением оснований культурной оппозиции отцовства-сыновства, не говоря уже о полном разрушении культуры семьи.

Архетип ребенка лежит и в основании концепций профессионального образования и воспитания, в том числе и военного. Большую роль здесь играет представление о том, каким человеком должен вырасти ребенок, будущий мужчина, воин и какими средствами этого можно достичь. То есть актуализирована функция будущности.

Прежде всего отметим актуальность профессионального военного воспитания. Оно уже в глубокой древности представлено и в мифе, и в сакральных текстах всех без

исключения народов. Так, в Древней Греции чтили не только богов, но и героев. Почитание человека, ставшего равным богу через героический подвиг, наследует имперская культура Рима: Цезарь – равен богу, поскольку он – герой, прославивший Рим победами. Средневековый героический эпос славит героя, проявившего необычайный героизм уже в раннем детстве: циклы о Кухулине, короле Артуре, Сослане. Русский героический эпос также представляет тип былинного и сказочного богатыря, проявившего необычайную силу уже в детстве. Таковы Илья Муромец, Добрыня Никитич. Ребенок-герой – одно из наиболее ярких воплощений архетипа ребенка, актуализация такой его сущностной характеристики, как непреодолимость. Сила ребенка, данная ему уже в детстве, как правило, связана с профилем профессиональной военной деятельности – из ребенка вырастает защитник рода, племени, вдов и сирот, государства.

Обратимся к труду Платона «Государство», где данная проблема не просто зафиксирована, но всесторонне осмыслена, что явно и имплицитно легло в основу философии и культуры образования, в том числе и профессионального [4]. Размышляя о возможности создания идеального государства, Платон отводит чрезвычайно значимое место проблеме воспитания стражей государства. Кто такие стражи государства? Это свободные граждане, готовые при необходимости встать на защиту своего отечества. Это люди, получившие всестороннее образование. Именно образование делает из этих свободных граждан подлинных воинов, стражей-защитников своего государства. Как известно, древняя Греция представляла собой союз государственных образований – полисов: Афины, Спарта, Аргос, Фивы, Халкида и т. д. Полис возникал на основе объединения небольших общинных образований и требовал неустанной защиты. Свободный гражданин, не заботящийся о своем государстве, мог уснуть свободным человеком, а проснуться рабом. Отсюда крайне важной становилась проблема воспитания не просто воина-наемника, владеющего военным ремеслом, но воспитание гражданина, защищающего сакрализованные идеалы и ценности своей культуры. Именно стражи государства – свободные граждане, прославлены в истории античного мира. Например, подвиг трехсот спартанцев при Фермопилах, трактуемый со времен Геродота как классический пример силы патриотического духа. Воспитать граждан-воинов – задача весьма непростая. Ее решение включало теоретический и практический аспекты. Прежде всего необходимо было решить вопрос о содержании образования: чему должны были учиться дети? Какими умениями они должны были овладеть? Каким должен быть идеальный страж государства?

Платон относился к отбору содержания образования как очень строгий цензор: он считал, что необходимо исключить из культурного обихода детей, будущих стражей государства, мифы, где боги ведут себя неподобающе. Например, нельзя рассказывать детям мифы, где Зевс обижает Геру, проявляет жестокость по отношению к своему сыну Гефесту: сцены семейных распрей богов вызывают сомнение в их божественном статусе и истинности, а это ведет к разладу в сознании, чревато разрушением идеалов. Не нужна, по его мнению, в воспитании мужчин, защитников государства и трогательная лирическая поэзия, так как она формирует чувствительность, а это вредит защитнику в исполнении его воинского долга, который требует твердости в ратном деле. В то же время Платон предостерегал от гипертрофированного увлечения атлетизмом. Образ сонного атлета, чья мускулатура совершенна, но чей разум не развит и спит, у Платона не просто живописен, но имеет вполне актуальный философско-антропологический смысл, предостерегая от однобокости физического воспитания и подчеркивая настоятельную необходимость развития разума. Действительно, как похожи на платоновских атлетов современные накачанные культуристы, да и все прочие спортсмены, озабоченные исключительно физической стороной спортивных достижений, забывающие о гармонии телесного и духовного.

Можно сказать, что задолго до XX века Платон подошел к определению наиболее универсальных принципов отбора содержания образования, таких как соответствие образования требованиям общества; единства, взаимосвязи всех сторон образования; воспитание гармонической личности. Таким образом, не только владение щитом, копьем, мечом входило в воспитание античного воина, но и владение стихом, а также иными искусствами.

Однако Платон не был новатором в осмыслении воспитания стражей государства. Он жил в IV в. до н.э., но уже в VII в. до н.э., за четыре века до Платона, в Афинах жил хромой поэт и учитель – Тиртей. С его именем связан исторический сюжет о спартанцах, запросивших у афинян военной помощи и в насмешку получивших таковую в лице хромого поэта. Однако стихи Тиртея вдохновили спартанцев, и они победили врагов. Именно Тиртей оставил развернутое поэтическое свидетельство их воинской славы и доблести.

Лучший из подвигов всех для молодого бойца.
Гордостью будет служить и для города и для народа
Тот, кто, шагнув широко, в первый продвинется ряд;
И, преисполнен упорства, забудет о бегстве позорном,
Жизни своей не щадя и многомощной души;
Кто ободрить может речью стоящего рядом гоплита, –
Доблестным будет бойцом воин подобный в бою.
Миг, и он вспять обратит густые ряды супостатов
И, не смущаясь душой, выдержит битвы волну.

Так насмешка афинян обернулась поднятием воинского духа горделивых спартанцев: хромой Тиртей был учителем, он знал, что такое героический подвиг и умел вдохновлять на него.

Вернемся к тому, что хромой Тиртей был не просто поэтом, но учителем. В его лирике представлена полная и исчерпывающая программа героико-патриотического воспитания. Рассмотрим программные позиции военного патриотического воспитания в поэме Тиртея «К согражданам» [5].

Во-первых, воспитание осуществляется на примере Геракла – героя богоравного. Греки почитали священными не только богов, но и героев. Существовали специальные места поклонения героям – герооны. Геракл – один из наиболее популярных сакрализованных идеалов греческого героя. Его образ – идентификационный маркер для греческих юношей.

Так как потомки вы все необорного в битвах Геракла,
Будьте бодры, еще Зевс не отвратился от нас!

Тиртей прекрасно понимает, что чувство страха в битве – естественное экзистенциальное состояние человека. Но существует опыт его деятельного преодоления. Тиртей показывает, каким должен быть внутренний настрой воина в битве, готовит юношу-воина к встрече с огромными полчищами врагов, указывает, как держать щит, подчеркивает, что надо находиться в первых рядах бойцов. При этом очень важен внутренний настрой – готовность встретиться со смертью.

Вражеских полчищ огромных не бойтесь, не ведайте страха,
Каждый пусть держит свой щит прямо меж первых бойцов,
Жизнь ненавистной считая, а мрачных посланниц кончины –
Милыми, как нам милы солнца златые лучи!

Тиртей опирается на опытное знание о том, как осуществляется битва, не скрывает, что война тяжкое и ужасное дело, но подчеркивает прагматическую целесообразность преодоления страха, выражает уверенность в том, что воины владеют необходимыми практиками его преодоления.

Опытны все вы в делах многослезного бога Арея,
Ведомы вам хорошо ужасы тяжкой войны,
Юноши, вы и бегущих видали мужей и гонящих;
Зрелищем тем и другим вдоволь насытились вы!
Воины те, что дерзают, смыкаясь плотно рядами,
В бой рукопашный вступить между передних бойцов,
В меньшем числе погибают, а сзади стоящих спасают.

Поэт подробно выписал экзистенциальное состояние труса. Это презренное состояние страшнее, чем чувство страха смерти. Если воин, преодолевающий страх, един со всеми, он – в общем ряду, то трус мучается своей отторженностью от всех. Символ труса – мертвец, пронзенный копьем в спину.

Труса презренного честь гибнет мгновенно навек:
Нет никого, кто бы мог рассказать до конца все мученья,
Что достаются в удел трусу, стяжавшему стыд!
Трудно решиться ведь честному воину с тылу ударить
Мужа, бегущего вспять с поля кровавой резни:
Срамом покрыт и стыдом мертвец, во прахе лежащий,
Сзади пронзенный насквозь в спину копья острием!

Альтернативой смятению и трусости является умелое правильное военное действие. Тиртей очень подробно говорит о том, как надо вести себя в битве. Можно сказать, что его поэма – это античное руководство к рукопашному бою, в котором предусмотрены все составляющие ратного действия: твердость, устойчивость, умение упереться в землю; владение приемами шага, броска, копьем и щитом; индивидуального и коллективного действия в рукопашной схватке.

Пусть же, широко шагнув и ногами в землю упершись,
Каждый на месте стоит, крепко губу закусив,
Бедра и голени снизу и грудь свою вместе с плечами
Выпуклым кругом щита, крепкого медью, прикрыв;
Правой рукою пусть он потрясает могучую пику,
Грозный шелома султан над головой всколебав;
Пусть среди подвигов ратных он учится мощному делу
И не стоит со щитом одаль летающих стрел;
Пусть он идет в рукопашную схватку и длинною пикой
Или тяжелым мечом насмерть врага поразит!
Ногу приставив к ноге и щит свой о щит опирая,
Грозный султан – о султан, шлем – о товарища шлем,
Плотно сомкнувшись грудь с грудью, пусть каждый дерется с врагами,
Стиснув рукою копье или меча рукоять!
Вы же, гимниты, иль здесь, иль там, под щиты припадая,
Вдруг осыпайте врагов градом огромных камней
Или мечите в них легкие копья под крепкой защитой
Воинов тех, что идут во всеоружии в бой!

Тиртей много говорит о смерти. Смерть исполнена смысла для воина-патриота, защищающего землю родную, свой город, семью. Поэт славит не воинское искусство ради искусства, не славу ради славы, не захват чужого богатства, чужих земель, но жизненную необходимость защищать отца, мать, жену, детей, свои тучные нивы, свой образ жизни, свое свободное положение. В противном случае весь род ждут скитания и горькая бедность. Поэт представляет рациональные прагматически обоснованные основания преодоления естественного и неизбежного страха смерти. Особо подчеркнута необходимость защиты детей – в них Тиртей видит будущее.

Да, хорошо умереть для того, кто за землю родную
Бьется и в первых рядах падает, доблести полн.
Тот же, кто город родной и тучные нивы покинув,
Станет с сумою ходить, – горькую вкусит судьбу,
С матерью милой, с детьми неразумными, с юной супругой
И с одряхлевшим отцом жалким скитальцем бродя.
Всюду, куда ни придет он под бременем бедности горькой
И безысходной нужды, всюду он будет врагом.
Доблестный род обесчестит и лик опозорит блестящий,
И вслед за ним по следам горе с бесчестьем пойдет.
Если же странник бездомный нигде не найдет ни заботы,
Ни уваженья – ни он, ни все потомство его, –
Будем за эту страну с отвагою биться и сгибнем
За малолетних детей, жизни своей не щадя!

Тиртей говорит о возможности и необходимой готовности к смерти в бою. Однако в его поэме нет надрыва, нет той лирической чувствительности, о вредности которой говорил Платон в «Государстве». Поэт указывает как должно себя вести воину, какие необходимые телесные и душевные действия и в какой последовательности он должен их осуществлять. Категорический императив сочетается со спокойной рассудительностью. Воспевая спартанцев, Тиртей оставался мудрым афинским поэтом-философом.

Юноши, не отходя ни на шаг друг от друга, сражайтесь,
И да не ляжет на вас в бегстве позорном почин, –
Нет, себе в грудь вы вложите великое, мощное сердце,
В битву вступая с врагом, жизнь не щадите свою
И не бегите из боя, старейших годами покинув,
Старцев, чьи ноги уже легкости чужды былой!
Это – позор, если старый боец впереди молодежи
В битве падет посреди первого ряда бойцов.

Итак, четыре столетия, разделяющие Платона и Тиртея, не помешали культурному диалогу между ними, выявившему единство позиций в отношении воспитания стражей государства. Возможно, и сама мысль Платона об идеальном государстве вызрела благодаря сложившейся в течение ряда веков культуре его сохранения, защиты, понимания ценности государства. Таким образом, можно сделать вывод об идентичности философского и поэтического понимания системы профессионального военного воспитания и образования, представленного в творчестве Платона и Тиртея, о сохранении традиций воспитания гражданина, воина, героя, несмотря на хронологический промежуток в четыре века. Коррелят философии и поэзии позволяет выявить сущностные характеристики системы античного гражданского военного патриотического воспитания: ориентацию на формирование гражданской ответственности, свободу выбора, профессиональную военную культуру. Огромное значение имеет сакрализация идеала героя, способного преодолевать страх смерти.

1. Платон. Пир // Древнегреческая философия: от Платона до Аристотеля. М.: ООО «Изд-во АСТ»; Харьков: ФОЛИО, 2003. С. 36–90.

2. Юнг К. Г. Божественный ребенок: Аналитическая психология и воспитание: СПб.; М.: Олимп: ООО «Изд-во АСТ-ЛТД», 1997. 400 с.

3. Истоки ювенальной юстиции. URL: http://pandoraopen.ru/2013-06-04/istoki-yuvenalnoj-yusticii-kak-britaniya–400-let-reshala-problemy-detej (дата обращения: 10.11.2016).

4. Платон. Государство // Древнегреческая философия: от Платона до Аристотеля. М.: ООО «Изд-во АСТ»; Харьков: ФОЛИО, 2003. С. 91–440.

5. Тиртей. К согражданам // Тиртей. Лирика. URL: http://lib.ru/POEEAST/TIRTEJ/tirtey1_2.txt (дата обращения: 10.11.2016).

© Нефёдова Л. К., 2016

УДК 316.75

Н. В. Фёдорова
N. V. Fedorova

ПРОБЛЕМА НОРМЫ И НЕНОРМАЛЬНОГО В ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ

Статья обосновывает актуальность философского осмысления понятий «норма» и «ненормальное».

Ключевые слова: норма, ненормальное, предписание, идеальное, мера, граница, этика, мораль.

THE PROBLEM OF NORM AND ABNORMAL IN PHILOSOPHIC DISCOURSE

The article considers the relevance of philosophical interpretation of the concepts “norm” and “abnormal”.

Keywords: norm, abnormal, dictate, ideal, extent, border, ethic, virtue.

Понятие нормы так или иначе присутствует в философских изысканиях. Реже эксплицитно, чаще имплицитно. Когда речь идет о норме, нормальном, все понимают, что имеется в виду. Латинское *norma* – правило, образец – понимается как предписание, образец поведения или действия [1]. Норма выражает то, что существует или должно существовать во всех без исключения случаях. Исторически, появление нормы можно отнести к ветхозаветному времени. Заповеди, данные Богом, были первым правилом, нормой поведения, предписываемой людям. Именно поведение людей, которое вело к саморазрушению, упадку, моральной и духовной деградации, привело к необходимости ввести некоторые ограничения. Эти Божьи заповеди в дальнейшем стали основой различных гражданских актов: законов, правил, предписаний, которые со временем менялись, корректировались. Можно сказать, что в них определялось нечто идеальное («снятое» по Г. В. Ф. Гегелю) для человека, к которому он должен стремиться. Снятое (идеальное) в философии Г. В. Ф. Гегеля есть нечто опосредованное: оно не-сущее, но как результат, имеющий своим исходным пунктом некоторое бытие, поэтому снятое еще имеет свою определенность, от которой оно происходит. Нечто снято лишь постольку, поскольку оно вступило в единство со своей противоположностью [2, с. 43].

В нашем случае это имеет следующее значение: нормальное может быть таковым, только вступив в единство с ненормальным. Перефразируя выражение Г. В. Ф. Гегеля, нормальное есть нормальное, ненормальное есть ненормальное лишь в их отличии друг от друга. На этом отличии часто строятся многочисленные определения понятий. В таком случае нам необходимы некие дефиниции (признаки), которые помогут нам отделить нормальное от ненормального и определить их.

Но прежде, чем приступать к поиску и анализу этих дефиниций, следует обратиться к еще одной характеристике определенных понятий. Г. В. Ф. Гегель говорит об их конечности, а значит, они не только изменяются, как нечто вообще, а преходят, т. е. нормальное и ненормальное содержат в себе зародыш прохождения как внутри-себя-бытие, час их рождения есть час их смерти. Это объясняет встречающийся довольно часто в культуре переход ненормального в нормальное и наоборот. В философии вообще, а особенно в философии морали, в которой понятие нормы развивалось особенно активно, большую роль играет долженствование как последнее и абсолютное понятие о тождестве в-себе-бытия или соотношения с самим собой и определенности или границы. По мнению Г. В. Ф. Гегеля, в понятии долженствования много значит выражение:

«Ты можешь, потому что ты должен», потому как долженствование есть выход за предел, граница в нем снята, в-себе-бытие долженствования есть, таким образом, тождественное соотношение с собой, стало быть, есть абстракция возможности… Но столь же правильно и обратное: ты не можешь именно потому, что ты должен. Ибо в долженствовании содержится также и предел…» [2, с. 51–52].

Следовательно, дефиниции, определяющие сущность нормального и ненормального, должны быть тождественны, а кроме того, они должны быть подвижны по своей сути, допуская переход одного в другое. Они должны содержать в себе характеристики предела и в то же время возможность выхода за предел.

В современной науке появилось новое направление – девиантология. Это наука, изучающая девиации и девиантное поведение, одна из самых молодых, она появилась только в прошлом столетии как синтез социологии, криминалистики и психологии [3]. Однако, отвечая на вопрос – что есть норма, а что отклонение от нее, – мы фактически решаем философскую проблему. Попробуем обосновать данный тезис, совершив краткий экскурс в историю.

Древнегреческая философия возникла почти два с половиной тысячелетия назад, однако многих мыслителей последующих поколений удивлял тот факт, что греческие философы так или иначе затронули практически все актуальные философские вопросы, а самое главное – обозначили основные ответы на них.

Нас в рамках нашего исследования интересуют вопросы, касающиеся нормы и отклонений от нее. Эти вопросы оформились в особую область философского знания, называемую этикой или моральной философией. Однако сами этические учения упираются в представления о человеческой природе. Рассмотрим лишь два из крупнейших этических учений Античности, предопределивших дальнейшее развитие мысли в области моральной философии.

Этическая концепция Сократа предполагала взгляд на человека как на существо, обладающее двойственной природой. С одной стороны, человек подобен животным во всем, что связано со страстями, телесными желаниями и влечениями. С другой стороны человек имеет разум – божественную способность постигать суть вещей, т. е. то, чего лишены животные. Нормальным для человека Сократ считал максимальное развитие разумного начала и полный контроль разума над телесной природой. Это должно было обессмертить «разумную душу». Таким образом, Сократ заложил основы этики долга (впоследствии – долженствование по Г. В. Ф. Гегелю), ориентированной на самоконтроль во имя какой-либо высшей цели.

Противоположного взгляда на человека придерживался софист Протагор. Ему принадлежит выражение «Человек – мера всех вещей». Человек, согласно Протагору, сам для себя есть высший авторитет и моральный судья. Человек вправе делать то, что считает нужным, не обращая внимания на окружающих. Его личное счастье превыше всего. «Что толку связывать себя каким-то долгом, обязательствами, если завтра мы умрем. Нужно жить сейчас и жить успешно» – такова основная идея этого направления моральной мысли, которое иногда называют этикой успеха или эффективности [4; 5].

Можно соглашаться с Сократом или Протагором, но мы должны отдавать себе отчет в том, что, вставая на любую философскую позицию, мы принимаем строго определенную точку зрения на проблему нормы и ненормальности человека. Если мы соглашаемся с Протагором, то мы не можем считать нормальным человека, который имеет возможность безнаказанно украсть и не делает этого из моральных принципов, ведь это противоречит принципу успеха.

Однако если мы согласимся с Сократом, то мы не можем считать нормальным человека, который свободное время посвящает обжорству и сексуальным развлечениям. Это противоречит принципу самоограничения. Таким образом, любое представление о норме или отклонении от нее уходит своими корнями в философию. Считая, что действия людей ненормальны, мы тем самым занимаем философскую позицию.

Отсюда следует, что в основе девиантологии лежат основы философских морально-этических учений. Философские вопросы принято считать вечными, но люди всегда по-разному отвечали на них в разные исторические эпохи. Однако любой ответ сразу задает координаты проявлений нормального или ненормального, очерчивает круг того, что делать или думать нельзя. В исследовании ненормального в философии пригодится знание прошлого, которое всегда дает повод для размышления о настоящем.

На современном этапе развития науки проблема ненормального может и должна иметь философское измерение.

Во-первых, понятие «ненормальное» является попыткой предельного обобщения, оно является выходом из сферы конкретно-социологической фиксации отдельных нестандартных (негативных прежде всего) общественных проявлений на уровень анализа общей динамики самораскрытия человеческого бытия. Уже не специфические причины и закономерности тех или иных вариантов ненормального являются предметом мысли, а сам факт некоего отклонения от норм. Более того, невозможно говорить лишь о видах ненормального, не осмысляя норму или ненормальность вообще, как таковые, иначе и сами понятия делаются излишними, и рассмотрение этих видов сводится к нагромождению фактов и не может возвыситься до понимания.

Получается, что мы имеем дело с вечной проблемой «герменевтического круга»: знание целого достижимо лишь через знание частей, а знание частей невозможно без знания целого. Формирование общего понятия ненормального возможно только из обобщения конкретных ненормальных проявлений в философской антропологии и философии культуры, но по-настоящему понять эти проявления удастся, только поняв смысл ненормального вообще. Это означает, что некий философский анализ ненормального необходим.

Во-вторых, понятие «ненормальное» имеет и собственно философский потенциал. Раскрытие этого потенциала, на наш взгляд, способно придать теме нормы и отклонений от нее глубокий философский смысл. «Ненормальность» не есть просто один из внешних поводов для философского мышления, здесь открывается возможный способ постижения и выражения глубинного характера человеческого присутствия в мире.

1. Философский словарь. URL: http://www.philosophydic.ru/ (дата обращения: 08.07.2015).

2. Гегель Г. В. Ф. Наука логики. СПб.: Наука, 1997. 800 с.

3. Гилинский Я. И. Девиантология. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004 . 253 с.

4. Карасев Л. В. Знаки покинутого детства («постоянное» у Платонова) // Вопросы философии. 1990. № 2. С. 33–38.

5. Новая философская энциклопедия. URL: http://www.iph.ras.ru/elib/2474.html (дата обращения: 02.11.2013).

© Фёдорова Н. В., 2016

УДК 140. 8

Д. М. Федяев
D. M. Fedyaev

ОБ ОТНОШЕНИИ ЧЕЛОВЕКА К ПРИРОДЕ: ОТ СМИРЕНИЯ МАРКИЗА ДЕ САДА К ДЕРЗНОВЕНИЮ ИММАНУИЛА КАНТА

Рассматриваются две версии отношения к природе в их крайних формах. Позиция подражания природе представлена творчеством маркиза де Сада. Пафос покорения природы – вариациями буквального прочтения гносеологии Иммануила Канта. Показано, что развитие науки и техники ведет к их объединению.

Ключевые слова: природа, подражание, преодоление, наблюдение, эксперимент, наука.

ON ATTITUDE OF MAN TOWARDS NATURE: FROM HUMILITY OF THE MARQUIS DE SADE TO BOLDNESS OF IMMANUEL KANT

Two versions of the attitude towards nature in their extreme forms are discussed. The position of imitating the nature is represented by works of the Marquis de Sade. The pathos of conquering the nature is represented by variations of literal interpretation of Immanuel Kant's gnoseology. The author shows that the development of science and technology leads to their unification.

Keywords: nature, imitation, overcoming, watching, experiment, science.

Едва ли можно установить, когда именно была впервые сформулирована идея подражания природе, отношения к ней как к учителю, но очевидно, что достаточно давно. К примеру, трактат Марка Витрувия «Десять книг об архитектуре» написан (предположительно) в 13 году до н. э. Автор усматривает подражание природе в строительстве храмов, театров, даже машин, которые «происходят» от изучения мирового вращения. Согласно В. В. Чешеву, аналогии Витрувия не вызваны необходимостью, а предстают скорее как социально-культурное явление [1, с. 31]. Тем не менее указанное социально-культурное явление уже было. Стремление подражать природе оказалось исключительно устойчивым. Одно из его относительно современных проявлений – появление в 1960 г. бионики – науки, изучающей природные конструкции с целью реализации принципов их построения в технике. Правда, в ходе истории науки и техники не раз оказывалось, что человек нечто изобретает сам и лишь после этого обнаруживает, что природа это уже изобрела. Например, как справедливо заметил Э. Мах, «камера-обскура *не* скопирована с глаза, но по ней объяснен глаз Кеплером и Декартом» [2, с. 3]. Тем не менее бионика существует, определенные результаты достигаются.

Как оказалось, подражать природе можно не только в области создания искусственных сооружений. Наши поступки тоже могут быть природосообразными, причем апелляция к природе позволяет оправдать очень многое, если не все, что угодно. Этот аспект «природности» замечательно емко представлен в творчестве маркиза де Сада. Героиня одного из его романов, молодая девушка, лишившись родителей, оказывается во власти преступников. Стоит ей спастись от одних, как она попадает к другим. Все они оказываются философами, умеющими прекрасно обосновывать свои неблаговидные действия, причем некоторые идеи философов-садистов впоследствии обнаруживаются в трудах других авторов, садистами не являющихся. Представим некоторые из их рассуждений, распределив их по тематике.

О добровольной проституции. «Ведь природа мудра, и если бы эти движения, эти помыслы были опасны, она бы и не знала их… разве природа может внушить женщине желание, которое было бы преступным?» [3, с. 41].

О предназначении женщины. «По замыслу природы каждая особь в этом мире должна выполнять то, ради чего она была создана. Женщина же создана на радость мужчине, для его наслаждения. Это ее предназначение, так ее замыслила природа, и сопротивляться тому, что она замыслила для нас, – значит оскорблять ее» [3, с. 86].

О грабежах, воровстве и пр. «Ей-Богу, дураками бы мы были, если б отказались от преступлений. Мы все равны между собой… Такими нас создала природа, и если суровая несправедливая судьба нарушила этот порядок, то мы исправляем эту несправедливость и возвращаем себе самое необходимое из того, что было у нас отнято» [3, с. 74]. Вспомним, что гипотетический Общественный договор был заключен по причине природного равенства всех людей.

Об интересах других людей. «Нас не должны… волновать судьбы других, когда дело идет о нашем благополучии… Разве люди рождаются не в одиночку? <…> Каждый сам по себе – вот первый из законов природы, самый мудрый, самый нерушимый. С другими мы должны поступать сообразно нашим желаниям и возможностям: притворяться, если мы слабее, брать все силой, подобно зверям, если мы сильнее» [3, с. 72]. Через некоторое время А. Шопенгауэр напишет кратко и емко: «Каждая ступень объективации воли оспаривает у другой материю, пространство и время» [4, с. 56].

О безразличии природы и об изобилии. «Природа не противится бессмысленной гибели плодоносного семени. Она позволяет нам тратить этот драгоценный нектар с тем же равнодушием, с каким она его производит. Она терпимо относится к умножению нашего рода, но ей далеко до того, чтобы

стремиться только к этому и во что бы то ни стало увеличивать число людей. Наш выбор ей безразличен. Мы, зарождая новую жизнь или же губя ее, не радуем и не печалим природу. Мы, стало быть, вольны в своем выборе… она создает лишь для того, чтобы уничтожить созданное. Разрушение – вот важнейший ее закон, без этой перспективы ничто не рождается на свете» [3, с. 89–90]. Природа А. Шопенгауэра «говорит нам вот что: смерть или жизнь индивидуума ничего не значит» [4, с. 93]. Согласно П. Т. Де Шардену, изобилие и безразличие к индивидам являются способами действия жизни [5, с. 94–96].

Об убийстве. «Что касается уничтожения себе подобных… это преступление мнимое: уничтожение вообще не во власти человека. В самом крайнем случае он может изменить форму существования, но заставить жизнь исчезнуть он не в силах. Все формы жизни равны в глазах природы, ничто не пропадает в ее гигантском горниле. Там идет непрекращающаяся плавка» [3, с. 162]. «Различные части материи исчезают в ней и появляются вновь, но уже в ином обличье. Что природе наши поступки? <…> Осмелимся ли мы утверждать, что создание этого двуногого стоит ей больше, чем изготовление мириадов червей, и что именно двуногое животное интересует ее больше всего?» [3, с. 91].

Маркизу вторит А. Шопенгауэр: «Материя, которая лежит теперь перед вами как прах и пепел, сейчас, растворившись в воде, осядет кристаллом, засверкает в металле, рассыплет электрические искры, в своем гальваническом напряжении проявит силу, которая, разложив самые крепкие соединения, обратит земные массы в металл; и мало того: она сама собою воплотится в растение и животное и из своего таинственного лона породит ту самую жизнь, утраты которой вы так боитесь в своей ограниченности» [4, с. 91].

Далее оказывается, что «все животные, все растения гибнут, потребляют пищу, разрушаются и вновь возникают, не зная подлинной смерти, подлинного исчезновения, а лишь бесконечное число раз видоизменяясь. Всякий организм… который сегодня предстоит перед нами в одном виде, завтра будет в другом… Надо только тем действием, которое очень несправедливо называют преступным, вызвать к жизни энергию созидательного разрушения» [3, с. 163].

«Созидательное разрушение» воскрешает в памяти привычные для нас диалектические оксюмороны (свое иное и др.) и идею диалектического отрицания: «Для каждого вида предметов, – пишет Ф. Энгельс, – как и для каждого вида представлений и понятий, существует… свой особый вид отрицания, такого именно отрицания, что при этом получается развитие» [6, с. 146].

Маркиз продолжает: «Ей (природе. – *Д. Ф.*) нужно, чтобы на свет явилось новое существо, – она внушает нам любовь, и это существо рождается на свет – это созидание. Она нуждается в разрушении – роняет в наши сердца семена мщения, скупости, тщеславия, страсти к наживе, и вот происходит убийство. Но она всегда старается ради самой себя, а мы становимся, может быть, не сознавая, лишь проводниками и исполнителями всех без исключения ее капризов…

Законам природы подчинено все в мире… Так убедимся же наконец, что жизнь человеческая подчинена тем же общим законам, что и жизнь животных, – по этим общим законам рука природы управляет всем миром» [3, с. 164].

«Раз доказано, что природа может созидать, лишь разрушая, разве не в ее целях множить число разрушений?.. Я совершаю преступления – следовательно, я существую, служу природе, следую ее предначертаниям, исполняю ее желания» [3, с. 168].

О добродетели. Я «говорю об относительности добродетели, о том, что ее необходимость диктуется или общественным мнением, или обстоятельствами. Ведь добродетель, не будем обманываться, не абсолютная ценность, она всего лишь некая манера поведения. Она не более чем мода, которая может быть разной в каждой провинции: в одной ведут себя так, в другой эдак. Это не то, что в совершенно равной мере подходит всем возрастам, всем народам, всем странам. Но то, что так переменчиво, не может считаться благом… Добродетель зависит не только от веры, моды, обстоятельств, темперамента, климата, но даже от способа правления. Добродетели революции, к примеру, весьма далеки от добродетелей легитимных правительств… Словом, нет на земле двух народов с одинаковыми признаками добродетели. Итак, в добродетели нет ничего устойчивого, ничто действительное ей не присуще, и она не заслуживает нашего уважения» [3, с. 224–225]. Добродетель сомнительна, поскольку она не имеет природной основы. Религиозное же основание маркиз де Сад решительно отрицает, критикуя христианство в стиле барона Гольбаха.

Вернемся к Ф. Энгельсу: «Какая мораль проповедуется нам в настоящее время? Прежде всего христианско-феодальная, унаследованная от прежних религиозных времен; она, в свою очередь, распадается в основном на католическую и протестантскую, причем здесь опять-таки нет недостатка в дальнейших подразделениях от иезуитско-католической и ортодоксально-протестантской до либерально-просветительной морали. Рядом с ней фигурирует современно-буржуазная мораль, а рядом с последней – пролетарская мораль будущего… Какая же из них является истинной? Ни одна, если прилагать мерку абсолютной окончательности…» [6, с. 94].

Обратим внимание, сколь смиренной выглядит позиция маркиза де Сада по отношению к природе. Он только следует ее велениям, не более. Самое дерзкое, что он себе позволяет, это «чуть-чуть корректировать» природные законы «тем или иным способом, доступным для человека», в чем опять же «ничего нет противоестественного» [3, с. 165]. Допустимо, например, прибавить ей немного разнообразия путем *распутства*, которое в наши дни принято называть нетрадиционной сексуальной ориентацией. Распутство опять же не противно природе, напротив, «человек холодный и сдержанный – место отдыха природы, перерыв в ее деятельности» [3, с. 218].

Современник маркиза Иммануил Кант занимает по отношению к природе другую позицию, в высшей степени активную. Различие позиций отчасти объясняется научными и околонаучными реалиями того времени. Творчество маркиза де Сада – продукт эпохи Просвещения, когда становящаяся наука опиралась по преимуществу на систематическое наблюдение и математическое обоснование его результатов. Определенная умозрительность тоже присутствовала. Кроме того, наука была *принята* в салонах. Разумеется, новое знание не рождалось в салонах, но оно было в моде. В свете считалось хорошим тоном умение поддержать разговор о механике и астрономии. Но в это же

время акцент научной методологии смещался от наблюдения к эксперименту, иной раз неэстетичному и в буквальном смысле дурно пахнущему. Соответственно наука «перемещалась» из салонов в лаборатории, а экспериментальный метод нуждался в философском осмыслении.

Наблюдение было для своего времени революционным методом, его пафос состоял в непосредственном «чтении» книги природы, а не библии, не сочинений Аристотеля и его последователей. Кроме того, в *небесной механике* метод наблюдения совершенно естествен. Эксперимент же применим преимущественно к доступным объектам познания. Надо сказать, что в период становления нововременной науки, в самом ее «начале» все было причудливо перемешано: свет и лаборатория, собственно научные методы и почтение к авторитетам. Например, в высшей степени занимательны перипетии открытия Уильямом Гарвеем принципа действия системы кровообращения. Гарвей начал с попыток резать себя, потом собаку (убежала), потом вскрывал самых разнообразных животных и трупы людей. Наконец схема кровообращения была создана.

Первый доклад в узком кругу он сделал в 1615 г., но только в 1628 г. решился выпустить книгу, опасаясь, что коллеги-врачи его «съедят». Так и получилось. «Молодые и перспективные» коллеги подвергли его жесткой критике, ссылаясь на авторитет Галена (последователя Аристотеля), который считал, что кровь зарождается в печени. Травля притихла после непосредственного заступничества Декарта, но не совсем: злопыхатели пожаловались королю. Король ответил: «А вам завидно?». Когда же Гарвею понадобились для экспериментов беременные животные, он тоже обратился к королю [7, с. 18–22].

В кантовской гносеологии нашел выражение пафос активного отношения к природе, характерный для Нового времени и далее – до современной эпохи. Она в высшей степени «многослойна». Не случайно говорят, что у каждого философа свой Кант. Следует отметить, что любой опубликованный текст отчужден от автора и предоставлен произволу читателя. Читать же можно по-разному. Можно искать в тексте глубинный смысл, а можно прочитать буквально, ища прямые ответы на интересующие вопросы. Итак, зададимся вопросом, каково, согласно Канту, отношение человека к природе, и просмотрим «Критику чистого разума» буквально и непосредственно.

Переломным в развитии естествознания Кант считает момент, когда «естествоиспытатели поняли, что разум видит только то, что сам создает по собственному плану, что он с принципами своих суждений должен идти впереди, …а не тащиться у нее (природы. – *Д. Ф.*) словно на поводу». После того как перелом совершился, стало очевидным, что к природе следует подходить с наличными принципами и с «экспериментами, придуманными сообразно этим принципам для того, чтобы черпать из природы знания, но не как школьник, которому учитель подсказывает все, что он хочет, а как судья, заставляющий свидетеля отвечать на поставленные им вопросы» [8, с. 85–86]. Если целенаправленный, технически оснащенный эксперимент – операция научного поиска – был в известной мере новостью во времена И. Канта, то замечательный образ судьи показывает связь нововременной культуры с типичным средневековым образом мысли и действия. Термин «естествоиспытатель» первоначально означал: тот, который пытает природу, а его инструментарий суть орудия пытки. Итак, с целью поиска знаний природу следует пытать.

Поскольку же субъект познания «идет впереди», то он, как далее выясняется, предписывает природе законы. «Категории суть понятия, a priori предписывающие законы явлениям, стало быть природе, как совокупности всех явлений (natura materialiter spectata)» [8, с. 212]. Правда, чуть ниже говорится, что «законы существуют не в явлениях, а только в отношении к субъекту» [8, с. 213], но мы уже получили ответ: предписывает.

Наконец, антиномия «природа – свобода» тоже принадлежит И. Канту.

Одно из наиболее своеобразных прочтений Канта принадлежит В. Ф. Эрну, который в 1914 г. объявил Канта предтечей и идеологом германского милитаризма: «О, Кант недаром чувствовал *законодательный* характер своего разума! Хотел он предписывать законы Природе, поистине же стал Ликургом выступающего на всемирную сцену германского духа» [9, с. 102]. В статье «От Канта к Круппу» читаем, что «орудия Круппа были… всенемецкими, национальными a priori всего военно-политического опыта, долженствовавшего развернуться перед ними… коим с неизбежностью весь сырой материал грядущих потрясений должен быть оформлен категориями и «схемами» основных вожделений пангерманизма» [9, с. 105]. В. Ф. Эрн заменил духовные орудия (категории) материальными (пушками Круппа), но сохранил логику кантовских рассуждений: категории несут порядок природе, крупповские орудия несут германский порядок человечеству.

Если статья В. Ф. Эрна более или менее «единична», то активно-победительный настрой по отношению к природе, представленный буквальным прочтением Канта, на долгое время стал господствующим. Например, в «Материалах XXII съезда КПСС» читаем: «Мы разбили и уничтожили темные силы эксплуататоров, навсегда покончили со всеми видами экономического и духовного гнета. И теперь мы все больше направляем наши усилия на то, чтобы устранить зависимость людей от стихийных сил природы, подчинить их человеку. Тем самым будет взят последний барьер на пути человечества в подлинное царство свободы» [10, с. 197]. Авторы «Материалов» не ссылались на «Критику чистого разума», но антиномия природы и свободы видна совершенно ясно.

Материалистическая версия кантианства удивительно соответствует самоощущению современной культуры, для которой характерно известное упоение технологической мощью. Так, по мнению Дж. П. Гранта, самое слово «технология» выражает суть современной эпохи, тогда как для прежних была характерна «только» техника. Оказывается, что великая перемена произошла в западной идее блага. В изначальном понимании благо есть то, что предъявляет к нам непререкаемое нравственное требование. В сравнении с нашими предками мы исключили из слова «следует» значение безусловного обязательства. «И больше того, приход в мир новой изменившейся интерпретации блага связан с восхождением технологической цивилизации… Мы свободны желать какого нам угодно хода событий и выбирать средства для этого. Совокупность природы в растущей мере переходит в наше распоряжение, как если бы сама по себе она была просто «сырым материалом» и больше ничем» [11, с. 161]. Аналогичные оценки современ-

ной культуры мы встречаем и у других авторов. Это уже не хайдеггеровский по-став. Получается, что современная эпоха предписывает природе законы почти по Канту.

«Почти по Канту» в наши дни нередко осмысливается и эволюция научного знания. Обратимся, к примеру, к теме смены типов рациональности. В философии науки общепризнанна и представлена во всех учебниках версия В. С. Степина. Так, в современном постнеклассическом типе рациональности учитывается «соотнесенность характеристик получаемых знаний об объекте не только с особенностью средств и операций деятельности, но и с ее ценностно-смысловыми структурами. Причем эксплицируется связь внутринаучных целей с вненаучными, социальными ценностями и целями» [12, с. 634].

Вспомним, что Кант рекомендует подходить к природе «с принципами», а подходить к ней без категорий субъект познания просто неспособен, категории априорны. Систему категорий не раз сравнивали с узловыми пунктами сети, которую человек набрасывает на мир. Можно сказать иначе: категории составляют традиционный набор вопросов, которые человек задает природе, причем традиция началась тогда, когда они были выработаны. Субъект познания задает природе вопросы: в чем *причина* того или иного явления, что в нем *необходимо*, а что *случайно*, какие *возможности* оно открывает и др. Разумеется, для каждого конкретного субъекта познания они априорны. Вопрошая о причинах чего-либо, он не сомневается в существовании причинно-следственных связей. Но кроме традиционных вопросов, каждая эпоха выдвигает и собственные вопросы, которые, разумеется, соотнесены с ценностно-смысловыми структурами, с принципами, которыми живет эпоха. Пытаемая при помощи специально изготовленных средств, природа вынуждена на них отвечать.

В современную эпоху (хотя трудно сказать, откуда следует отсчитывать современность) линия Иммануила Канта и линия маркиза де Сада причудливо пересекаются. Создаваемые человеком материальные условия его существования принято называть второй природой. Ее активным компонентом является техника. После промышленной революции в развитии «второй природы» обнаруживается собственная внутренняя логика, а также признаки, присущие саморазвитию, несмотря на ее рукотворность. Тенденция «саморазвития» усиливается с каждым десятилетием. Техника как целое обрела системное строение, а общая производительность труда настолько возросла, что любое изменение каких-либо элементов технической системы, вызвавшее повышение производительности, ведет к соответствующему изменению других элементов, поскольку оно в принципе не может быть «компенсировано» дополнительными затратами живого труда. Развитие техники в целом носит не столько целесообразный, сколько энтелехийный характер: каждое новое техническое средство создается для определенной цели, но его применение, как правило, вызывает ряд последствий, которые не планировались и не ожидались, а взятые в совокупности технические инновации обнаруживают некоторые тенденции, напоминающие о ходе природных процессов. Техника стремится к некоторой идее-форме, но эта форма не была задана каким-либо субъектом технической деятельности. В результате оказывается, что человек следует логике технической эволюции, но не определяет ее реально.

Вторая природа тоже нечто подсказывает человеку. В процессе развития техники постоянно открываются новые возможности, под которые создаются потребности. Это особая, специальная тема, поэтому ограничимся только одним примером. Производство через рупор рекламы говорит человеку: «Покупай, тебе это нужно», и он покупает, хотя накануне даже не подозревал, что остро в этой вещи нуждается.

До поры до времени техника (сейчас, как уже отмечалось, принято говорить о технологии) строила искусственную среду, преобразуя более или менее первозданную природу. Ситуация качественно изменилось, когда понятие технологии обрело приставку «био». Л. А. Максименко, описывая современные биотехнологические тенденции, выделяет следующие направления: а) попытки создания причудливых симбиозов человеческого и технического; б) стремление к усилению и усовершенствованию человеческого разума на генном уровне; в) идею близости человека и животного, обоснованную последними достижениями биологии [13, с. 136–138]. Современный субъект познания как когда-то наблюдает за природными объектами, но на качественно новом научном уровне.

Мы уже знаем, что именно подсказывала маркизу де Саду первозданная природа. Что будет подсказывать измененная природа человеку, усовершенствованному при помощи биотехнологий, покажет будущее.

1. Чешев В. В. Техническое знание как объект методологического анализа. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1981. 194 с.

2. Энгельмейер П. К. Теория творчества. С предисловием Э. Маха. СПб.: Книгоизд-во «Образование», 1910. 208 с.

3. Маркиз де Сад. Жюстина, или Несчастья добродетели: Роман / пер. с фр. Е. Храмова. СПб.: Азбука-классика, 2007. 288 с.

4. Шопенгауэр А. Избранные произведения / сост., авт. вступ. ст. и примеч. И. С. Нарский. М.: Просвещение, 1993. 479 с.

5. Шарден П. Т. Феномен человека / пер. Н. А. Садовского. М.: Наука, 1987. 240 с.

6. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Гос. изд-во полит. лит, 1961. Т. 20. 827 с.

7. Плавильщиков Н. Н. Гомункулус. Очерки из истории биологии. М.: Дет. лит., 1971. 432 с.

8. Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Соч: в 6 т. М.: Мысль, 1964. Т. 3. 799 с.

9. Эрн В. Ф. От Канта к Круппу // Вопросы философии. 1989. № 9. С. 101–107.

10. Материалы XXII съезда КПСС. М.: Политиздат, 1961. 464 с.

11. Грант Дж. П. Философия, культура, технология: перспективы на будущее // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1986. С. 153–162.

12. Степин В. С. Теоретическое знание. М.: Прогресс – Традиция, 2000. 744 с.

13. Максименко Л. А. Об актуальности проблемы природы человека в современной философии // Реальность. Человек. Культура: трансформация человека. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2016. С. 134–139.

© Федяев Д. М., 2016

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Астафьева И. А.
От прецедентного имени к апеллятиву

Голошубина О. К.
Функции интернет-мемов в речевом жанре «разговор в мессенджере»

Калинин А. Ф.
Вопросительные фразеологизированные предложения структурного типа Что такое жизнь? (основные аспекты)

Сарангаева Ж. Н.
Эмблематическое представление концепта «чай» в калмыцкой, русской и английской лингвокультурах

Шалацкая Т. П.
Эргоним как маркер полиэтнической культуры (на материале названий объектов г. Евпатории)

УДК 811.161.1'37

И. А. Астафьева
I. A. Astafyeva

ОТ ПРЕЦЕДЕНТНОГО ИМЕНИ К АПЕЛЛЯТИВУ

В статье описывается процесс перехода имени собственного в имя нарицательное. Наблюдения проводятся на материале русских текстов разных стилей и жанров. Показывается изменение границ между онимом и апеллятивом, формирование семантики прецедентного имени. Основное внимание уделяется описанию значения прецедентного имени, употребленного в форме множественного числа. Выявляются факторы, способствующие переходу прецедентного имени в апеллятив.

Ключевые слова: апеллятив, оним, прецедентное имя, переход собственного имени в нарицательное, значение имени собственного.

FROM PRECEDENT NAMES TO APPELLATIVES

This article describes the process of transformation of proper names into appellatives. The research is based on the Russian texts of different styles and genres. The change of the boundaries between onims and appellatives as well as the formation of semantics of precedent names are described. Primary focus is on the meaning description of precedent names in plural. The author finds out the causes of transformation of precedent names into appellatives.

Keywords: appellative, onim, precedent names, transformation of proper names into appellatives, proper names meaning.

Прецедентное имя активно изучается современной лингвистикой, что связано, с одной стороны, с коммуникативной активностью имени собственного, обусловленной спецификой данного класса слов, а с другой стороны, объясняется актуальностью теории прецедентности, интенсивность внимания к которой не ослабевает на протяжении нескольких последних десятилетий. Связанная с развитием лингвокультурологии и когнитивной лингвистики, теория прецедентности накапливает богатый иллюстративный материал на базе разных языков.

Теория прецедентности стремительно развивалась, оттолкнувшись от понятия «прецедентный текст», введенного в научный оборот Ю. Н. Карауловым. Автор назвал прецедентными «тексты, 1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, 2) имеющие сверхличностный характер, то есть хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, 3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [1, с. 216].

Постепенно сформировались понятия «прецедентное высказывание», «прецедентный феномен», «прецедентная ситуация», «прецедентное имя». На характеристику прецедентного имени, данную в работах В. Д. Гудкова, ссылается большинство современных исследователей; можно сказать, что сложилось традиционное понимание прецедентного имени как «имени, связанного или 1) с широко известным текстом, относящимся, как правило, к числу прецедентных (например, *Обломов, Тарас Бульба*), или 2) с ситуацией, широко известной носителям языка и выступающей как прецедентная (например, *Иван Сусанин, Колумб*), имя-символ, указывающее на некоторую эталонную совокупность определенных качеств (*Моцарт, Ломоносов*)» [2, с. 108].

В изучении прецедентного имени наблюдается разнообразие аспектов: затрагиваются проблемы его семантики, функционирования в текстах разных жанров и стилей, формирования картины мира носителей языка и др. Но в данной статье хотелось бы связать проблематику прецедентного имени с вопросом о переходе имени собственного в нарицательное.

Это направление ономастических исследований напрямую связано с проблемой значения имени собственного и нарицательного. Роль ассоциаций при изучении ономастической номинации учитывалась в ономастике всегда. По мнению А. В. Суперанской, ономастические ассоциации «составляют комплекс, намного превосходящий круг ассоциаций нарицательных имен»: «Помимо ассоциаций, более или менее однозначно связывающихся у членов языкового коллектива с тем или иным именем, в индивидуальном употреблении у каждого человека имеются и свои, особые и неповторимые ассоциации. Если единообразные исторические, политические, бытовые и другие коннотации, связывающиеся у коллектива с именем, по своей силе и яркости перерастают его прямое географическое или антропонимическое назначение, имя может превратиться в нарицательное» [3, с. 285]. Подвижность границы между онимом и апеллятивом не вызывает споров, очевидна связь процесса апеллятивации онима (некоторые авторы используют термин «деонимизация») с появлением у него понятия. А. В. Суперанская объясняет это естественным функционированием слова-онима в языковой системе: «Переходя в язык как систему знаков, имя собственное должно обрести некоторую долю интеллектуальной информации, которая бы позволила установить его связь с логико-предметными рядами, без чего оно не может функционировать в системе. Такая информация имеется, например, у имен всемирно известных объектов, что делает возможным включение их в сообщение на правах семантически значимых, а не только номинативных слов». Комментарий А. В. Суперанской звучит вполне в духе исследований прецедентного имени (хотя дан этот комментарий задолго до появления этой теории): «Постепенное обретение именем собственным понятийности можно наблюдать на примере знаменитого латинского изречения «Gapuam Hanibali Cannes fuisse» – «Капуя для Ганнибала стала Каннами». Ганнибал в 538 г. одержал победу над римлянами при Каннах. Путем дальнейшего обрете-

ния интеллектуальной информации этим именем для римлян получается: *Канны* «место поражения», «поражение». У Капуи Ганнибал потерпел поражение. Следовательно, Капуя стала для Ганибала местом поражения *(Каннами).* Из биографии Наполеона получает объяснение фраза: Люди, пережившие *Аустерлицы*, опасаются грядущих *Ватерлоо* (при Аустерлице Наполеон одержал блестящую победу, при Ватерлоо он был разгромлен). Указанное насыщение имени собственного интеллектуальной информацией приводит к его постепенной апеллятивации» [4, с. 6].

В работах А. В. Суперанской довольно полно охарактеризованы процессы перехода собственного имени в нарицательное и нарицательного в собственное. «Коннотация, создание образа, а вместе с тем и потенции перехода в нарицательные возникают у собственных имен в тех случаях, когда: 1) денотат имени приобретает достаточную известность у всех членов определенного языкового коллектива, получивших некоторый общий минимум воспитания и образования (названия многих государств и их столиц, крупнейших рек и гор, имена наиболее популярных политических деятелей и деятелей литературы и искусства, современных и минувшей эпохи); 2) имя перестает связываться с одним сколько-нибудь определенным денотатом и делается типичным для многих чем-либо похожих друг на друга людей, поселений, рек и т. п. При этом типичность может проявляться как в лексическом содержании онимических основ, так и в моделях имен» [3, с. 116].

Как видим, мысль о широкой известности текста, ситуации, имени, вокруг которой строится теория прецедентности, присутствует в ономастических работах, посвященных переходу имени собственного в нарицательное. В уже процитированной работе А. В. Суперанской далее находим: «Непременным условием любого (полного и частичного, ситуативного) перехода имени собственного в нарицательное является известность денотата имени. Все члены данного языкового коллектива (или хотя бы микроколлектива) должны иметь определенные, однотипные представления о самых общих свойствах имени (о коннотациях имени). Поэтому и содержанием нового понятия становится обычно лишь то общее, что известно каждому члену языкового коллектива о денотате данного имени. Так, и *Пушкин*, и *Шекспир*, и *Мольер наших дней* – это прежде всего “великий писатель” с возможной (но не обязательной) более тонкой градацией: драматург, прозаик, поэт» [3, с. 117]. Автор делает вывод: «Потенциально переход в нарицательные свойственен всем именам с широкой известностью» [3, с. 117].

Отметим, что в ономастической литературе представлен опыт словаря, в котором собраны нарицательные имена, образованные от собственных. Авторами Л. А. Введенской и Н. П. Колесниковым описан процесс апеллятивации онимов, рассмотрена этимология слов, у которых связь с производящей основой (именем собственным) в современном языке является затемненной, а также представлены лексемы, у которых связь с онимом еще не утрачена [5]. Нарицательное имя обладает лексическим значением (связано с понятием), поэтому представляют интерес толкования отдельных слов, например: *гамлет* – человек, который всегда и во всем сомневается (по имени главного героя одноименного произведения Шекспира); *донкихот* – бескорыстный смешной мечтатель, растрачивающий свои силы в борьбе бесполезно и вызывающий у всех только насмешки, фантазер, далекий от реальной жизни (по имени героя романа Сервантеса «Дон Кихот»); *митрофанушка* или *митрофан* – глупый юнец-недоучка (по имени героя Д. И. Фонвизина «Недоросль»); *скалозуб* – грубый солдафон, ничего, кроме службы, не признающий (один из персонажей комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума») [5].Пожалуй, некоторые толкования покажутся спорными, но в данном случае важна попытка описания понятия.

Наблюдения за процессом номинации с участием имени собственного показывают довольно интересное явление: имя собственное, вторичное по своей природе, становится источником другой вторичной номинации. Как правило, вторичная номинация реализуется на базе прецедентного имени: расширяется объем применения данного имени, оно перестает связываться с одним определенным денотатом. Однако максимальное приближение к нарицательному имени происходит в случае употребления прецедентного имени в форме множественного числа.

Грамматическая форма множественного числа не только делает оним способным для выполнения функции вторичной номинации, но и придает ему дополнительное значение, которое можно назвать семантикой обобщенности. Форма множественного числа в данном случае указывает на обозначение однородных предметов, на типичность признака, подчеркивает, усиливает некое обобщение. Применительно к имени собственному, переходящему в нарицательное, семантика обобщенности может иметь градационную шкалу: от максимального обобщения известного признака до минимального обобщения, прочитываемого в контексте или вариативного.

Максимальное обобщение приводит к тому, что типичным становится один и тот же признак для всех носителей языка или для их большинства. Другими словами, контекст прочитывается вполне однозначно, без вариантов. Максимальную степень обобщения можно пронаблюдать в следующих примерах:

Дерзайте ныне ободренны / Раченьем вашим показать, / Что может собственных ***Платонов*** */ И быстрых разумом* ***Невтонов*** */ Российская земля рождать* (М. Ломоносов «Ода на день восшествия на...»). Здесь *Платоны* и *Невтоны* – это ученые (любой ученый, ученый вообще, без уточнения – философ или физик).

Она (няня) повествует ему о подвигах наших ***Ахиллов и Улиссов****, об удали Ильи Муромца, Добрыни Никитича, Алеши Поповича, о Полкане-богатыре, о Каличище прохожем, о том, как они странствовали по Руси, побивали несметные полчища басурманов…* (И. Гончаров «Обломов»). *Ахиллы и Улиссы* – наши (национальные) герои (любой герой, герой вообще, уточнение *национальный* вносит определение *наши*).

*Раньше в нем сквозил исторический оптимизм, преломлявший идею в нечто вроде «****Путины*** *приходят и уходят, а Пушкин навсегда»* («Миша и медведь» – seach1.ruscorpora.ru/syntax.xm). *Путины* = политики (любой политик, политик вообще).

Поэты не должны смешить народ, на это существуют ***Дроботенки*** (КВН, конкурс капитанов). *Дроботенки*

= юмористы (любой юморист); здесь к тому же намеренно нарушена грамматическая форма несклоняемой фамилии, форма множественного числа подчеркивает обобщение.

Тут можно много чего найти и потрогать, шатаясь между столиками и лавками, над расстеленными на земле польскими и украинскими газетами, заваленными хохломой, гжелью, грудами янтаря и всевозможными поделками, что свозят сюда удалые ***садко-садковичи*** *из Украины и Польши. Они и тут бодро перекрикиваются, <…> торгуются, медленно собирая сдачу… (*Д. Рубина «Между земель»). *Садко-садковичи* = торговцы. Перед нами пример авторского окказионализма, сконструированного по модели «имя + отчество», графически представленного как нарицательное имя (пишется со строчной буквы). Максимальная степень обобщения достигается за счет формы множественного числа. Примечательно, что обобщение здесь поддерживается актуальным для современного языка синонимом к слову *купец – торговец, продавец* (мифологический персонаж Садко – купец).

Меньшая степень обобщенности проявляется там, где наблюдается вариативность в прочтении контекста. Возможно и обобщение, и уточнение основного понятия. Нередко в таком случае прецедентное имя можно включить в синонимический ряд контекстуальных синонимов или возникают родо-видовые отношения между понятиями. Так или иначе, такая вариативность поддерживается контекстом, довольно часто в контексте можно найти авторское «опорное, ключевое» нарицательное слово, помогающее расшифровать прецедентное имя. Например:

Он [государь Николай] *приказал доставлять их к себе – зачинщиков, самых твердых, упрямых, закоренелых. Эти русские* ***Дантоны и Робеспьеры****, …с каменными лицами, тесно сжатыми челюстями, готовые принять мученическую смерть, но не проговориться, раскалывались, как лесные орехи, от одного доверительного слова* (Ю. Нагибин «Сильнее всех иных велений (Князь Юрка Голицын)»). В контексте *Дантоны и Робеспьеры* = *зачинщики,* но возможно и более широкое прочтение: *революционеры, бунтовщики, мятежники,* так как речь идет о декабристах.

И опять бежали, чтобы начать все сначала с другим народом, и учились их делу, и выходили с ними на войну, и любили их женщин, и рожали им ***Левитанов, Мечниковых и Пастернаков****, и становились у них каганами и даже царями – зачем?* (Э. Тополь «Любожид»). С одной стороны, контекст позволяет однозначно прочитать, что *Левитаны* = художники, *Мечниковы* = ученые, *Пастернаки* = поэты, писатели; с другой стороны, поскольку речь идет о взаимоотношениях еврейского и русского народов, возможно обобщение более широкое: *таланты (талантливые люди)* или *интеллигенты.*

…Сталин их вырезал всех до единого. И страна досталась русским секретарям обкомов, среди которых уже сорок лет нет ни одного еврея. И они же выбирают себе паханов – ***брежневых, громык, сусловых…*** (Э. Тополь «Любожид»). Это продолжение предыдущего контекста очень хорошо иллюстрирует авторское прочтение: *брежневы, громыки, сусловы = паханы, русские секретари обкомов.* Употребление строчной буквы здесь явно окказиональное, подчеркивающее отрицательное отношение к политическим деятелям «эпохи застоя». Тем не менее в контексте прочитывается это обобщенное понятие «политический деятель определенной эпохи» – благодаря энциклопедической информации, связанной у читателя с именами *Брежнев, Громыко, Суслов.*

Да, она была из тех ***Дебор, Эсфирей и Юдифей****, которыми так богата история ее народа, – сильные, слишком сильные женщины без проблеска тайны во взгляде… Потом они стреляли в губернаторов и вождей, взрывали кареты, сидели в лагерях…* (Дина Рубина «Высокая вода венецианцев»). В контексте *Деборы, Эсфири и Юдифи* – обобщенный образ еврейской женщины, но есть и определенный признак, на основании которого автор делает это обобщение, – *сильные, слишком сильные женщины.*

Опять собирают детей, возят на автобусах – это по нашим-то сельским дорогам! Да и автобусов не хватает. Вот и бредут наши маленькие ***Ломоносовы*** *в грязь и холод по нескольку километров за знаниями. В самой богатой стране мира!* (Семигин Г. Россия уже стоит перед необходимостью ликвидировать неграмотность // Комсомольская правда. 2007. 5 октября). В контексте *Ломоносовы* – это школьники, которых возят в школы из отдаленных деревень. Значение контекста опирается на распространенный в русской культуре миф из биографии великого ученого М. В. Ломоносова, согласно которому будущий ученый пешком шел из далекого поморского села в Москву, чтобы получить образование. Для прочтения прецедентного имени необходимы знания, связанные с ним, – знания прецедентной ситуации.

Времена ***Простаковых и Скотининых*** *миновали давно. Пословица: ученье свет, а неученье тьма, бродила уже по селам и деревням вместе с книгами, развозимыми букинистами* (И. Гончаров «Обломов»). Отрицательные персонажи комедии Фонвизина «Недоросль» (по сюжету они представители одной семьи, брат и сестра) отличаются набором различных качеств: Простакова – грубая, властная, невежественная помещица, бездумно любящая и балующая своего сына, Скотинин – жестокий, упрямый, необразованный помещик, не любящий учение, но зато обожающий свиней. В контексте же на первый план выносится одно объединяющее их свойство – невежество, нелюбовь к науке, учебе, грамоте. Общий смысл контекста: «прошли времена безграмотности» – расшифровывается благодаря содержанию пословицы и последующего текста про книги. В последних двух примерах наблюдается не вариативность прочтения, а сильная опора на общий контекст и фоновые знания читателя об известных в русской культуре персонажах.

…– Работать нужно для потомства. / – Да будь, братец, хоть ты умен! Ну, что вам далось это потомство? Все думают, что они какие-то ***Петры Великие****. Да ты смотри себе под ноги, а не гляди в потомство…* (Н. В. Гоголь «Мертвые души»). Здесь *Петры Великие* – это те, кто работают ради потомков, те, кто ставит высокие цели для своей деятельности. Важна и отрицательная коннотация, сопровождающая такое понимание прецедентного имени; по мнению говорящего, обычным, «рядовым» людям надо ставить перед собой обычные, «земные» цели. Данный контекст также опирается на информацию из культурного

фона читателя. В русской культуре с именем Петра Великого связано понятие «великий государственный деятель, реформатор».

Генерал треснул по клеенчатой столешнице кулаком: – И не хрена ржать! Я еще посмотрю на ваших специалистов драных, если я вам моих в помощь не дам. ***Джеймсбонды*** *штопаные!* (А. Кабаков «Сочинитель»). Контекст достаточно однозначный для прочтения *Джеймсбонды* = шпионы, обобщение явное, передается еще и слитным написанием прецедентного имени *Джемс Бонд.* Однако возможно и такое толкование имени *Джемс Бонд:* это не любой шпион, не обычный, а *супершпион*, исключительная личность, высокий профессионал. Тогда на контрасте сильнее проявляется уничижительная оценка, содержащаяся в словоформе *Джеймсбонды.*

Наконец, возможна минимальная степень обобщения, которая опирается только на контекст. *Леди Эстер, с прошлого года начавшая свою деятельность в России и уже успевшая открыть эстернат в Петербурге, решила облагодетельствовать и московских сироток… Сердечная благодарность всех москвичей… Где же наши Оуэны и Эстеры?* (Борис Акунин «Азазель»). Перед нами текст-стилизация под газетную заметку, в которой сообщается об известном читателю данного произведения персонаже. В контексте обобщению подвергается вымышленное имя: леди *Эстер* → *Эстеры.* Кто такие *Эстеры,* помогает понять содержание текста: во-первых, леди Эстер создала интернат для сирот – *эстернат;* во-вторых, *Эстеры* употребляется в одном ряду с *Оуэнами.* Это подсказка автора для возникновения нужной ассоциации. Роберт Оуэн – английский социалист, один из первых социальных реформаторов XIX века, был известен и своими педагогическими идеями и экспериментами. Прием иронии, используемый автором, раскрывается через сопоставление имен *Эстер* и *Оуэн,* а также через обобщение и неявную оценку их деятельности. Буквально (в узком контексте) *Оуэны и Эстеры* = те, кто заняты социальным (педагогическим) преобразованием, более широкий контекст (в том числе сюжет книги) показывает, что их педагогические эксперименты терпят крах.

Контекст может показывать нетипичное, индивидуальное употребление прецедентного имени, употребление вопреки стереотипам.

– Вон опять один умник – что вы думаете у себя завел? Богоугодные заведения, каменное строение в деревне!... ***Дон Кишоты*** *просто по всем частям!.. Двести рублей выходит на человека в год в богоугодном заведении!.. А вот другой Дон Кишот просвещенья: завел школы!* (Н. В. Гоголь «Мертвые души», второй том) По сюжету преуспевающий, «образцовый» помещик Костанжогло бранит соседей помещиков за попытки учить мужиков грамоте. У него *Дон Кишоты* = *умники* (ироничное) = *чудаки, не умники.* Такое понимание опирается на вполне традиционное обобщение «фантазер, далекий от реальной жизни» (вспомним словарь Л. А. Введенской, Н. П. Колесникова), но с явным отрицательным отношением, без сочувствия. Однако образ Дон Кихота неоднозначен в культуре. Известны и другие трактовки этого героя, часто имя Дон Кихота порождает положительные ассоциации:

– Кто эти люди, которые идут сейчас учиться театральному делу? / – Вы знаете, они ведь все ***Дон Кихоты****. Они соглашаются почти на нищету. Потому что какие дивиденды может принести драматический театр? Мне кажется, они идут, потому что именно такая форма существования, форма их бытия им наиболее близка: они хотят познавать мир через театр* (Вячеслав Суриков, Евгений Каменькович. Страх внутри // Эксперт. 2015). В этом контексте наблюдаем противоположное толкование: *Дон Кихоты* = *романтики, альтруисты, бессребреники.* Такая гибкость и многоплановость трактовок объясняется многообразием культурной информации, с которой соотносится прецедентное имя.

Таким образом, наши наблюдения подтверждают основные характеристики прецедентного имени. Не вызывает сомнений такой фактор формирования прецедентности, как широкая известность имени, а также известность историко-культурной информации, окружающей прецедентное имя. Не менее значимым является контекст (как широкий, так и узкий) для однозначной интерпретации значения прецедентного имени. Что же касается формы, то форма множественного числа однозначно свидетельствует, что переход прецедентного имени в нарицательное или уже начался, или почти состоялся. Как известно, в оппозиции «имя собственное / имя нарицательное» первое – индивидуализирует, выводит из ряда, а второе обобщает, вводит в ряд. Форма множественного числа указывает на появившуюся семантику обобщения, хотя степень этого обобщения может быть разной. Безусловно, существенной характеристикой прецедентного имени является его экспрессивность. Примеры из текстов художественной литературы (от классической до современной) показывают, что использование прецедентного имени для создания выразительности – распространенный прием и в прозе, и в поэзии. Однако этот стилистический прием с успехом может использоваться и в текстах СМИ, и в некоторых научных текстах (например, литературная критика), и в разговорной речи. Это свидетельствует о том, что прецедентность – общее номинативное свойство имени собственного, свойство, которое проявляется тем сильнее, чем активнее имя функционирует.

1. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 264 с.

2. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: Гнозис, 2003. 288 с.

3. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. Изд. 4-е. М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 386 с.

4. Суперанская А. В. Апеллятив – онома // Имя нарицательное и собственное. М.: Наука, 1978. С. 5–34.

5. Введенская Л. А., Колесников Н. П. От названий к именам. Ростов н/Д.: Феникс, 1995. 544 с.

© Астафьева И. А., 2016

УДК 81.37

О. К. Голошубина
O. K. Goloshubina

ФУНКЦИИ ИНТЕРНЕТ-МЕМОВ В РЕЧЕВОМ ЖАНРЕ «РАЗГОВОР В МЕССЕНДЖЕРЕ»

Описываются интернет-мемы и их функции в электронной коммуникации на примере речевого жанра «разговор в мессенджере».

Ключевые слова: речевой жанр, интернет-мем, мессенджер, интернет-коммуникация.

FUNCTIONS OF INTERNET MEMES IN THE SPEECH GENRE "CONVERSATION IN MESSENGER"

Internet memes and their functions are described in the electronic communication on examples of the speech genre "conversation in messenger".

Keywords: speech genre, Internet meme, messenger, Internet communication.

Интернет как особая социокультурная среда, накладывающая отпечаток на все стороны общения человека, предлагает своим пользователям новые каналы связи, одним из которых является мессенджер.

Мессенджер (от англ. messenger – курьер) – это специальная клиентская программа, необходимая для осуществления коммуникации в системе мгновенного обмена сообщениями (англ. Instantmessaging, IM), которая также включает службу мгновенных сообщений (InstantMessagingService, IMS) (см. об этом: [1, с. 208–209]). Все речевые произведения, переданные при помощи этой системы, мы рассматриваем как реализации жанра «разговор в мессенджере».

Данный речевой жанр (далее – РЖ) родился путем трансформации и взаимопроникновения РЖ «разговор» и «письмо». Он представляет собой обычное, повседневное общение, только в письменной форме, отсюда такие особенности, как индивидуальность, моноадресность (один получатель сообщения), нехудожественность (разговорная речь, часто стилистически сниженная, используются единицы нелитературных разновидностей языка), неклишированность и производность (так называемый гипержанр, включающий другие РЖ, например просьбу, приглашение, ответ, спор и прочее).

Отбор языковых средств реализации рассматриваемого РЖ обусловлен целью и темой общения, особенностями коммуникантов, дистантным характером разговора.

Ключевой единицей передачи информации в общении посредством мессенджера является интернет-мем. Цель настоящей статьи – выявить и описать основные функции мемов в РЖ «разговор в мессенджере».

Под интернет-мемом понимается спонтанное лавинообразное распространение в интернет-среде некоторой информации посредством разнообразных способов, а также сама эта информация [2]. Мемами могут считаться любые медиаобъекты Интернета: высказывания, картинки, видео- или аудиоряд, «которые имеют значение и устойчиво распространяются во Всемирной паутине» [3].

Мемы представляют собой вербальные, невербальные и гибридные образования, которые объединяет два ключевых признака: воспроизводимость и высокая скорость обращения в Сети. По мысли К. Страйкера [4], мемы постоянно обновляются, смешиваются, мутируют, формируя все более сложный и специфичный вербально-визуальный язык интернет-сообществ. В широком смысле мем – это некая «идея, образ, объект культуры (чаще нематериальной), который перенимается многими членами сообщества» [5, с. 162]. При этом спонтанному распространению среди интернет-пользователей подвержена не всякая информация, а только та, которая каким-либо образом оставляет многих пользователей неравнодушными к ней, вызывает интерес или порождает ассоциации.

Мемы отражают культурные стереотипы и явления современной действительности, которые актуальны и интересны для интернет-пользователей [6]. Мемы являются способом эффективного сокращения речевых усилий, поскольку корректное их использование в определенной ситуации подтверждает принадлежность собеседников к единому культурному контексту, в котором мемы узнаются и расшифровываются без дальнейших разъяснений.

Многие исследователи устанавливают связь между интернет-мемами и прецедентными феноменами (Ю. Ю. Данилова, Н. Г. Марченко,Т. Е. Савицкая, Ю. В. Щурина), так как принцип употребления первых схож с принципами использования прецедентных единиц, причем как в исходном, так и в трансформированном виде. Так, Ю. В. Щурина рассматривает интернет-мемы как разновидность прецедентных феноменов («хорошо известные всем представителям национально-лингвокультурного сообщества» феномены, «актуальные в познавательном и эмоциональном плане, обращение к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингвокультурного сообщества» [7, с. 58]). Как правило, семантика мема шире семантики его составляющих, и она объясняется исходя из происхождения мема; в отличие от фразеологизма внутренняя форма мема, в связи с недавним происхождением интернет-сленга, более очевидна и нередко креолизированна, т. е. связана с графическими материалами или видео.

Интернет-мемы классифицируются по форме бытования в виртуальной среде. Так, выделяют видеомемы, графические и текстовые мемы. Остановимся подробнее на последних и их назначении в интернет-коммуникации.

К мемам текстового характера относятся популярные, регулярно воспроизводимые фразы, выражения или отдельные слова, которые получают в интернет-общении особые типы семантики.

Проанализировав диалоги в мессенджере, мы выделили следующие функции текстовых интернет-мемов.

1. Установление контакта (начало разговора). Напомним, что основной коммуникативной целью РЖ «разговор в мессенджере» является фатическое общение. Желание поболтать, получить удовольствие, задав сразу шутливый тон коммуникации и настраивая собеседника на словесную игру, обусловливает использование интернет-мемов, причем нередко в трансформированной форме, для инициации разговора (здесь и далее орфография и пунктуация источника соблюдены, символ «//» обозначает новую строку диалога): – **Новостная лента, что ты делаешь, ахаха, прекрати...** // «Наталья Орейро сделала челку и постарела на 10 лет»– у тебя как должность называется? читатель новостной ленты?)) – А еще 11-летняя школьница никогда не надевает одну и ту же вещь // Кхм...пойду-ка я работать, да–вот они буржуи где... а я Бекхэма ругала за одноразовые носки)); – **Англия, Португалия, что вы делаете, ахаха, прекратите**... // странные евроигры в этот раз...– Мда.. // У Англии все норм, они в плей-офф–Да все равно отстойники // Словакию не обыграли; –Кюхелькрекер// Название команды // **Похмелье, что ты делаешь, ахаха, прекрати** // Зря ты меня попросила придумывать название.

В приведенных примерах используются трансформированные единицы, созданные на основе широко известной и устоявшейся в интернет-среде меметической модели: «***, что ты делаешь, ахаха, прекрати». Вместо «***» подставляются разные слова в зависимости от темы разговора. Чаще всего определить источник происхождения мема очень сложно, так как за модель принимается расхожая фраза, которая начинает транслироваться, трансформироваться и распространяться как вирус; уследить за тем, что именно послужило источником мема, практически невозможно (за исключением мемов, обязанных своим происхождением известным личностям, героям фильмов, комиксов и т. п.).

2. Обсуждение ситуации, представленной на картинке: – Что за мишка на аве?! **Будь мужиком**, ставь Сашу Барона, ты обещала!; – «Чет у ТЕЛЬЦОВ, РАКОВ и ВЕСОВ нет настроения, поддержите их» // гггг // **настроения нет, но вы держитесь тут**; – Эээмм, я что-то пропустила..? // **«В кинотеатрах идет Тарзан, покемоны на пике популярности, Клинтон баллотируется в президенты, сейчас точно 2016 год?»** – эта шунка мутирует каждый год)))// **в 12 году было что-то типа в кино идет Титаник, Путин снова президент** и че-то там еще – Да-да)).

Фраза «Будь мужиком», используемая в первом примере, отсылает к популярному отечественному мему, суть которого в призыве вернуться к истокам или, наоборот, эволюционировать до правильного варианта – настоящего мужика. Используется в качестве мотивационного посыла с целью вдохновить или же просто ради шутки. Сама фраза «Будь мужиком, бл…ь!» наиболее близка к фразам: «Ну ты что, не мужик?»; «Тебе что, слабо?» Она должна дать человеку понять, что необходимо сделать заложенную в слова Мужика задачу. При этом мотивация высока как никогда и задача выполняется значительно активнее, чем просто по просьбе.

3. Оценка чего-то конкретного (человека, его проявлений, политических процессов, событий в мире и т. д.): – Ураган в Омске: проводится доследственная проверка.// Сильная гроза в Москве: фото последствий. // Даша в Москве, я в Омске… **совпадение? Не думаю**XD; – На трассе М-51 Омск – Новосибирск от КАМАЗа отцепился и перевернулся прицеп, груженый арбузами – Полетели слизывать – Ну ежели б там прицеп с вискарем оторвался // **Евпочя**.

Аббревиатура «ЕВПОЧЯ» («Если вы понимаете, о чем я»), как правило, встречается, когда нужно иронически намекнуть собеседнику на и так очевидный (чаще всего сексуальный) подтекст.

4. Комментирование чужой речи: – этот володя че **у кличко уроки брал**?))) // **«да, утром все не так хорошо складывалось как показал вечер»**–Ахаха // Маша)) – ну а че // фразочка прям по клинике; – «Мне нравится принимать массаж» // O_0 // **wtf**// может, ходить на массаж?

В данном случае в разговоре присутствует оценочная тональность. Виталий Кличко стал одним из популярных героев интернет-мемов, прославившись своими перлами и неспособностью к публичным выступлениям. «Визитной карточкой» мэра Киева стала фраза, произнесенная в эфире украинского канала, которая породила поток шуток и каламбуров в адрес знаменитого боксера: «А сегодня в завтрашний день не все могут смотреть. Вернее смотреть могут не только лишь все, мало кто может это делать». Адресант берет за основу имеющиеся у него образ и знания бытующей в Интернете шутки, переносит ее на свою ситуацию для высмеивания и обсуждения чужой неудачной, по его мнению, речи.

5. Самопрезентация (показать свои творческие способности или проявить самоиронию). Примеров самопрезентации языковой личности множество: – Ты про нашу романтическую историю, начавшуюся с новатора а продолжившуюся в наполеоне? – Ага, если б не эти два магазина, то не видать вам нашей сладкой парочки))) – Так и вижу эту мелодраму: две руки тянутся к последней бутылке, стоящей на полке новатора)) **взгляд, буря, безумие**)))); – Ася, привет! Ты, конечно, в курсе нашей размолвки со Славиком, знаем, что он весьма ценный экспонат для команды, но вам не кажется, что его поведение по отношению к членам команды некорректно? Есть рационализаторское предложение: **мы открываем свое казино (да-да, с чаем и печеньками,** и даже отдельным столиком). Предлагаю вам с Юлей составить нам компанию, все равно в финал команда не выйдет. Подумайте, будем рады. На отказ не обидимся, но огромная просьба оставить разговор между нами; – У меня есть чай, который старше нас с тобой лол – Пуэр какой-нибудь? // Или просто хранишь? – Нет. Советский со слоном // Запаха понятно никакого уже. А вот вкус... Ууу! – Ммм, помню такую картинку) – По особым случаям. – Это индийский? – Ога – Есть «тот самый индийский чай» XD // **Наверняка уже не тот**; – вчера Диме рубашку в меге искали // рубашку // в меге // и НИ ОДНА не понравилась, **Карл**!!; – Собрание там все и решим))) – Ок // Под сакэ и лапшичку))) – Без сакэ – **Нормально ж сидели, разговаривали, че ты**))); – Эй!// Ну я же правильно написала // 2 года дитю – два и два – Вотъ! – ты радуешься, как мои 8-ки, когда сказуемое найдут Xd – Бе-бе-бе // Это не так-то просто! // **Нельзя так просто взять и найти сказуемое!**

Основой широко распространенного мема «Нельзя просто так взять и...», или «Боромир», стала фраза из эпического

фильма «Властелин колец», где герой Шона Бина рассказывает о трудностях завоевания темных земель и изрекает: “One does not simply drive into Mordor” («Нельзя просто так взять и войти в Мордор»).

Для того чтобы показаться смешным, остроумным, проявить свои творческие и креативные способности, вызвать ожидаемую реакцию у собеседника и получить тем самым одобрение, участник коммуникации прибегает к приему самоиронии, активно пользуясь интернет-мемами: – Желудок болит // Мож, молока попить, ггг // Мож, пора завязывать бухать// **Да не, бред какой-то //** XD; **–а мне ребенка надо** уложить с начала–Классно подстригли его // он очень на тебя похож–похож, еще бы–Но на Сашку тоже)) // Да я просто **КЭП // Или Кличко //** XD;**– Бюллетень мужского рода...**O_0 // **моя жизнь никогда не станет прежней...** – Эээ // А ты по-другому думала?–Проблема в том, что я не думала до сего момента // Да это же как тюль, но более жестоко XD.

В результате проведенного исследования можно сделать вывод, что интернет-мемы, активно вошедшие и молниеносно распространившиеся в Сети, играют большую роль в РЖ «разговор в мессенджере», определяя образы автора и адресата, ярко характеризуя языковую личность и задавая своеобразный шутливый тон всей коммуникации. Мы выделили пять основных функций текстовых мемов. Следует отметить, что на деле этих функций, как и самих типов мемов, намного больше. Часто они сочетаются друг с другом, не бытуют, как правило, в чистом виде, одна из функций доминирует, другая присутствует, внося свои особенности в разговор.

В заключение отметим, что интернет-мемы, с одной стороны, приводят к стереотипизации общения, сужению лексического запаса, экономии речевых усилий. С другой стороны, прецедентность, воспроизводимость мемов в нужной ситуации, стремление вызвать комический эффект, языковая игра подтверждают развитие креативности языковой личности посредством мессенджера.

1. Голошубина О. К. Разговор в мессенджере как специфический жанр интернет-коммуникации // Вестник ОмГУ. 2015. № 1. С. 208–212.

2. Ксенофонтова И. В. Специфика коммуникации в условиях анонимности: меметика, имиджборды,троллинг // Интернет и фольклор: сб. ст. / отв. ред. А. С. Каргин. М.: Гос. республикан. центр рус. фольклора, 2009. С. 285–294.

3. Интернет-мем // Википедия. URL: https:// ru.wikipedia.org/ wiki/ Интернет-мем (дата обращения: 16.08.2016).

4. Stryker C. Epic Win for Anonymous: How 4chan’s Army Conquered the Web. N. Y.: Overlook, 2011. 304 p.

5. Щурина Ю. В. Интернет-мемы как феномен интернет-коммуникации // Науч. диалог. Филология. 2013. № 3. С. 160–172.

6. Нежура Е. А. Новые типы креолизованных текстов в коммуникативном пространстве интернета // Теория языка и межкультур. коммуникация. 2012. № 2. С. 47–52.

7. Красных В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: курс лекций. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. 284 с.

© Голошубина О. К., 2016

УДК 811.161.1’367.624

А. Ф. Калинин
A. F. Kalinin

ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ СТРУКТУРНОГО ТИПА ЧТО ТАКОЕ ЖИЗНЬ? (основные аспекты)

В статье в результате разноаспектного изучения русских вопросительных фразеологизированных предложений структурного типа *Что такое жизнь?* описана их лингвистическая сущность, охарактеризованы семантические структуры. Проведенное исследование открывает возможности построения общей типологии данных синтаксических единиц.

Ключевые слова: русский язык, вопросительное фразеологизированное предложение, структурно-грамматический аспект, логико-семантический аспект, семантическая структура предложения, односоставное и двусоставное предложение.

PHRASEOLOGIZED INTERROGATIVE SENTENCES OF THE STRUCTURAL TYPE “WHAT IS LIFE?” (The main aspects)

As a result of the study on different aspects of the Russian phraseologized interrogative sentences of the structural type “What is life?” the article describes their linguistic entity and characterizes semantic structures. This research offers opportunities to build a general typology of these syntactic units.

Keywords: Russian language, phraseologized interrogative sentence, structural-grammatical aspect, logical-semantic aspect, semantic structure of the sentence, one-member and two-member sentences.

В системе простого предложения в русском языке, как и в других славянских, и шире – индоевропейских, языках, существуют различные оппозиции. Центральными из них считаются противопоставления: свободные/фразеологизированные предложения и двусоставные/односоставные предложения.

Свободные предложения строятся по свободным структурным схемам и имеют живые грамматические связи между компонентами. Фразеологизированные предложения строятся по фразеологизированным структурным схемам, это предложения с индивидуальными отношениями компонентов и с индивидуальной семантикой [1, с. 383]. Отметим

при этом, что статус синтаксической фразеологии недостаточно определен ни по отношению к фразеологии, ни по отношению к синтаксису [2; 3].

Что касается проблемы односоставности/двусоставности предложений, подчеркнем, что в современной русистике существуют две диаметрально противоположные точки зрения. Традиционная точка зрения, ведущая начало от академика А. А. Шахматова, исходит из наличия в языке односоставных и двусоставных предложений [4, с. 49]. Противоположная точка зрения, проводимая профессором Г. А. Золотовой и ее сторонниками, признает существование только двусоставных предложений [5]. Следовательно, проблема типологии простого предложения, установление его односоставности/двусоставности является в русском языке весьма актуальной. Полагаем, что в языке функционируют и двусоставные, и односоставные предложения. Двусоставное предложение категоризует отношения «предмет и приписываемый ему предикативный признак». Односоставное предложение категоризует предмет или признак как существующий независимо, не сочлененный предикативно с другим предметом или признаком.

Предложения структурного типа *Что такое жизнь?* являются вопросительными фразеологизированными. Такими предложениями являются, во-первых, предложения, в состав которых входят устойчивые сочетания, выполняющие функцию вопросительных частиц, во-вторых, предложения, строение которых невозможно объяснить действующими синтаксическими правилами [1, с. 391].

Лингвистическая сущность вопросительных фразеологизированных предложений структурного типа *Что такое жизнь?* фактически не изучена, не исследована их формальная и смысловая организация, не определена их типология, что представляется актуальным. К тому же такие фразеологизированные предложения широко употребляются в разговорной речи, в художественной литературе и в просторечии.

В статье данные фразеологизированные синтаксические единицы исследованы в двух основных аспектах: структурно-грамматическом и логико-семантическом. При рассмотрении в структурно-грамматическом аспекте учитывается их формальная организация, грамматические значения и отношения между составляющими их словоформами.

Вопросительные фразеологизированные предложения структурного типа *Что такое жизнь?* открываются устойчивым сочетанием *что такое*, выполняющим функцию вопросительной частицы, далее следует лексически свободное имя существительное в именительном падеже; в совокупности эти элементы представляют собой главный член данных предложений. Такие фразеологизированные предложения обозначают вопрос о сущности. Модификацией данных предложений являются вопросительные фразеологизированные предложения типа *Что значит студент?*, где в качестве первого компонента употребляется устойчивое сочетание *что значит*, и далее – имя существительное в именительном падеже. Позицию именительного падежа может занять инфинитив: *Что значит исчезнуть?* [1, с. 392].

При классификации номинативных предложений, как и П. А. Лекант, мы разграничиваем два структурных типа данных предложений: нерасчлененные и расчлененные, имеющие глубокие различия в структуре [6].

Вопросительные фразеологизированные предложения структурного типа *Что такое жизнь?,* являющиеся номинативными, могут быть нерасчлененными – в их составе отсутствуют детерминанты, и расчлененными – в них они наличествуют. Детерминанты в расчлененных вопросительных предложениях структурного типа *Что такое жизнь?* могут иметь пространственные значения: *Что такое поездка за границу?*; временные: *Что такое образование сейчас?*; отношение к лицу (субъектная детерминация): *Что такое мораль у них?*; образа и способа действия: *Что такое путешествие вдвоем?, Что такое труд в удовольствие?*

Вопросительные фразеологизированные предложения структурного типа *Что такое жизнь?* в структурно-грамматическом аспекте – это односоставные субстантивные номинативные предложения с бытийным значением; в их составе имеется один главный член, выраженный лексически свободным именем существительным в именительном падеже с устойчивым сочетанием *что такое*; независимая позиция главного члена опирается на его морфологическую природу, как и в свободных номинативных предложениях: *Что такое страх?, Что такое мужество?, Что такое Мозгляков? Правда – молод, недурен собою, франт, полтораста незаложенных душ, петербургский* (Ф. М. Достоевский «Дядюшкин сон»).

С целью выявления лингвистической сущности вопросительных фразеологизированных предложений структурного типа *Что такое жизнь?* в структурно-грамматическом аспекте изучим, как реализуются в них синтаксические категории модальности, времени и лица, образующие предикативность [7, с. 268]*, категория грамматического субъекта и семантическая категория агенса.

В сложной категории синтаксической модальности обычно выявляют объективную модальность и субъективную модальность, но обнаруживают и другие модальные значения [9].

В вопросительных фразеологизированных предложениях структурного типа *Что такое жизнь?* проявляется объективная модальность ирреальности, способы ее выражения – интонационно-синтаксический, лексико-синтаксический и конструктивно-синтаксический; средства ее выражения – вопросительная интонация, устойчивое сочетание *что такое*, выполняющее функцию вопросительной частицы, и порядок слов: *Что такое любовь?, Что такое служба в армии?, Что такое жертва во имя Родины?*

Субъективная модальность ограниченно проявляется в данных вопросительных фразеологизированных предложениях, что, по-видимому, обусловлено их структурой и семантикой: *Что такое, конечно, дружба?, Что такое, безусловно, подвиг?*

Теперь о категории времени. Следует различать категории морфологического и синтаксического времени.

* Нами принимается во внимание также то, что в современной лингвистике понятие «предикативность» нередко понимается как единство категорий объективной модальности и синтаксического времени, то есть речь идет о формальном и смысловом сужении данного термина [8, с. 542].

Морфологическое время – это одно из значений формы слова – глагола. Синтаксическое время – это категория уровня предложения, оно выражает соотнесенность высказывания с моментом речи. Понятие категории синтаксического времени ввел в русистику академик А. А. Шахматов, указавший на наличие данной категории и в глагольных, и неглагольных предложениях [4, с. 19]. Категория синтаксического времени выражается, во-первых, структурной схемой предложения; во-вторых, в глагольных схемах, знаменательным глаголом, формирующим главный член предложения, в-третьих, в безглагольных схемах, специально вводимым в состав предложения служебным глаголом *быть* [8, с. 543]. Время синтаксическое имеет разные проявления и различные показатели.

В соответствии с концепцией авторов «Русской грамматики», постулирующих наличие полной временной парадигмы в свободных номинативных односоставных предложениях: *Тишина – Была тишина – Будет тишина* [1, с. 364], полагаем, что вопросительные фразеологизированные предложения структурного типа *Что такое жизнь?* имеют четырехчленную модально-временную парадигму: настоящее, прошедшее, будущее время синтаксического индикатива и синтаксическое ирреальное сослагательное наклонение: *Что такое свобода?* (наст. время), *Что такое была свобода?* (прош. время), *Что такое будет свобода?* (будущ. время), *Что такое была бы свобода?* (сослагат. наклонение).

Детерминанты с временным значением в составе данных вопросительных фразеологизированных предложений уточняют, конкретизируют синтаксическое время. Так, в вопросительном фразеологизированном предложении *Что такое встреча через двадцать лет?* значение будущего времени выражено детерминантом времени *через двадцать лет*.

Синтаксическое лицо – это одна из основных категорий предложения, служащая для формирования предикативности – универсального грамматического значения предложения. Категория лица устанавливает отношение высказывания к лицу говорящему, к адресату-собеседнику или к третьему лицу, то есть лицу, не участвующему в речи.

В вопросительных фразеологизированных номинативных предложениях структурного типа *Что такое жизнь? н*езависимый главный член, выраженный именем существительным в именительном падеже в сочетании с частицей *что такое,* указывает на отнесенность высказывания к третьему лицу: *Что такое брак?, Что такое учитель?, Что такое Отчизна?*

Вместе с тем в составе таких фразеологизированных предложений может быть словоформа в косвенном падеже без предлога или с предлогом, устанавливающая отношение высказывания к первому, второму или третьему лицу: *Что такое мне (тебе, ему) дети?, Что такое для меня (тебя, него) семья*?

Следовательно, в данных фразеологизированных предложениях может наличествовать полная микропарадигма лица (подробнее о парадигме предложения см. [10, с. 454–470]).

Грамматический субъект – это словоформа с предметным значением, грамматически господствующая по отношению к словоформе, называющей признак предмета. В более узком толковании грамматический субъект – это подлежащее [11, с. 353].

Вопросительные фразеологизированные предложения структурного типа *Что такое жизнь?* являются бессубъектными предложениями, поскольку в них отсутствуют словоформы с предметным значением, при которых имелись бы словоформы, обозначающие их признак.

Агенс, или деятель, – это производитель глагольного действия. Данное понятие относится к содержательной стороне предложения. В номинативных предложениях глагольные словоформы, обозначающие глагольные действия, отсутствуют, и, следовательно, вопросительные фразеологизированные номинативные предложения структурного типа *Что такое жизнь? я*вляются безагенсными предложениями.

Итак, проведенный анализ вопросительных фразеологизированных предложений структурного типа *Что такое жизнь?* в структурно-грамматическом аспекте, показал, что они, будучи фразеологизированными односоставными номинативными предложениями в системе простого предложения в русском языке, являются бессубъектными, безагенсными и характеризуются спецификой выражения синтаксических категорий модальности, времени и лица.

Рассматривая вопросительные фразеологизированные предложения структурного типа *Что такое жизнь?* в логико-семантическом аспекте, мы учитываем, что в современной лингвистике учение о семантике предложения характеризуется многообразием подходов и концепций. Широко распространенной является денотативная, или референтная, концепция значения предложения, базирующаяся на выявлении отношений между высказыванием и обозначаемой им ситуацией, или событием [12; 13]. Другое направление представлено исследованиями, авторы которых идут к смыслу предложения от его формальной организации [14]. Данное направление предложило понятие семантической структуры предложения – это его абстрактное языковое значение, которое представляет собою отношение семантических компонентов, формируемых взаимным действием грамматических и лексических значений членов предложения [1, с. 124].

Семантическая структура предложения устанавливается нами исходя из его формальной организации.

Существуют элементарные, простейшие семантические структуры, включающие в свой состав семантический предикат, семантический субъект и семантический объект, и неэлементарные, расширенные семантические структуры, в которые входят также и семантические конкретизаторы [1, с. 124–125].

Проведенное исследование вопросительных фразеологизированных предложений структурного типа *Что такое жизнь?* в логико-семантическом аспекте опиралось на семантическую структуру предложения и выявило, что семантические структуры таких предложений могут быть двух-, трех- и четырехкомпонентными.

Двухкомпонентные элементарные семантические структуры вопросительных фразеологизированных предложений типа *Что такое жизнь?* включают в свой состав семантический субъект, выраженный именем существительным

в именительном падеже в сочетании с частицей *что такое*, и семантический предикат (имплицитный). Семантика схемы – существование, наличие предмета или предметно представленного действия или состояния; предмет здесь предстает как субъект бытия, существования: *Что такое природа?, Что такое болезнь?, Что такое верхолаз?*

Трехкомпонентные семантические структуры вопросительных фразеологизированых предложений типа *Что такое жизнь?* делятся на две группы:

– элементарные семантические структуры состоят из семантического субъекта – субъектного детерминанта, выраженного именем существительным или местоимением в родительном падеже с предлогом *у*; семантического предиката (имплицитного), обозначающего существование, наличие предмета или предметно представленного действия или состояния; и семантического объекта со значением отношения к лицу, выраженного именем существительным в именительном падеже с устойчивым сочетанием *что такое: Что такое жизнь у них?, Что такое занятия у сына?, Что такое мечты у детей?;*

– неэлементарные семантические структуры, состоящие из семантического субъекта; семантического предиката, обозначающего наличие существования предмета или предметно представленного действия или состояния; и семантического конкретизатора с пространственным, временным или значением образа и способа действия и выраженного наречием или именем существительным в косвенном падеже без предлога или с предлогом: *Что такое полет в космос?, Что такое выход на луну?, Что такое медицина завтра?, Что такое поиски вслепую?, Что такое бои без правил?*

Четырехкомпонентные семантические структуры вопросительных фразеологизированных предложений типа *Что такое жизнь*? делятся на три группы:

– элементарные семантические структуры, состоящие из семантического субъекта – субъектного детерминанта, выраженного именем существительным или местоимением в родительном падеже с предлогом *у*; семантического предиката (имплицитного), обозначающего существование, наличие предмета или предметно представленного действия или состояния; и двух семантических объектов со значением отношения к лицу, выраженных именами существительными или местоимениями: *Что такое жизнь у нее с детьми?, Что такое бизнес у россиян с иностранцами?;*

– неэлементарные семантические структуры, состоящие из семантического субъекта – субъектного детерминанта, выраженного именем существительным или местоимением в родительном падеже с предлогом *у*; семантического предиката (имплицитного), обозначающего существование, наличие предмета или предметно представленного действия или состояния; семантического объекта со значением отношения к лицу, выраженного именем существительным в именительном падеже с устойчивым сочетанием *что такое*; и семантического конкретизатора с пространственным, временным или образа или способа действия значением, выраженного наречием или именем существительным в косвенном падеже без предлога или с предлогом: *Что такое жизнь у них сейчас?, Что такое гастроли у друзей там?, Что такое у нее поездка вдвоем с мужем?;*

– неэлементарные семантические структуры, состоящие из семантического субъекта, выраженного именем существительным в именительном падеже с устойчивым сочетанием *что такое*; семантического предиката (имплицитного), обозначающего существование, наличие предмета или предметно представленного действия или состояния; и двух семантических конкретизаторов с пространственным, временным или образа и способа действия значением, выраженных наречиями или именами существительными в косвенных падежах без предлогов или с предлогами: *Что такое путешествие теперь за границу?, Что такое полет сейчас самолетом?, Что такое работа на севере теперь?, Что такое преферанс по вечерам втроем?*

Данный перечень семантических структур вопросительных фразеологизированных номинативных предложений структурного типа *Что такое жизнь?* не является законченным и может быть продолжен. Исследованный материал выявил, что наиболее распространенными в русском языке являются двухкомпонентные семантические структуры таких предложений.

Анализ вопросительных фразеологизированных предложений структурного типа *Что такое жизнь?* в логико-семантическом аспекте, нацеленный на выявление семантических компонентов в их семантичекой структуре, показал, что данные фразеологизированные синтаксические единицы включают в свой состав как минимум семантический субъект и семантический предикат и являются двусоставными (двучленными) фразеологизированными предложениями.

Итак, исследование вопросительных фразеологизированных предложений структурного типа *Что такое жизнь?* в двух основных аспектах: структурно-грамматическом и логико-семантическом – выявило различие в их типологии. В *структурно-грамматическом аспекте* такие фразеологизированные предложения являются **односоставными** предложениями, однако *в логико-семантическом аспекте* они представляют собой **двусоставные** предложения. Такое разноаспектное исследование вопросительных фазеологизированных предложений структурного типа *Что такое жизнь?* позволило предложить их структурно-грамматическую и семантическую классификации, что предоставляет возможность к построению общей типологии исследуемых единиц.

Следовательно, при решении проблемы типологии простых фразеологизированных предложений как в русском языке, так и в других индоевропейских языках следует учитывать данные разноаспектного анализа, что имеет существенное значение для теории синтаксиса простого предложения.

---

1. Русская грамматика. В 2 т. Т. II. Синтаксис. М.: Наука, 1980. 710 с.

2. Ксенофонтова Л. В. Статус синтаксической фразеологии в языке // Русский язык: исторические судьбы и современность: тр. и материалы IV Междунар. конгр. исслед. рус. яз. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. С. 428.

3. Меликян В. Ю. Синтаксические фразеологические единицы русского языка // Рус. яз. в школе. 2010. № 11. С. 55–60.

4. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 624 с.

5. Золотова Г. А. Об основаниях классификации предложений // Рус. яз. за рубежом. 1989. № 5. С. 66–73.

6. Лекант П. А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. М.: Высш. шк., 2004. 247 с.

7. Виноградов В. В. Основные вопросы синтаксиса предложения // Избран. тр. Исслед. по рус. грамматике. М.: Наука, 1975. С. 254–294.

8. Грамматика современного русского литературного языка. М.: Наука, 1970. 768 с.

9. Золотова Г. А. О категории модальности // Модальность в языке и речи: новые подходы к изучению. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2008. С. 16–20.

10. Современный русский язык / под ред. В. А. Белошапковой. М.: Высш. шк., 1981. 560 с.

11. Краткий справочник по современному русскому языку / под ред. П. А. Леканта. М.: Высш. шк., 1995. 382 с.

12. Ломтев Т. П. Предложение и его грамматические категории. М.: Изд-во Моск. ун-та., 1972. 197 с.

13. Москальская О. И. Проблемы системного описания синтаксиса. М.: Высш. шк., 1974. 156 с.

14. Шведова Н. Ю. О соотношении грамматической и семантической структуры предложения // Славянское языкознание: VII Междунар. съезд славистов. Варшава, август 1973 г. Докл. совет. делегации. М.: Наука, 1973. С. 458–483.

© Калинин А. Ф., 2016

УДК 81’22

Ж. Н. Сарангаева
Zh. N. Sarangaeva

ЭМБЛЕМАТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ КОНЦЕПТА «ЧАЙ» В КАЛМЫЦКОЙ, РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

В статье осуществляется анализ концепта «чай» в оценочной картине мира калмыцкого, русского и английского этносов. Сопоставляя лексические, фразеологические, паремиологические единицы, речевые формулы, поведенческие тактики и моделируя фреймовую структуру концепта, автор делает выводы о его эмблематических характеристиках.

Ключевые слова: эмблема, концепт, чай, лингвосемиотика, калмыцкая, русская и английская лингвокультура.

EMBLEMATIC REPRESENTATION OF THE CONCEPT “TEA” IN THE KALMYK, RUSSIAN AND ENGLISH LINGUOCULTURES

The article analyzes the concept “tea” in the attitudinal worldviews of the Kalmyk, Russian and English ethnic groups. Comparing lexical, phraseological, paroemiological units, speech formulas and behavioural tactics as well as modeling a frame structure of the concept, the author arrives at conclusions about its emblematic characteristics.

Keywords: emblem, concept, tea, linguo-semiotics, Kalmyk, Russian and English linguocultures.

Эмблема представляет собой знак идентификации человека в ситуации общения, ее функция – сориентировать партнеров по коммуникации, с кем они имеют дело. Эмблема рассматривается как система однозначно опознавательных коммуникантами сигналов [1, с. 29]. Эмблематическое осмысление слова (концепта, дискурса) всегда предполагает однозначное прочтение, требующее лишь некоторых интеллектуальных усилий и определенных умений интерпретации. В лингвосемиотике эмблематическое общение занимает немаловажное место, однако на сегодняшний день остается малоизученным.

Исследование эмблематических признаков концепта «чай» связано с описанием определенного набора нормативных и регулятивных характеристик коммуникативного поведения народа. Эмблематика данного концепта выражается в определенных вербальных и паравербальных знаках: лексико-семантических сочетаниях слов, называющих данный концепт, этикетных формулах, поведенческих установках, средствах невербальной коммуникации (например, в жестах).

Исследование понятийной составляющей концепта «чай» показало, что его содержательный минимум сводится к набору следующих признаков: 1) дерево или кустарник, из высушенных листьев которого приготовляется ароматный *напиток (куст чая, разводить/ выращивать чай; tea plantation*); 2) листья растения, служащие для приготовления напитка *(пачка чаю, заварить чай, индийский чай*); 3) ароматный напиток, настоянный на этих листьях (*сладкий чай, крепкий чай, ароматный чай*; *a* ***blend of tea*** – смесь различных сортов чая, *strong/**weak tea*** – крепкий/слабый чай); 4) напиток, который употребляется в лечебных целях (*липовый чай, цветочный чай, джомба*); 5) чаепитие (*утренний чай, беседовать за чаем*, *to* ***have tea*** – пить чай*, to* ***drop in*** *for* ***tea*** – заглянуть на чай).

В русском, английском и калмыцком языках слово «чай» имеет широкую лексическую сочетаемость. Например, семантический признак «вкус», «насыщенность», «крепость чая» выражается в таких словосочетаниях: калм. *үстə* – молочный, *тоста* – с маслом, *амтта* – вкусный, *шимтə* – питательный, *давста* – соленый, *зандрсн* – золотистый; рус. *вкусный чай*, *сладкий чай*, *жидкий чай*, *морковный/липовый/цветочный чай*; англ. *strong/caffeinated tea* – крепкий чай, *cream tea* – чай со сливками, *iced tea* – холодный чай, *camomile tea* – ромашковый чай и др. При этом в русском

языке лакунарными для других культур являются словосочетания *грузинский чай, краснодарский чай, индийский чай*.

Среди глагольных сочетаний наиболее распространенными являются следующие: калм. *цә чанх/нерх/буслгх* – варить чай, *цә кех* – разливать чай, заваривать, *цә аahд кеех* – разливать чай в пиалы, *цә амсх* – попробовать чай; рус. *пить/разливать/распивать чай, гонять чай;* англ. «*to drink/to have tea* – пить чай», «*to brew/to make tea* – заваривать чай, *to spil one's tea* – потягивать чай, *to pour out tea* – разливать чай и т. д. [2; 3; 4]. Эмблематичным и окказиональным является калмыцкое выражение *цә самрх* – мешать, перемешивать чай, в котором безэквивалетный глагол *самрх* используется для обозначения специфического действия, характерного только для приготовления чая [5, с. 150]. В русском языке словосочетания *распивать чай*, *прихлебывать чай* подчеркивают долгую и неспешную манеру чаепития русского человека. В расширительном значении слово *чай* употребляется в значении «вознаграждение, плата за мелкую услугу»: *давать/брать/оставить на чай, чаевые*.

Исследование фразеологических и паремиологических единиц позволило выделить следующие эмблематические смыслы. В обыденном сознании калмыков чай (*цә*) ассоциируется с началом еды и угощения: *цә шиңгн болв чигн идәни деежҗ болдг* – как бы ни был жидок чай, он – первое угощение (начало еды). В сакральном понимании чай, а точнее, его главный компонент – молоко (*үсн*), связан с понятием *счастья* (*кишг*) и *судьбы* (*хөв*). Кроме того, по словам Т. Г. Борджановой, ритуал пития чая случается как бы в пограничных ситуациях, разделяя важные периоды в повседневной жизни человека [6, с. 368]. Так, эмблематически осмысливается обряд *ишкән цә* – войлочный чай, который совершался при смене кочевья на новом месте в честь нового жилища и нового этапа жизни, *овин цә* – чай, которым благословляют приданое невесты перед отправкой свадебного поезда, *берин цә* – чай, приготовленный невестой во время проведения обрядов приобщения на свадьбе, и т. д.

В калмыцкой лингвокультуре понятие «чай» ассоциируется с социальной принадлежностью человека. Так, эмблематическую оценку получает название небеленого чая, который именуется как *орс цә* – русский чай или *хар цә* – черный чай в значении «прозрачный, т. е. без молока». В прежние времена *хар цә* (черный чай) и *хоосн цә* («пустой чай») считались знаками бедности и несостоятельности [7, с. 91].

В русской культуре чай был редким угощением, поэтому его подавали лишь почетным гостям перед началом и завершением трапезы. Чай часто чередовали с алкоголем, что подтверждает выражение «он чайничает да бражничает», обозначая веселую жизнь и гостеприимный прием. В русском угощении существовала особая терминология чашек, например, первая называлась *со свиданием!*, вторая – *гостиная*, третья – *почетная*, четвертая – *навальная*, пятая – *прощальная* [8, с. 176].

В пословицах и поговорках чай ассоциируется с долголетием (*Чай пить – долго жить*), почтением и уважением (*Коль чаем угощают, значит уважают*), отдыхом и удовольствием *(Чай пить – не дрова рубить, Пей чай – удовольствие получай, Чай пить – приятно жить, Чаем на Руси никто не подавился)* [9]. Эмблематично выражение атмосферы чаепития: *Чай крепче, если он с добрым другом разделен*. Идея национального гостеприимства и единения актуализируется во фразеологическом обороте свадебного дискурса: *Может, самоваром будем трясти и разговоры вести*» [10, с. 29].

В английском языке показательны следующие фразеологические единицы: *husband's tea* – слабый чай, «водичка», *tea party* – легкое, непринужденное событие (досл. «чайная вечеринка», сравнение с дикой вечеринкой, на которой распивается большое количество алкоголя), *storm in a teacup* – сделать из мухи слона (досл. «буря в чайной чашке»), *it's as good as a chocolate teapot* – совершенно бесполезно, *not for all the tea in China* – ни за что на свете, ни за какие коврижки (букв. «даже за весь чай Китая»)», (*not) cup of tea* – (не) быть по вкусу, не нравиться, (не) по душе, tea-time – время пить чай, обозначающее не только чаепитие, но и время суток.

Как и в калмыцком, в английском языке концепт «чай/tea» является показателем социального статуса человека. Выражение *high tea* – поздний чай, (т. е. плотный обед с чаем) называет прием пищи, который до определенного исторического времени был характерен для представителей среднего и низшего классов. В аристократических кругах данное чаепитие не было популярным, более того, в речи не принято было употреблять данное выражение, особенно в присутствии дам. В современное время понятие *high tea* является одной из главных особенностей английского характера, а также семейных традиций.

Эмблематично обозначение чая (tea) в рифмованном сленге кокни: *Would you like a cup of You and Me*? – Хочешь чашечку чая? [11, с. 69]. В американском молодежном сленге слово *tea* употребляется в значении «сплетни». Фраза *sips tea* обозначает, что люди не хотят что-то обсуждать, а выражение *the tea is exceptional today* означают обратное: «сплетни особенно интересны сегодня». Слово *tea* в сленге также используется в значении «спиртное» (*Would you care for more tea? Give the lady some more tea*), «марихуана» (*Don't forget to bring the tea bags* to the tea party (сигареты с марихуанной) [12].

В паремиологии tea/чай представляется как одно из удовольствий в более зрелом возрасте: *Three comforts of old age: fire, tea and tobacco* – Три утешения старости: огонь, чай и табак (уэльская пословица).

В исследуемых лингвокультурах эмблематичность чаепития как сложного коммуникативного действия актуализируется в его символическом переосмыслении, т. е. ритуализации. Так, в калмыцкой лингвокультуре эмблематичен культовый обряд *кишг сурх* – призывание счастья (досл. «попросить счастье»), когда принимающий подношение (т. е. гость) сначала совершает ритуал кропления *цацл цацх* (разбрызгивание жидкости для умилостивления различных божеств), опустив в чай кончик указательного пальца правой руки (цацад).

Для калмыцкой и русской лингвокультур характерен жанр благопожеланий (йорелов) и благословений во время чаепития, эмблематический смысл которых сводится к молитвенному пожеланию здоровья, счастья, успехов: калм. *Нә, хәәрхн, / Кезә болвчн иигҗ / Уурта халун цәәhән ууҗ, / Урл-амарн күүндҗ, / Уусн цәмдн / Маднд аршан болҗ, /*

Өгсн улс өглһнә эзн болҗ, / Хоорндан нег-негән үзлцҗ, / Хамг әмтнә хормад багтҗ, / Хәәртә садн-элгн болҗ сууцхай – Пусть как можно больше будет в нашей жизни / Счастливых случаев, / Которые соединяли бы нас за общим столом, / Где чашка ароматного чая / Была бы подспорьем в доброй беседе / И наполняло нас радостью жизни. / Да не иссякнет гостеприимство хозяев этого дома, / А наши родственные связи пусть крепнут и впредь / Счастья всем в этом доме [13, с. 171]; рус. *Добра и здоровья всем крещеным!, Много лет здравствовать!, Будь здоров, Жить не стариться* и т. д. [9, с. 297].

В английской культуре с начала XIX века чаепитие рассматривается как важное социальное мероприятие, в котором главное место уделяли умению вести светскую беседу (small talk). Хозяйка, организуя светское чаепитие, первым делом должна была правильно продумать выбор темы [14, с. 76]. Как правило, в small talk входили общие темы о работе, хобби, увлечениях, погоде, запретными считались разговоры о политике, религии и интимной жизни. Хозяйка дома составляла своеобразное «меню для беседы» (их раскладывали около тарелок), рассаживала гостей для удобного общения друг с другом, контролировала ход беседы, меняла тему в случае затянувшихся пауз: *Mrs. Strickland did not talk much, but she had a pleasant gift for keeping the conversation general; and when there was a pause she threw in just the right remark to set it going once more* [15, с. 14]. – Миссис Стрикленд говорила немного, но у нее был бесценный дар поддерживать разговор: чуть наступила пауза, она весьма кстати вставляла какое-нибудь замечание, и разговор снова оживлялся (русский перевод дан по [16]).

Чаепитие считалось своего рода инициацией для молодых людей, и в этом случае значило гораздо больше, чем светское мероприятие. Во время «чайных» визитов молодые люди тренировались в умении вести беседу, выгодно представлять себя обществу перед серьезными и деловыми выходами, знакомились с более опытными и старшими участниками.

В английском чаепитии важным является не только этикетное поведение, но и его антураж. Все должно находиться в гармоничном единстве – интерьер, нарядная одежда, «чайные» атрибуты (чайные домики, чайные сервизы, чайная мебель) и т. д.: *And a tray was soon brought. How pretty, to my eyes, did the china cups and bright teapot look, placed on the little round table near the fire!* – Поднос был принесен [17, p. 36]. – Какими красивыми казались мне фарфоровые чашки и ярко начищенный чайник, стоявший на маленьком круглом столике возле камина (русский перевод дан по [18]).

Эмблематичны различные запреты, суеверия, приметы относительно чая. У калмыков не принято было наливать чай почти до краев пиалы, что символизирует полноту и богатство. Как пишет Т. Г. Борджанова, наливать чай до самых краев чаши, через края чаши нельзя было по двум причинам: во-первых, это считалось признаком дурного тона и символизировало завершение трапезы, во-вторых, чай не доливался, поскольку это было плохой приметой, а также считалось грехом, когда чай проливался [6, с. 119]. Более того, чая должно быть ровно столько, чтобы продемонстрировать щедрость гостеприимства, символически передать достаток [19, с. 166]. Переполненная чаша может обидеть человека, так как налитая чаша символизирует скупость хозяина (нежелание угостить еще раз гостя) и нежелание общения. Запрещается переворачивать пустую пиалу вверх дном: подобное действие выражает обиду гостя, расценивается как проклятье, означает то, что человек не станет больше приходить в этот дом (со слов информанта). Большим грехом считается вылить остатки чая. Запрещается кипятить *хоосн хар ус* – пустую черную воду, так как считается, что кипяченая вода может употребляться в исключительных случаях, например, во время болезни, крайней нужды и т. д. [7, с. 89].

Русские отмечают следующие суеверные приметы: «Если во время чаепития корешок чая окажется в блюдце, в чае – это верный знак, к новости или письму», «Если чаинка попадает в стакан, чашку и будет плавать – к гостям», «Нечаянно разлить чай – к удивлению», «Кто пьет чай, не мывши чашек, – богат не будет» (народная примета Воронежской губернии). Эмблематичны приметы паронимического ряда: *кто пьет чай – тот отчаянный*; *кто пьет чай, тот спасения не чай*; *чай видишь – нечаянный* [20, с. 35]. Данные паремии характерны для староверов, которые отрицательно относились к чаю из-за его «басурманского происхождения», так как «чай не произрастает в православных странах, но привозится от “нечистых» народов”» [20, с. 34]. Отрицательное отношение к чаю вызывало и само созвучие этого слова с одним из тяжких грехов – отчаянием.

Британцы особенно строго следили за приготовлением чая. Например, в Дербишире идеальную чашку чая готовили в такой последовательности – чай, сахар, молоко. Если перепутать местами молоко и сахар, расстанешься с любимым человеком. Густая пена в чашке – к деньгам. В Северной Ирландии пена в чашке предвещала путешествие по воде, а в Эссексе – приход незнакомца. Взбалтывание чая в чайнике в обратную сторону – к ссоре и т. д. [21, с. 108].

Таким образом, комбинаторика базовых эмблематических признаков концепта «чай» сохраняется во многих универсальных и национально-специфических значениях лексических, фразеологических единиц, в определенных речеповеденческих тактиках, что свидетельствует о высокой степени осознаваемости данного явления носителями калмыцкой, русской и английской лингвокультур.

1. Карасик В. И. Лингвосемиотика глобализации: ключевые эмблемы и символы // Язык и культура в эпоху глобализации: сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч. конф. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2013. Т. 1. С. 26–39.

2. Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Рус. яз., 1977.

3. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.

4. Collins COBUILD English Language Dictionary. London: Collins, 1999 (COUBUILD).

5. Сарангаева Ж. Н. Эмблематические характеристики гостеприимства в калмыцкой лингвокультуре // Известия Волгоград. гос. пед. ун-та. 2015. № 9–10 (104). С. 148–153.

6. Борджанова Т. Г. Обрядовая поэзия калмыков (система жанров, поэтика). Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. 592 с.

7. Есенова Т. С. Очерки по лингвокультуре калмыков. Элиста, 2012. 148 с.

8. Кабакова Г. И. Русские традиции гостеприимства и застолья. М.: ФОРУМ: НЕОЛИТ, 2015. 464 с.

9. Даль В. И. Пословицы русского народа. М.: Астрель, 2005. 735 с.

10. Свалова Е. Н. Устойчивые словесные формулы в свадебной обрядности Прикамья // Вестник Перм. ун-та. 2012. Вып. 4 (20). С. 29–37.

11. Игнатов А. А., Митчелл П. Кокни уходящий: положение рифмованного сленга кокни в современном английском обществе // Вестник Том. гос. ун-та. 2013. № 374. С. 68–70.

12. Англо-русский словарь американского сленга / под ред. Е. И. Тузовского. М.: Кн. сад, 1993. 544 с.

13. Ользеева С. З. Калмыцкие народные традиции (на калмыцком и русском языках). Элиста: Джангар, 2007. 480 с.

14. Малкова Ю. Л., Сироткин А. С. Принцип соизучения языка и культуры как основа формирования социокультурной компетенции: English afternoon tea // Вестник гуманитар. фак. ИГХТУ. Иваново, 2014. Вып. 6. С. 71–77.

15. Maugham S. The moon and sixpence. М: Просвещение, 1986. 298 с.

16. Моэм С. Луна и грош. М., Правда, 1982. URL: http://lib.ru/ .../ INPROZ/ MOEM/ moon.txt (дата обращения: 10.12.2016).

17. Bronte Ch. Jane Eyre. London, 2012. 442 p.

18. Бронте Ш. Джейн Эйр. М.: Правда, 1988. URL: http://www.litmir.co/ bd/ ?b=4778 (дата обращения: 10.12.2016).

19. Ханинова Р. М. Давид Кугультинов и Михаил Хонинов: диалог поэтов. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2008. 185 с.

20. Пигин А. В. Сочинения о чае и самоваре в старообрядческой письменности XVIII–XX вв. // Живая старина. М.: Гос. республикан. центр рус. фольклора. 2014. № 4 (83). С. 34–37.

21. Коути Е., Харса Н. В. Суеверия викторианской Англии. М.: Центрполиграф, 2012. 480 с.

© Сарангаева Ж. Н., 2016

УДК 811.161.1

Т. П. Шалацкая
T. P. Shalatskaya

ЭРГОНИМ КАК МАРКЕР ПОЛИЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ (на материале названий объектов г. Евпатории)

В статье рассматривается определение содержания и элементов понятия «эргоним», характеризуются основные аспекты номинационного процесса городских коммерческих / некоммерческих учреждений, объединений. Основное задание классификации эргонимов – распределить типичные номинации по группам их актуализации. В статье эргоним представлен как маркер полиэтнической культуры на материале названий евпаторийских объектов.

Ключевые слова: актуализация, классификация, маркер, полиэтническая культура, процесс номинации, эргоним.

ERGOMYM AS A MARKER OF MULTI-ETHNIC CULTURE (on the material of yevpatoria's object names)

The article deals with the definition of the content and elements of the notion of "ergonym", characterizes basic aspects of the nomination process of urban commercial / non-profit institutions and associations. The main task of classifying ergonyms is to distribute typical nominations into groups of their actualization. The article presents ergonym as a marker of multi-ethnic culture on the material of Yevpatoria's object names.

Keywords: actualization, classification, marker, multi-ethnic culture, nomination process, ergonym.

Современный курортный город сложно представить без названий санаториев, отелей, банков, аптек, магазинов, предприятий, ресторанов, кафе и т. п. Каждому историческому периоду характерны свои эргонимы, отражающие идеологические или лингвистические особенности. Конец XX – начало XXI в. отличается динамическим развитием творческой, коммерческой мысли и социальной политики.

Эргонимы Евпатории недостаточно описаны в контексте общекрымского ономастического поля как в лингвокультурологическом, так и в социолингвистическом аспектах, что и обусловило выбор темы.

Интерес к данному лексическому массиву онимов зафиксирован в исследованиях Ю. И. Дидур, А. М. Емельяновой, М. Г. Курбановой, Н. В. Подольской, И. И. Туруты, Е. А. Трифоновой и др. [1–6]. Традиционно под эргонимами понимается собственное имя делового сообщества людей, не всегда имеющее юридическую закрепленность за тем или иным объектом; эргонимы присваиваются коммерческому/некоммерческому учреждению (театрам, гостиницам, магазинам, кафе и т. д.), объединению, кружкам, партиям, сообществам и т. д. По мысли А. М. Емельяновой для характеристики и объяснения эргонима как продукта мыслеречевой авторской деятельности в конкретных условиях целесообразно применять следующую формулу: К+А+С+Т+Р+ЭК+СА, где за каждым элементом скрывается соответствующий закон: К – концептуальный, А – моделирования аудитории, С – стратегический, Т – тактический, Р – речевой, ЭК –эффективной коммуникации, СА – системно-аналитический. «Движение вперед – от К (идеи) к Р (слову) – это мыслеречевой путь номинатора. Движение назад – от Р к К – путь, который проходит потенциальный клиент. ЭК и СА представляют сам

акт общения номинатора и клиента с последующей рефлексией» [2, с. 9].

Цель статьи – охарактеризовать эргонимы г. Евпатории и раскрыть посредством их анализа аспекты полиэтнической культуры региона.

Прежде всего, нами зафиксированы многочисленные одноименные названия. Они, как правило, являются сетью определенных организаций, учреждений или иных сообществ, но в отдельных случаях имеют свои специфику деятельности или иных сфер функционирования (кафе, рестораны, санатории, пиццерии, магазины, салоны красоты): *«Юг», «Омега», «Шоколад», «Мустафа», «Молочное», «Пингвин», «Белочка», «Шансон», «Mariner», «Наутилус», «Модерн», «Караман», «Ludwigsburg», «Дюльбер», «Таврия», «Olive», «Джеваль», «Бельфегор», «Корсар», «Ваниль», «Апрель», «Октябрь», «Радуга», «Орленок», «Ritsk», «Imperia», «Oasis», «Фемида», «Приморье», «Искра», пиццерии «Pomidoro» и «Чикаго», «Лукошко», «Мери», «Лусине», «Милый», «Париж», «Времена года», «Богема», «Гламур»* и т.п. Представленные лексические единицы в большинстве являются заимствованными, что логично и соответствует их функциям: номинативно-выделительной и эстетической. Группа эргонимов передает колоритную этническую культуру тюркских, романских, германских языков.

В эргонимии Евпатории также наблюдается достаточно богатый и разнообразный фонд трех- и четырехчленной модели рассматриваемых единиц: *Прокуратура города Евпатории, гимназия им. И. Сельвинского, Евпаторийская детская школа искусств, Евпаторийский завод классических вин, мемориал «Красная горка», клинический санаторий имени Н. К. Крупской*, *газета бесплатных объявлений «Витрина», экспериментальный театр GEFESTshow, Краеведческий музей Евпатории, Музей-почта в Евпатории, Музей истории Крымской войны, Интерактивный музей «Дом Клоуна»* и др.

Выявлены пяти- и шестикомпонентные эргонимы: *Музей боевой славы воинов-интернационалистов, Музей героев Чернобыля – «Звезда Полынь», Старая морская аптека провизора Рофе, Евпаторийский городской суд Республики Крым, Евпаторийский городской ветеринарный лечебно-профилактический центр, Распорядительная дирекция имущества городского округа Евпатория, Народный музей боевой славы воинов-интернационалистов.*

Эргонимов с многочленной структурой гораздо меньше в евпаторийской урбанонимии. В упомянутых урбанонимических моделях эргонимы представлены в малом количестве. Чаще изобилуют компонентами наименования государственных образовательных и медицинских учреждений (*Пансионат с лечением «Планета» – филиал ФГУП «ГКНПЦ им. М. В. Хруничева»*).

На городской карте представлены семи- и восьмикомпонентные эргонимы: *Товарищество собственников недвижимости «Дачное некоммерческое товарищество “Весна”».* Девятикомпонентные структуры: *Автономная некоммерческая организация «Профессиональная образовательная организация медицинский колледж “Монада”».* Привлекают внимание и двенадцатикомпонентные модели, например: *Государственное автономное образовательное учреждение среднего профессионального образования Республики Крым «Евпаторийский медицинский колледж».*

Для удобства часто применяются аббревиатуры (вид предприятия или организации) + наименование: *АН «Квадратный метр», АН «Реал-сервис», АН «Фаворит», АН «Золотой ключик», РДКС «Чайка», ДСОЦ «Маяк», МРЦ «Буревестник», ТСН «Заря», ТСН «Возрождение 13», ТСН «Первомайский 3», ТСН «Акация-Евпатория», ТСН «11-й труд», ТСН «СТ “Сосновый бор”», МБОУ «Средняя школа № 18 с крымскотатарским языком обучения города Евпатории Республики Крым». МБОУ «Средняя школа № 11 города Евпатории Республики Крым», МУП УК «Уют», МБУ «Управление городского хозяйства», МБУ «Порядок», МУП «Эко-град», МУП «Расчетно-кассовый центр», МУП «Трамвайное управление им. И. А. Пятецкого», МУП «Управком «Черноморец», МУП «Управком «Старый город», МУП «Управком «Космос», МУП «Управком «Мойнаки», МУП «Управком «Пионер».* Для образования эргонима использованы имена существительные, хотя изредка встречаются прилагательные и числительные (в большинстве случаев указывают номер школы, дома). Именно им принадлежит определяющая роль в идентификации перечисленных объектов. Из этой группы заметно выделяются номинации агентств недвижимости, которые используют иностранную лексику (*фаворит, реал-сервис*), направленную на привлечение клиентов. Наименования школ отличаются либо номером, либо специфическим профилем обучения. Номинации товариществ собственников недвижимости отражают одноименную улицу или слово-символ. Каждое имя собственное, заключенное в кавычки (РДКС «Чайка», ДСОЦ «Маяк», МРЦ «Буревестник») связано с морской тематикой, поскольку Евпатория расположена на берегу Черного моря. Номинации управляющих компаний указывают район, который они обслуживают, функции, символы-гаранты качества услуг.

На семантическом уровне эргонимы воспринимаются как связь внутреннего и внешнего аспектов, реализованных в единении нарицательного/собственного, исконного/заимствованного, референтивного/объектного; концептуального и когнитивного признаков.

Наиболее типичные эргонимические номинации можно распределить по группам актуализации:

1) имени: *«Мери», «Лусине», «Мустафа»;*

2) литературно-мифологической тематики: *«Эльдорадо» (супермаркет), «Литературное кафе им. Анны Ахматовой», «Фемида» (санаторий), «Бельфегор» (ресторан), GEFESTshow (экспериментальный театр);*

3) географической тематики: *«Ludwigsburg» (ресторан), «Чикаго» (пиццерия), «Таврия» (санаторий), «Орен-Крым» (санаторий), «Управком “Мойнаки”» (МУП);*

4) флоры и фауны: *«Пингвин» (кафе), «Белочка» (кафе), «Сосновый бор» (ТСН СТ); «Чайка» (РДКС), «Буревестник» (МРЦ);*

5) музыкальных направлений, стилей: *«Папа’сЛаунж», «Шансон»;*

6) книжных либо шуточных словосочетаний: *«Йоськин кот», «На семи ветрах».*

В последней группе первый пример перекликается с известным народным эвфемизмом «Ешкин кот», выражающим целый эмоциональный спектр: радость, удивление и т. п. Второй представляет книжное поэтическое высказывание,

которое толкуется так: на открытом, оживленном месте, на пересечении всех дорог.

С точки зрения структуры эргонимы разделяются на два вида: номинативные однословные конструкции и синтаксические конструкции. Чаще всего номинаторы апеллируют к «мысленному досье» реципиента, используют готовые языковые единицы, трансформируя понятия и реалии действительности под специфику своего предприятия.

Конечно, можно дискутировать об эффективности анализируемых эргонимических наименований, определяя важность их информативности, фоносемантической привлекательности, ассоциативного соответствия. Но для объективности, бесспорно, следует учитывать уровень востребованности, который тесно связан с финансовыми доходами предприятия. Если же структура некоммерческая, то важны результаты ее деятельности в сфере развития города и численность объединения.

Эргонимы не только обладают номинативным значением, они содержат большой объем информации: о языке, географическом положении, об истории, обычаях этноса и т. п. При переименовании неизбежно нарушаются сложившиеся традиции, привычки, прерывается преемственность культурного наследия. Поэтому люди неохотно расстаются со старыми эргонимами и стараются тем или иным способом сохранить их в памяти и обиходе.

То обстоятельство, что в Евпатории проживают представители десятков этносов, наложило отпечаток на становление и развитие его эргонимической системы. Ряд последних изменений евпаторийской урбанонимии связан не только с менталитетом проживающих здесь народностей, но и с теми событиями, которые продолжают происходить.

Все номинации городских объектов в совокупности составляют своеобразную и очень сложную систему. Эргонимы интересны своей подвижностью, живой реакцией на все происходящее. Палитра евпаторийских эргонимов пестра, поскольку в городе проживают различные этнические группы, которые, принимая участие в номинации, стремятся отразить символику своей культуры либо той, что является для большинства эталоном, гарантией успеха, установкой на оздоровление и отдых.

1. Дидур Ю. И. Особенности функционирования ергонимов в языке, речи и ментальном лексиконе (в украинском, английском и русском языках): дис. ... канд. филол. наук. Одесса, 2015. 195 с.

2. Емельянова А. М. Эргонимы в лингвистическом ландшафте полиэтнического города : на примере названий деловых, коммерческих, культурных, спортивных объектов г. Уфы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2007. 24 с.

3. Курбанова М. Г. Эргонимы современного русского языка: семантика и прагматика: дис. ... канд. филол. наук. Астрахань, 2014. 190 с.

4. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1988. 192 с.

5. Турута И. И. Современные эргонимы как отражение русской национально-языковой картины мира // Русский язык и литература: проблемы изучения и преподавания: сб. науч. тр. под общ. ред. Л. А. Кудрявцевой. Киев, 2014. Выпуск 8. С. 67–72.

6. Трифонова Е. А. Названия деловых объектов: семантика, прагматика, поэтика (на материале русских ианглийских эргонимов): автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2006. 20 с.

© Шалацкая Т. П., 2016

ЛИТЕРАТУРА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Березовская Л. С., Демченков С. А.
Постапокалиптика как жанр научной/паранаучной фантастики

Бестолков Д. А.
Герои рассказов Ивана Шамякина: приёмы художественного воплощения и творческий генезис

УДК 82-344

Л. С. Березовская, С. А. Демченков
L. S. Berezovskaya, S. A. Demchenkov

ПОСТАПОКАЛИПТИКА КАК ЖАНР НАУЧНОЙ/ПАРАНАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

Статья посвящена постапокалиптическому жанру, выделившемуся в конце XX в. из научной фантастики. Рассматривается история его становления, анализируются его преемственные связи с апокалиптической и научно-фантастической литературой. Дается нарративная модель постапокалиптического повествования. Авторы приходят к выводу, что, несмотря на некоторую размытость жанровых границ, есть основания говорить о постапокалиптике как об особой жанрово-тематической группе произведений, обладающей устойчивой общностью художественных черт, и как об актуальной генеративной модели в современной художественной литературе и кинематографе.

Ключевые слова: постапокалиптика, апокалиптика, научная фантастика, нарратив, литературный жанр.

POST-APOCALYPTICS AS A GENRE OF SCIENCE AND PARASCIENCE FICTION

The article is devoted to the post-apocalyptic genre separated out from science fiction at the end of the 20th century. The history of its foundation is considered; its successive connections with apocalyptic literature and science fiction are analyzed. The narrative model of post-apocalyptics story-telling is given. The authors come to the conclusion that, despite some blurring of genre boundaries, post-apocalyptics can be considered as a special genre-thematic group of works having stable similarity of artistic features and as an actual generative model in modern fiction and cinema.

Keywords: post-apocalyptics, apocalyptics, science fiction, narrative, literary genre.

По мнению М. С. Галиной, «фантастика – самый элитарный жанр массовой литературы. Вряд ли кто станет это оспаривать. Можно посмотреть и по-другому: фантастика – самый массовый жанр литературы элитарной» [1].

Научная фантастика – «вид фантастической литературы, основанный на допущении, имеющем рациональный характер, в соответствии с которым с помощью законов научных открытий, технических изобретений или природы, не противоречащих естественнонаучным воззрениям того времени, в произведении создается необычайное или сверхъестественное» [2, с. 621–622]. Типичные элементы научно-фантастических произведений – новые открытия, изобретения, неизвестные науке факты, исследования космоса и путешествия во времени [3, с. 646]. Действие научной фантастики чаще всего отнесено к будущему – как ближайшему (5–10 лет), так и более далекому (несколько веков). В некоторых случаях точные временныіе рамки не оговариваются.

Писатель-фантаст Х. Гернсбек в 1923 г. впервые употребил термин «scientifiction», соединив слова «science» (наука) и «fiction» (фантастика) в своем журнале «Наука и изобретение». В дальнейшем этот термин закрепился в английском языке в виде «science fiction» (или Sci-Fi). В 1926 г. этот же писатель дал следующее определение научной фантастики: «Это вид художественной прозы, которую писали Ж. Верн, Г. Уэллс и Э. А. По, это прелестные захватывающие романтические истории, замешанные на научных данных и пророческом предвидении» [4].

Изначально под апокалиптикой подразумевалось направление в позднебиблейской и послебиблейской религиозной мысли иудейства, «выражавшее себя в форме рассуждений и пророчеств (“откровений”) о конечных судьбах мира» [5], однако впоследствии это понятие приобрело дополнительное значение. Сегодня к жанру апокалиптики относят также попытки художественного осмысления тех научных и социальных тенденций современности, которые способны уже в самом недалеком будущем привести человечество на грань выживания.

Современная апокалиптика – трансжанр, параллельно развивающийся не в каком-то одном, а сразу в нескольких искусствах, – в первую очередь, в художественной литературе и кинематографе. Можно вспомнить такие популярные кинофильмы, как «2012», «Армагеддон», «Земное ядро», «Знамение» и др. Кинематографические произведения этого типа чаще всего называют по имени их родовой группы – фильмами-катастрофами. Однако необходимо отметить, что к числу фильмов-катастроф относятся не только произведения апокалиптического жанра, но и киноленты, посвященные катастрофам локального масштаба.

Не менее популярным жанром сегодня стал постапокалипсис. Его появление было абсолютно закономерным. Во-первых, оно продиктовано естественным стремлением писателей осмыслить не только причины, но и возможные последствия глобальной катастрофы. Во-вторых, постапокалиптическая литература становится своеобразным завершением традиций антиутопий и дистопий, поскольку показывает общество, достигшее «точки невозврата» не только в социальном, но и во всех иных отношениях. Кроме того, немаловажным фактором являются жанровые ограничения апокалиптики, которые постапокалиптика успешно преодолевает (здесь характер основного конфликта и возможности раскрытия психологии героев в меньшей степени определяются исходной тематической установкой).

Сам термин «постапокалиптика» (post-apocalyptic) применительно к фантастике впервые использовал в 1978 г. американский критик Алан Франк в журнале «Sci-Fi Now» [6]. Четкого определения данного жанра сегодня не существует. Тем не менее, по аналогии с апокалиптикой, можно говорить о том, что его определяющими жанрообразующими признаками являются специфическая тематика (это произведения о том, что будет с человечеством после конца света); особая структура конфликта (когда внутренние противоречия

цивилизации и человеческого характера опредмечиваются вовне – в непримиримом противостоянии немногих выживших и враждебного им, но ими же самими порожденного антимира); особое линейно-кумулятивное строение сюжета, роднящее эти произведения с компьютерными играми и фольклорными текстами, когда повествование представляет собой последовательное «прохождение» героя / героев через различные локации («уровни»), населенные монстрами и изобилующие различными ловушками, причем степень сложности «уровней», как правило, возрастает по ходу развития сюжета.

Заметим, что определенная размытость жанровых границ дает возможность говорить об апокалиптике и постапокалиптике как о жанрово-тематических группах произведений, а не о жанрах в собственном смысле слова. Впрочем, в современном искусстве, постулирующем отказ от принципов нормативной поэтики [7], понятие жанра в значительной мере утрачивает актуальность; жанр выступает уже не столько в качестве генеративной модели и эталона эстетической нормы, сколько в качестве инструмента выстраивания интертекстуальных и интермедиальных взаимосвязей, а также как предмет различных игровых трансформаций. С учетом сделанных оговорок, мы будем попрежнему использовать термин «жанр» применительно к данным типам текстов.

Для дальнейшего исследования мы дадим следующее рабочее определение: постапокалиптика – это нарративная модель и одновременно совокупность художественных произведений, построенных на основе этой модели, в которых описывается ситуация после наступления глобальной катастрофы (как правило, техногенного характера), в результате которой природная среда и, как следствие, социум, претерпевают радикальные изменения, так что остатки некогда могучего человечества оказываются ввергнуты в рукотворный «антимир», в который неожиданно, мгновенно и необратимо трансформируется прежний цивилизационный «космос».

Иными словами, постапокалиптика – это художественное изучение человека и социума, оказавшегося в предельной ситуации в результате глобальной катастрофы.

Схема построения постапокалиптических сюжетов, как правило, следующая:

1) Жизнь непосредственно перед катастрофой описывается автором крайне бегло и обычно представлена в виде фрагментарных воспоминаний выживших.

2) Описание самой катастрофы, часто неожиданной, также лаконично либо совсем отсутствует; при этом катастрофа воспринимается героями не как «наказание», а как чрезвычайная ситуация.

3) Важнейшей структурной составляющей произведения является «миромоделирование», заключающееся в детальном, подчас претендующем на «научную» точность, описании двух антагонистических планов новой реальности; а) подробная характеристика быта, обычаев и нравов выживших, способов их приспособления к новой (обычно агрессивной) окружающей среде, вплоть до указания названий, особенностей применения медицинских препаратов, оружия и так далее; исследование различных социальных «деформаций», латентно существовавших в до-апокалиптический период, но «активированных» катастрофой; б) не менее подробное описание «новой природы», возникшей на развалинах прежнего мира, включая пространные экскурсы в область поведения и физиологии различных монстров. Оба описательных плана соотносятся по контрастному принципу: чудовищность и фантасмагоричность новой природной реальности, ставшая обыденностью, подчеркивает чудовищность и фантасмагоричность социальной повседневности; мир монстров, захвативших земную поверхность, оказывается своеобразным «кривым зеркалом» – отражением породившего его мира цивилизации. Таким образом, две «половинки» реальности парадоксальным образом совмещаются. Постапокалиптике свойственно градуальное мышление [8, с. 8]. Хотя превращение мира в «антимир» носит мгновенный и необратимый характер, без каких бы то ни было переходных стадий, в социальном и пространственном отношении «новая реальность» оказывается расчленена на множество самодостаточных локусов, каждый из которых скрупулезно оценивается автором и персонажами с точки зрения его соответствия норме (относительно приемлемый, малоприемлемый, неприемлемый, абсолютно неприемлемый и т. д.). При этом ни один из них не соотносится с нулевым, а тем более с положительными делениями шкалы: все они отнесены к области отрицательных величин.

4) «Миромоделирование» развертывается посредством той или иной, сравнительно примитивной по строению фабульной схемы (выше она была охарактеризована нами как линейно-кумулятивная); две наиболее распространенные модели – это «новая угроза», которую героям необходимо нейтрализовать, либо «новая потребность» (например, поиск «земли обетованной»), которую им необходимо реализовать. Подчеркнем, что именно миромоделирующая, а не фабульная составляющая является ведущей.

Отнесенность постапокалиптики к научной фантастике, несмотря на их несомненную генетическую связь, – вопрос дискуссионный. Постапокалиптика использует многие приемы, разработанные научно-фантастической литературой, однако при этом находится на грани фантастики научной и паранаучной. Если считать, что одна из важнейших задач научной фантастики – опредмечивание (и популяризация) в художественных формах научной картины мира, постапокалиптика (в отличие от апокалиптики) эту задачу, как правило, не выполняет.

Точкой отсчета в развитии постапокалиптического жанра принято считать роман английской писательницы Мери Шелли «Последний человек», впервые опубликованный в феврале 1826 года. В нем повествуется о пандемии чумы. Данный роман задает ряд мотивов, которые периодически будут повторяться в последующих постапокалиптических текстах. Например, сектанты, ведомые лжепророками, которые обещают спасение от эпидемии; вынужденное путешествие выживших героев в поисках незараженной местности и т. д. Заметим, что Шелли перенесла действие романа в далекое будущее: эпидемия началась в 2092 году, а действие романа обрывается с наступлением XXII в. Впоследствии авторы уже не переносят действие настолько далеко по хронологической шкале от момента создания произведений [6].

Следующий литературный постапокалиптический текст был создан английским писателем Ричардом Джеффрисом. Роман, впервые выпущенный в 1885 г., назывался «После Лондона, или Дикая Англия». Отнести его к жанру постапокалипсиса позволяет как его тематика, так и особенности сюжетного строения: действие происходит в мире, пережившем катастрофу (какую именно – автором не уточняется), по преимуществу, на территории Англии, вернувшейся к средневековому феодальному строю [9].

Как литературное явление постапокалиптика в полной мере оформилась в конце XX в., когда, под влиянием различных технологических угроз, все больше и больше прозорливых умов начало задаваться вопросом о возможной гибели цивилизации.

Отметим, что после романа Ричарда Джеффриса произведений, которые можно отнести к жанру постапокалипсиса, практически не выходит. Можно предположить, это было связано с тем, что тогда мир еще был не готов осознать угрозу тотального самоуничтожения как реальную. Этот мотив часто будет встречаться после первой мировой войны и окончательно наберет популярность в конце второй мировой, особенно после бомбардировки Хиросимы и Нагасаки и последующего обострения отношений между ядерными державами – СССР и США.

В 1947 г. чикагский журнал «Bulletin of Atomic Scientists» запустил проект «Часы Судного дня». Раз в год 18 экспертов анализируют события прошедших 365 (366) дней и решают, насколько мир близок к Третьей, теперь уже Последней, войне, то есть к «полуночи». Во время запуска проекта стрелки показывали без семи минут полночь. В 1953 г. до полуночи оставалось две минуты, в 1991 – четырнадцать минут. На момент написания данной работы стрелки находились на отметке без трех минут полночь.

Холодная война, разделившая мир на два больших противоборствующих лагеря (тех, кто поддерживал СССР, и тех, кто одобрял политику США) началась сразу же после завершения второй мировой войны. Взрыв пятидесятимегатонной «Царь-бомбы» и последовавший за ним Карибский кризис привел человечество к мысли о том, что оно находится на такой стадии развития, когда, в случае использования оружия массового поражения, может истребить практически всю жизнь на планете.

В это же время заметно увеличивается количество фильмов и книг, посвященных вероятной ядерной войне и тому, что произойдет в этом случае с человечеством. 1960-е гг. отмечают начало расцвета жанра апокалиптической и постапокалиптической литературы. Именно в данный период вышло наибольшее количество фильмов, которые станут впоследствии основой для развития субкультуры «выживальщиков», эти же мотивы в дальнейшем будут подхвачены индустрией компьютерных развлечений.

Создатели большинства постапокалиптических и апокалиптических произведений, созданных в разгар «холодной войны», ожидают, что начало глобальной катастрофе положит ядерный конфликт. Однако параллельно начинает формироваться особый подтип фильмов (и литературы) ужасов, также эксплуатирующий идею «апокалипсиса». Один из наиболее популярных здесь сюжетов – восстание живых мертвецов (начало этой линии в развитии массовой культуры положил фильм «Ночь живых мертвецов», 1968 г.).

1986 г. также стал одним из ключевых в истории становления жанра постапокалипсиса. Авария на Чернобыльской атомной электростанции, повлекшая за собой большие жертвы, вызвавшая панику, оказала огромное влияние на мир. Эта катастрофа породила волну новых художественных «откликов», в которых ядерная угроза рассматривается уже не только в аспекте военной агрессии, но и в аспекте неожиданного, часто не зависящего от человека вмешательства судьбы (или слепого случая). Появляются произведения о схожих происшествиях в биохимических лабораториях, на АЭС и других опасных стратегических объектах. В целом можно сказать, что Чернобыльская авария обозначила новый виток развития постапокалиптической сюжетики, появление мотивов аварии/катастрофы, а не только «последней войны».

Как это ни парадоксально, но с окончанием холодной войны, в первое десятилетие нового века, происходит экспоненциальный рост апокалиптических мотивов в литературе и искусстве, особенно в индустрии компьютерных игр. Это становится возможным в том числе благодаря модернизации прежних, ставших уже отчасти «классическими» сюжетов. Так, зомби из медлительных живых мертвецов превратились в людей, заболевших бешенством (фильм «28 дней спустя», 2002 г.), авария на ЧАЭС, дополненная материалом романа братьев Стругацких «Пикник на обочине», легла в основу компьютерной игры «S.T.A.L.K.E.R.» и огромного количества произведений массовой литературы, созданных по ее «следам», в том числе одноименной серии книг. К числу новейших модификаций мотива глобальной катастрофы можно отнести захват мира искусственным интеллектом, создание агрессивных нано-частиц, угрозу террористической атаки с применением оружия массового поражения и др.

Осовременивается и хрестоматийная мифологема Ноева ковчега, выступающая в европейской культуре своеобразным «прототипом» всех постапокалиптических произведений. Кто-то считает, что необходимо построить космические корабли, заморозить человечество в криокамерах и отправиться с загрязненной планеты на поиски нового места жительства (японские манга и аниме «Trigun», 1995/1998 гг.). Другие предлагают спрятаться в бункере и не впускать в него зомби и зараженных или путешествовать по свету и уничтожать очаги распространения вируса (цикл фильмов «Обитель зла»). А некоторые отправляют своих героев искать спасение в метро и защищенных от радиации местах, как это делают персонажи трилогии Дмитрия Глуховского «Метро 2033–2035» и созданного им проекта «Вселенная Метро 2033».

Подводя итоги, отметим, что постапокалиптика, несмотря на свою недолгую историю, уже успела превратиться в самостоятельный художественный феномен, легко отграничиваемый от смежных явлений. Сохраняя генетическую связь с научной фантастикой и активно используя разработанный ею художественный арсенал, постапокалиптика обращается вспять – к архаическому типу мышления, в новых, техногенных декорациях разыгрывая сюжеты древнейших мифов о сотворении и уничтожении мира.

1. Галина М. С. Старая, новая, сверхновая… Журналы фантастики на постсоветском пространстве // Новый мир. 2006. № 8. URL: http:// magazines.russ.ru/ novyi_mi/ 2006/ 8/ ga13.html (дата обращения: 14.12.2016).

2. Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. А. Н. Николюкин. М.: Ин-т науч. информации по обществен. наукам РАН, 2003. 1600 с.

3. Лингвистика. Филология. Языкознание: сб. студен. работ / под ред. Т. Бухтина. М.: Студен. наука, 2012. 2361 с. (Вузовская наука в помощь студенту). URL: http:// biblioclub.ru/ index.php?page=book&id=227913 (дата обращения: 14.12.2016).

4. Акрамов Ш. Р. Научная фантастика – проблемы определения (литературный обзор) // Актуальные вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: материалы Междунар. заоч. науч.-практ. конф. (12 ноября 2012 г.). Новосибирск : СибАК, 2012. URL: http://sibac.info/conf//xvii/ 30002 (дата обращения: 14.12.2016).

5. Кононенко Б. И. Апокалиптика // Большой толковый словарь по культурологии. М.: Вече 2000, 2003. 512 с. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_culture/1247 (дата обращения: 14.12.2016).

6. Невский Б. По ком звонит колокол. Фантастический апокалипсис // Мир фантастики. 2007. № 47. URL: http:// old. mirf.ru/ Articles/ art1762.htm (дата обращения: 14.12.2016).

7. Федяева Н. Д. Норма vs. не-норма = ожидаемое vs. неожиданное // Сибир. филолог. журн. 2009. № 2. С. 136–143.

8. Федяева Н. Д. Языковой образ среднего человека в аспекте когнитивных категорий градуальности, дуальности, оценки, нормы: автореф. дис. … канд. филол. наук / Алтай. гос. ун-т. Барнаул, 2003. 24 с.

9. Энциклопедия читателя. URL: http://www.clubook.ru/ encyclopaedia/posle_londona_ili_dikaja_anglija_after_london_ or/?id=51981 (дата обращения: 14.12.2016).

© Березовская Л. С., Демченков С. А., 2016

УДК 821.161.3

Д. А. Бестолков
D. A. Bestolkov

ГЕРОИ РАССКАЗОВ ИВАНА ШАМЯКИНА: ПРИЕМЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВОПЛОЩЕНИЯ И ТВОРЧЕСКИЙ ГЕНЕЗИС

В статье рассматривается вопрос о художественном преломлении традиций русской классической литературы в творческом наследии И. Шамякина. Предмет исследования составили поведенческие модели и черты психологического облика главных героев произведений Л. Толстого, И. Тургенева, А. Чехова, актуализированные и интерпретированные в образах персонажей малой прозы белорусского писателя.

Ключевые слова: Шамякин, главный герой, творческое сознание писателя, русская классика.

CHARACTERS OF IVAN SHAMYAKIN'S STORIES: TECHNIQUES OF ARTISTIC EXPRESSION AND CREATIVE GENESIS

The article discusses the issue of breaking traditions of the Russian classical literature in I. Shamyakin's creative heritage. The subject of research consists of behavioral models and features of the psychological appearance of the main characters of works of L. Tolstoy, I. Turgenev, A. Chekhov, actualized and interpreted in the images of the characters of the Belarusian writer's short prose.

Keywords: Shamyakin, main character, creative consciousness of the writer, Russian classics.

В начале XXI в. в такой области научного знания, как теория литературы, продолжает оставаться актуальным вопрос о художественной взаимосвязи традиций русской литературы XIX-XX столетий и наследия белорусских писателей [1; 2; 3]. Как на это указал еще А. Адамович [4, с. 16, 17, 111], произведения Л. Толстого, Ф. Достоевского, А. Чехова и других классиков русской литературы оказали огромное влияние на формирование творческих индивидуальностей целого ряда белорусских авторов, среди которых И. Мележ, В. Быков, И. Шамякин. На малую прозу последнего из упомянутых нам хотелось бы обратить внимание: попытаться отыскать в художественном мире рассказов И. П. Шамякина тех героев, которые выступили носителями «творческого гена» персонажей русской классики, тем более что в ряде текстов художник сам указывал на очевидную соотнесенность подобного рода.

Главный герой рассказа «Метель» (1955) – молодой агроном Валя. Она увлечена своей профессией, искренне уважает и ценит человеческий труд и, как всякая девушка, мечтает о любви. Предмет ее симпатии – врач из соседней деревни Андрей Казимирович Грушицкий.

Взаимный интерес случайной встречи молодых людей был первым шагом на пути к сильному и стойкому чувству, однако его уверенному развитию мешало не только расстояние между деревнями, в которых они жили, но и практически круглосуточная профессиональная загруженность обоих.

В один из долгих и трудных дней колхозной жизни (после пешего перехода во время метели, разговора с председателем на повышенных тонах) уставшая Валя засыпает за томом «Войны и мира». «Когда читаешь – забываешь все свои неудачи, неприятности и живешь жизнью героев» [5, с. 372], – сочувственно поясняет автор произведения (его образ «совпадает с “образом рассказчика”» [6, с 133]) и следом вводит в текст цитату из романа Л. Н. Толстого, раскрывающую читателю потаенные мечты девушки. «“Давно я

ждала тебя", – как будто сказала эта испуганная и счастливая девочка своей просиявшей из-за готовых слез улыбкой, поднимая свою руку на плечо князя Андрея». Так Валентина из рассказа Ивана Шамякина уподобилась Наташе из эпопеи Льва Толстого. Как и юная графиня Ростова, шамякинская героиня мечтала оказаться на балу. Эту мечту ей подарил снимок из «Комсомольской правды»: «бал студентов в Георгиевском зале Кремля» [2, с. 370]. Впечатлительная, эмоциональная девушка, погрузившись в собственные грезы, оказалась именно там. «Пары кружатся, знакомые и незнакомые, все молодежь. Среди них председатель с женой, неуклюжие и смешные. Вале хочется посмеяться над ними, но некогда – она ищет Андрея, он непременно должен сюда прийти» [2, с. 372]. И Андрей приходит, но не во сне, а в реальной жизни. Однако застав Валю спящей, он не решился ее разбудить. «Андрей Казимирович ждал, ждал, пока ты проснешься», – позже расскажет Вале тетя Катя – хозяйка дома, в котором девушка снимает комнату.

Очевидно, что эпизод сна главной героини был использован И. П. Шамякиным в качестве приема «психологического изображения». Как на это указывает А. Б. Есин, сны «как форма воспроизведения душевных движений» часто применялись в прозе Льва Толстого. Там они выполняли «свою естественную функцию – раскрыть подсознательные процессы, игру сознания, неподконтрольную разуму» [7, с. 136]. Тончайшие грани «реальных психических закономерностей» в процессе перехода от сна к пробуждению достоверно представлены и в художественном мире Ивана Шамякина. Вдохновленная трепетным отношением близкого ей человека (не решился будить, любовался спящей), Валя примет внезапное решение навестить Андрея и под предлогом проведения агрокурсов в Сябровичах начнет собираться в дорогу.

Влюбленная девушка из рассказа «Метель» оказалась не единственной среди тех героев Ивана Шамякина, чьи образы наделены чертами персонажей русской классики.

Персонифицированная характеристика психологического облика девочки Вики из рассказа «Дети учительницы» (1960) стала для писателя возможной благодаря художественной актуализации образа Ирины Прозоровой (младшей из «трех сестер» А. П. Чехова). Пятнадцатилетний подросток Вика переживает тяжелую травму потери самого близкого человека – матери, жизнь которой оборвалась в сорок семь лет из-за неизлечимой болезни. Столь же сильно тоскуют по матери брат и сестра Вики – Павел и Зарина, но Вика самая младшая в семье, и оттого ее боль, ее душевная рана кажется ей самой глубокой, самой жуткой. Приезд отца-генерала, много лет назад расставшегося с их матерью из-за другой женщины, мог изменить ее судьбу. «Она ждала от него каких-то важных слов. И не ошиблась – он сказал: – Вика, я хочу, чтобы ты поехала со мной в Москву. – Сколь она думала об этом! Сколько раз уносилась туда в мечтах и сновидениях. Как чеховская Ирина. Только никому не говорила, боялась, как бы мама, Павел не подумали, что ей хочется к отцу. Но теперь… Зарина выйдет замуж… Павел живет своей жизнью. А ей надо учиться!.. Пускай отец виноват перед ними, но все-таки он отец… Вон у него совсем белая голова и такие грустные глаза. Ему тоже видно нелегко пришлось. А главное, ей надо учиться! Учиться в Москве! Кто откажется от такой возможности?!» [2, с. 394).

В чеховской пьесе знаменитый лейтмотив-заклинание «В Москву» стал «попыткой героев выйти за пределы двойственной атмосферы существования» [8, с. 27]. Похожую попытку предприняла и шамякинская Вика. Для нее уехать в Москву значило не просто решить «насущную проблему личного бытия» [9, с. 10], но и, главное, раз и навсегда разрубить узел собственных противоречий: уйти от терзающего выбора стороны одного из родителей. Однако ни Вика, ни старшие брат и сестра так и не смогли простить отца. К радости Павла и Зарины Вика в Москву не поехала. «Славная ты моя девочка! Не горюй, – утешала ее Зарина, – заживет наша рана… Сойдет снег. В палисаднике, вон там, зацветут пионы. Придет счастье. Я верю: нас ждет большое счастье. И тебя. И меня. И Павла… Счастье в дружбе и верности» [2, с. 400].

Как на это справедливо указал Е. А. Городницкий, «личный мир шамякинских героев» «не герметизирован», он «соединяется с другими человеческими мирами, с социумом. Межличностные отношения, оценка героем своего отношения к другим имеют для него не менее существенное значение, чем самоанализ» [10, с. 45].

Калейдоскоп типов литературных героев в наследии А. П. Чехова велик, потому и образ пятнадцатилетней девочки Вики в творческом мире Ивана Шамякина не стал последним из представленных через аллюзию к чеховскому персонажу. Этот ряд дополнил герой рассказа «Ради жизни» (1951) – молодой врач Степан Чабрец. При внимательном рассмотрении в его образе угадываются черты известного чеховского персонажа – доктора Дымова из рассказа «Попрыгунья» (1891).

Дымова читатель видит «отчетливо», «хотя ему предоставлено всего полстраницы текста – главным образом, прямая речь» [11, с. 374]. Именно речь служит емкой характеристикой и для шамякинского героя. «У вас – профессиональный уклон мыслей» [2, с. 334], – резюмирует знакомая Чабреца – молодая учительница, выслушав умозаключения начинающего специалиста о будущем медицины.

Близки не только художественные темпераменты литературных персонажей (скромность, чувство такта, преданность профессиональному долгу), но и те обстоятельства, в которые они попадают волей сюжета. Как и Дымов, Степан Чабрец спасает жизнь мальчика, чье «маленькое слабое тельце» было «сломлено тяжелой формой дифтерии» [2, с. 328]. Молодой врач делает это очень рискованным для него способом: «Степан решительно наклонился над больным и начал через трубку отсасывать насыщенные инфекцией пленки и гной, которые душили ребенка». Таким же путем и доктор Дымов некогда спас своего последнего пациента. Иной оказалась судьба Степана Чабреца: он не заразился и остался жив. Стоит заметить, что молодой врач колебался, прежде чем пойти на рискованную процедуру, но чувство долга пересилило в нем: «Степан взглянул на страдальческое лицо мальчика и отбросил все свои колебания. Он обязан сделать все, что может, что знает. Он не имеет права в такой момент думать о себе» [2, с. 330].

Чеховского и шамякинского персонажей сближает чувство гражданской ответственности, ясное осознание того, что

собственной жизнью стоит рисковать ради спасения жизни другого человека, тем более ребенка. В итоге общим оказались не только сюжетные ходы, но и принципы художественного воплощения действующих лиц.

Дистанцирует шамякинского героя от Дымова его внутренняя речь и, как следствие, явно представленная художественная рефлексия персонажа.

Раскрытие характеров героев в малой прозе Ивана Шамякина происходит, прежде всего, через самоанализ, через интенсивное внутреннее проживание событий, в которые они попадают. В этой связи особенное значение для творческого мира писателя имела ситуация влюбленности, первых искренних, нежных отношений между юношей и девушкой. Именно такими предстают отношения героев рассказа «Первое свидание» (1953) – школьников Саши Кароневич и Жени Поплавской. «Высокая и красивая» Женя поразила Сашу с первого взгляда. Ребята выступили в одном номере на творческом вечере, у них завязалось знакомство, и через некоторое время Саша почувствовал к Жене непреодолимую симпатию, он влюбился. Состояние влюбленности, проникнув в подростка, не покидало его ни на минуту.

Свойство юношеского темперамента в состоянии влюбленности еще задолго до Шамякина стало предметом интереса многих мастеров прозы. Художественное осмысление того, «как чувствовал и мыслил впервые полюбивший подросток» [11, с. 198] получило глубокое развитие, к примеру, в повести И. С. Тургенева «Первая любовь» (1860). Творческая память прозаика аккумулировала в себе вершинные достижения русской классики, наследие Ивана Тургенева в том числе. Как и И. С. Тургеневу, белорусскому писателю, полагаем, «удалось максимально приблизиться к воспроизведению внутренней жизни человека в ее реальном виде» [7, с. 88]. Обращает внимание на эту закономерность и М. И. Мушинский: «опираясь на собственный художественный опыт, писатель выбрал путь исследования внутреннего мира» своих героев [12, с. 16].

Очевидная актуализация тургеневской темы проходит через рассказ Ивана Шамякина «Отцы и дети». Его герои – это люди разных возрастов и судеб. Каждого из них жизнь испытывает на верность материнскому, отцовскому или сыновнему чувству, каждый из них, расставшись по каким-либо обстоятельствам с близкими людьми, в итоге испытывает острую необходимость семейного единения, непреодолимое чувство привязанности к родным людям. К единению приходят и разделенные на два лагеря «отцов и детей» тургеневские герои, разница лишь в том, что одним из них удается это сделать при жизни (отцу и сыну Кирсановым), а другим лишь после ее завершения (Базаров в памяти родителей).

«Тургенев, – подчеркивает А. Б. Есин, – поставил своей художественной задачей не столько объяснить, растолковать существо психологических процессов, сколько *воссоздать* душевное состояние предельно отчетливо, внятно для читателя» [7, с. 86–87]. Поэтически близкий метод использовал и И. П. Шамякин, однако тургеневские образы не стали художественным лекалом для шамякинских персонажей. Белорусский прозаик осмыслил тургеневскую тему по-своему, дал ей более оптимистичное, чем сам автор, воплощение. Это обстоятельство могло быть связано не только с созидательным пафосом советской действительности, литературным контекстом утверждаемого в искусстве соцреализма (Шамякин был верен его установкам [13, с. 21]), но и с внутренними эстетическими принципами самого художника, с национальным характером его творческого сознания, особым психологизмом его произведений.

Таким образом, приобщенность к миру персонажей русской классики получила в малой прозе Ивана Шамякина многоуровневое развитие: через авторскую сопоставительную характеристику (Вика из «Детей учительницы»), самоидентификацию литературной личности (Валя из «Метели»), номинативную соотнесенность («Отцы и дети»), сюжетно-ролевое построение эпизода (поступок Степана Чабреца).

Как об этом пишет Т. И. Шамякина, И. П. Шамякин выступил в белорусской литературе как последователь Я. Коласа, М. Зарецкого, М Лынькова. Однако «не менее значительное влияние на него оказали русские гении», «тургеневский гармоничный стиль, толстовский психологизм, лаконизм, острую и меткую деталь А. Чехова – все это можно заметить в стиле И. Шамякина» [14, с. 262], – подчеркивает профессор Белорусского государственного университета.

Как мы полагаем, прием художественной реконструкции хрестоматийных образов русской прозы (когда автор брал за основу прецедентную портретную или событийную модель, но наполнял ее совершенно новым, беспрецедентным идейным, социальным, ситуационным содержанием) стал одной из главных отличительных особенностей творческого стиля Ивана Шамякина. Выбор этой художественной стратегии в комплексе с адаптацией опыта белорусской классики способствовал формированию национального характера творческого сознания писателя, а выразился этот характер не только в раскрытии темпераментов литературных героев, но и в актуализации исторических и социально значимых тем и вопросов.

---

1. Райгоша В. П. Белорусская поэзия XX столетия в контексте восточнославянских литератур (типология, рецепция, художественный перевод): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1993. 91 с.

2. Адамович Г. Е. Белорусская и мировая литературная классика: рецепция, типология, контекст: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Минск, 2012. 45 с.

3. Белорусская и русская литературы: типология взаимосвязей и национальной идентификации: материалы Междунар. науч. конф., Минск, 18–19 апреля 2012 г. Ин-т яз. и лит. им. Я. Коласа и Я. Купалы НАН Беларуси. Минск: Право и экономика, 2012. 420 с.

4. Адамович А. М. Горизонты белорусской прозы. М.: Совет. писатель, 1974. 318 с.

5. Шамякин И. П. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. Глубокое течение: роман; Рассказы 1950–1970 гг. / пер. с белорус., вступ. ст. В. А. Коваленко. Л.: Худ. лит., 1987. 496 с.

6. Городницкий Е. А. Повесть Ивана Шамякина «Торговка и поэт»: жанр, композиция, голоса автора и героя // Полымя. 2013. № 5. С. 130–134.

7. Есин А. Б. Психологизм русской классической литературы. М.: Просвещение, 1988. 176 с.

8. Шульц С. А. Роль праздника в художественной структуре драмы А. П. Чехова «Три сестры» // Филолог. науки. 2000. № 2. С. 24–31.

9. Афанасьев Э. С. Пьеса А. П. Чехова «Три сестры»: ироническая драма // Рус. словесность. 2008. № 8. С. 6–11.

10. Городницкий Е. А. Нарративная структура романа Ивана Шамякина «Снежные зимы» // Веснік МДПУ імя І.П. Шамякіна. 2008. № 3 С. 44–48..

11. Эткинд Е. Г. «Внутренний человек» и внешняя речь. Очерки психо-поэтики русской культуры XVIII–XIX вв. М.: Шк. «Яз. рус. культуры», 1999. 448 с.

12. Мушинский М. И. Война, женщина, любовь в повести «Торговка и поэт» Ивана Шамякина // Роднае слова. 2011. № 1. С. 15–20.

13. Штейнер И. Ф. «Поклон тебе, известная кузница кадров». Иван Шамякин и Гомельский государственный университет // Роднае слова. 2011. № 1. С. 21–24.

14. Шамякина Т. И. Социальная проблематика Творчества И. Шамякина в восприятии современных читателей // Язык и социум: материалы VII Междунар. науч. конф., г. Минск, 1–2 декабря 2006 г.: в 2 ч. Ч. 1 / под общ. ред. Л. Н. Чумак. Минск: РИВШ, 2007. С. 261–264.

© Бестолков Д. А., 2016

ПЕДАГОГИКА

Алексеенко В. В.
Педагогическая деятельность в условиях информатизации образования

Дроботенко Ю. Б., Макарова Н. С.
Перспективные модели научно-методического сопровождения деятельности базовых кафедр педагогического университета

Мацько Д. С.
Алгоритм как средство обучения будущих учителей неязыковых специальностей правилам чтения английского языка

Литвиненко Ю. Ю.
Методический потенциал аудиовизуальных средств на занятиях по русскому языку как иностранному (из опыта работы)

Мурашкина А. В.
Формы и специфика организации обучения русскому как иностранному (на примере курсов для подготовки к сдаче комплексного экзамена по русскому языку, истории России и основам законодательства РФ)

Федоров В. М.
Организационная культура как детерминанта повышения эффективности управления опорного университета

Фесенко О. П.
Возможности электронного учебника по дисциплине «Русский язык и культура речи» (для курсантов военных вузов)

Шалацкая Т. П., Леонова К. В.
Изучение повести Н. М. Карамзина «Бедная Лиза» с использованием интерактивных методов

Шульга Е. В., Шульга В. И.
Способность к выбору профессии в возрасте 18–19 лет

УДК 378

В. В. Алексеенко
V. V. Alexeenko

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАТИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

На основании сопоставления различных источников уточнено содержание понятия «информатизация образования». Описываются основные затруднения педагогов при использовании ИКТ в своей профессиональной деятельности.

Ключевые слова: информатизация образования, педагогическая деятельность, информационно-коммуникационные технологии.

TEACHING ACTIVITY IN THE CONDITIONS OF EDUCATION INFORMATIZATION

The article clarifies the concept of “Education Informatization” by comparing different sources and describes the main teachers’ difficulties using ICT in their professional activities.

Keywords: education informatization, teaching activity, information and communication technologies.

Рост информационных потребностей общества, направленных на получение полной, достоверной и своевременной информации, нарастание информационных потоков создают предпосылки для развития процессов информатизации образования, среди которых можно выделить:

− наличие социального заказа на специалиста, владеющего современной вычислительной техникой и новыми информационными технологиями;

− создание общественно-политических и экономических условий, стимулирующих развитие информационной культуры, овладение компьютерной грамотностью каждым членом общества;

− интеллектуализация большинства видов профессиональной деятельности, требующая от людей знания и применения современных информационных технологий, позволяющих эффективнее работать и больше зарабатывать [1, с. 45–49].

Процесс, обеспечивающий переход к информационному обществу, получил название информатизации и нашел отражение во всех сферах жизнедеятельности человека, в том числе и в образовании. Вопросам профессиональной подготовки студентов к педагогической деятельности в условиях информатизации образования, использованию информационных технологий в процессе обучения посвящены исследования многих ученых [2, с. 3]. Процессы информатизации, по мнению М. П. Лапчика, в сфере образования в настоящее время происходят во многом стихийно: каждая образовательная организация развивается в зависимости от конкретных социально-экономических условий и возможностей. Проблема информатизации образования заключается еще и в том, что смысл термина «информатизация» нередко сводится только к пониманию необходимости оснащения школ компьютерами и программными продуктами для обеспечения компьютерной грамотности или освоения информационных технологий как нового компонента содержания образования. Между тем информатизация образования – это многофакторный и сложный процесс. Прежде всего, это процесс преобразования миропонимания самых разных категорий и слоев современного общества, мировоззрение большей части которого формировалось в докомпьютерную эпоху. У многих до сих пор существует так называемый «психологический барьер», который не позволяет адекватно воспринимать информационные технологии как средство повышения эффективности педагогической деятельности [3, с. 126].

«Деятельность педагогическая – профессиональная деятельность, направленная на создание в педагогическом процессе оптимальных условий для воспитания, развития и саморазвития личности воспитанника и выбора возможностей свободного и творческого самовыражения. Деятельность педагогическая обусловливается уровнем профессионального сознания учителя, овладением им педагогической технологией, педагогической техникой» [4, с. 37].

Для раскрытия сущностных характеристик понятия «информатизация образования» воспользуемся структурно-частотным анализом.

Данный вид анализа включает в себя следующие этапы:

– определение тематических блоков, наиболее значимых для системы методов и приемов исследования;

– выделение единиц – признаков понятия, т. е. практически значимых предложений;

– установление индикаторов признака в тексте;

– составление и заполнение таблицы для систематизации выделенных признаков;

– нахождение наиболее часто встречающихся в текстах мнений, т. е. определение ранга признака и качественный анализ зафиксированных мнений специалистов.

На основе таблицы 1 составим сводную таблицу основных структурных элементов понятия «информатизация образования», встречающихся в педагогических исследованиях (таблица 2).

Сущностные характеристики, выявленные в результате анализа различных трактовок понятий «информатизация образования», позволяют сформулировать следующее определение понятия «информатизация образования» – это процесс преобразования, направленный на внедрение в обучение и воспитание информационной продукции, средств, технологий для реализации психолого-педагогических целей обучения и воспитания.

Таблица 1

Структурирование содержания понятия «информатизация образования»

№	*Определение понятия*	*Источник*	*Основные элементы понятия, отражающие изменения в педагогической деятельности*
1.	Информатизация образования – процесс подготовки человека к полноценной жизни в условиях информационного общества	Учебное пособие «Педагогическая информатика» под ред. В. П. Соломина, РГПУ им. А. И. Герцена, 2006 г., с. 125	– процесс подготовки человека; – к полноценной жизни в условиях информационного общества
2.	Информатизация образования представляет собой научно-практическую деятельность, направленную на применение компьютерных технологий для сбора, хранения, обработки и распространения информации, обеспечивающую систематизацию имеющихся и формирование новых знаний в сфере образования для достижения психолого-педагогических целей обучения и воспитания	Елистратова Н. Н. Современные проблемы информатизации высшего образования	– научно-практическая деятельность; – применение компьютерных технологий; – сбор, хранение, обработка и распространение информации; – систематизация имеющихся и формирование новых знаний в сфере образования; – для достижения психолого-педагогических целей обучения и воспитания
3.	Под информатизацией образования понимается процесс обеспечения сферы образования теорией и практикой разработки и использования современных информационных технологий, ориентированных на реализацию психолого-педагогических целей обучения и воспитания	Терминологический словарь. URL: http://www.ict.edu.ru/ ft/ 003621// dict.html	– процесс обеспечения сферы образования; – использование современных информационных технологий; – на реализацию психолого-педагогических целей обучения и воспитания
4.	Под информатизацией образования понимается комплекс социально-педагогических преобразований, связанных с насыщением образовательных систем информационной продукцией, средствами и технологиями через использование в учреждениях системы образования цифровых информационных средств, а также информационной продукции и педагогических технологий, базирующихся на этих средствах	Российская педагогическая энциклопедия: В 2 т. М.: Большая Российская энциклопедия. 1993. Т. 1.	– комплекс социально-педагогических преобразований; – насыщение образовательных систем информационной продукцией, средствами и технологиями; – использование в учреждениях системы образования цифровых информационных средств, информационной продукции и педагогических технологий
5.	Информатизация образования – это целенаправленная деятельность по разработке и внедрению информационно-коммуникационных технологий: – в учебный процесс для подготовки граждан к жизни и деятельности в условиях современного информационного общества; повышения качества общеобразовательной и профессиональной подготовки специалистов на основе широкого использования информационно-коммуникационных технологий; – в управление системой образования для повышения эффективности и качества процессов управления; – в методическую и научно-педагогическую деятельность для повышения качества работы педагогов	Прокудин Д. Е. Информатизация образования в развивающемся информационном обществе». Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 5 (11): в 4-х ч. Ч. IV. С. 157–162.	– целенаправленная деятельность по разработке и внедрению информационно-коммуникационных технологий; – в учебный процесс; – в управление системой образования; – в методическую и научно-педагогическую деятельность
6.	Информатизация образования – комплекс мер по преобразованию педагогических процессов на основе внедрения в обучение и воспитание информационной продукции, средств, технологий	Педагогика. Учебное пособие для студентов педагогических вузов и педагогических колледжей / под ред. П. И. Пидкасистого. М.: Педагогическое общество России, 1998. С. 186.	– комплекс мер по преобразованию педагогических процессов; – внедрение в обучение и воспитание информационной продукции, средств, технологий
7.	Информатизация образования – процесс, направленный на реализацию замысла повышения качества содержания образования, проведение исследований и разработок, внедрение, сопровождение и развитие, замену традиционных технологий на более эффективные во всех видах деятельности в национальной системе образования России	«Концепция информатизации сферы образования РФ», 1998 г.	– процесс; – реализация замысла повышения качества содержания образования; – проведение исследований и разработок; – внедрение, сопровождение и развитие; – замена традиционных технологий на более эффективные

Таблица 2

Основные структурные элементы понятия «информатизация образования»

№	*Основные элементы*	*Номера определений*	*Сумма*
1	Процесс	1, 3, 7	3
2	Деятельность	2, 5	2
3	Комплекс	4, 6	2
4	Внедрение	5, 6, 7	3
5	Преобразование	4, 6	2
6	Систематизация имеющихся и формирование новых знаний в сфере образования	2	1
7	Реализация/достижение психолого-педагогических целей обучения и воспитания	2, 3	2

Исходя из этого, можно говорить о таких изменениях педагогической деятельности в условиях информатизации, как ее насыщение информационной продукцией, средствами и технологиями, которые позволят более эффективно организовывать собственную работу и работу обучающихся.

Однако эффективная организация собственной работы с использованием средств ИКТ в образовании немыслима без готовности педагогов к использованию таких средств в своей профессиональной деятельности. При этом по мере внедрения ИКТ в образование многие преподаватели испытывают затруднения в силу следующих факторов:

1. изменение роли преподавателя в учебном процессе;
2. усиление консультационной и корректировочной функции педагогической деятельности преподавателя;
3. избыток научной и учебной информации;
4. искажение первоисточников;
5. возрастание требований к профессиональной подготовке педагога в области основной и смежных дисциплин;
6. повышение требований к личностным, общекультурным, коммуникативным качествам преподавателя;
7. большинство преподавателей испытывают существенный психологический барьер перед освоением компьютерной техники и использованием информационных ресурсов в обучении, который обычно маскируется сомнениями относительно педагогических возможностей названных средств и технологий. Иногда такая недооценка объясняется поверхностным знакомством с сущностью процессов информатизации образования;
8. внедрение ИКТ в учебный процесс часто воспринимается как простое переложение известного преподавателю содержания и представление его обучающимся с помощью компьютерных средств. Таким образом, такой подход оставляет неиспользованными колоссальные возможности активизации наглядно-образного и теоретического образного мышления обучаемых.

Профессиональная деятельность в условиях информатизации образования требует от педагогов дополнительных компетенций, позволяющих им организовывать свою работу при помощи информационных технологий. Для этого можно выделить этапы повышения квалификации преподавателей:

1. На первой стадии преподаватель должен освоить элементарные навыки работы с компьютером, получить первое представление о наиболее распространенных пакетах программ универсального назначения, научиться работать с текстовыми редакторами, электронными таблицами.
2. На второй стадии он осваивает работу с известными для его предметной области готовыми компьютерными учебными программами, средствами телекоммуникационного взаимодействия с коллегами и обучающимися, средствами доступа к мировым источникам информации.
3. На третий стадии преподаватель адаптирует и применяет учебные программы и информационные продукты непосредственно в своей профессиональной деятельности.
4. На четвертой стадии преподаватель уже готовится сам разрабатывать какие-либо электронные информационные продукты для использования их в своей педагогической деятельности.

1. Жданов В. С. Проблемы информатизации образования // Информац. о-во. 1990. Вып. 4. С. 45–49.

2. Диких Э. Р. Подготовка студентов бакалавриата к профессиональной педагогической деятельности в информационно-образовательном пространстве: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Омск, 2014. 24 с.

3. Лапчик М. П. ИКТ-компетентность педагогических кадров. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2007. 144 с.

4. Коджаспирова Г. М., Коджаспиров А. Ю. Педагогический словарь. М.: Издат. центр «Академия», 2001. 176 с.

© Алексеенко В. В., 2016

УДК 378.1

Ю. Б. Дроботенко, Н. С. Макарова
Yu. B. Drobotenko, N. S. Makarova

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ МОДЕЛИ НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БАЗОВЫХ КАФЕДР ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА*

В статье поднимается проблема обоснования моделей научно-методического сопровождения деятельности базовых кафедр педагогического университета. Указываются основные направления деятельности базовых кафедр, обоснована необходимость пересмотра существующей практики научно-методической работы школы в условиях модернизации общего и высшего педагогического образования. На основе анализа публикаций определены ключевые принципы, этапы и функции научно-методического сопровождения, представлена сравнительная характеристика кластерной и коллаборативной моделей научно-методического сопровождения деятельности базовых кафедр педагогического университета.

Ключевые слова: научно-методическая работа, непрерывное профессиональное образование, модели научно-методического сопровождения, профессиональная компетентность педагогов, базовая кафедра.

PERSPECTIVE MODELS OF SCIENTIFIC-METHODICAL SUPPORT OF THE ACTIVITY OF UNIVERSITY-SUPERVISED BASIC CHAIR AT SCHOOL

The problem of identifying and proving the models of scientific-methodical support of the activity of university-supervised basic chairs at schools is discussed in the article. The authors show the main directions of the activity of university-supervised basic chairs at schools as well as explain the necessity to reconsider the established practice of scientific-methodical work at school in the conditions of school and University education modernization. The key principles, stages and functions of scientific-methodical support; comparative characteristics of cluster-based and collaboration-based models of scientific-methodical support of the activity of university-supervised basic chairs at schools are presented in the article with the help of publications analysis.

Keywords: scientific-methodical work, continuing professional education, models of scientific-methodical support, teachers' professional competence, University-supervised basic chair at school.

В современных условиях особую значимость приобретает непрерывное профессиональное развитие педагога, обеспечивающее его готовность работать в формирующейся новой культурной и трудовой реальности. Необходимость непрерывного профессионального развития также обусловлена сегодня процессом модернизации образования, который привел к расширению спектра трудовых функций [1]. С другой стороны, этот же процесс явился причиной более жесткой регламентации педагогической деятельности посредством ее стандартизации.

Методическая деятельность педагогов традиционно рассматривается как основное средство их профессионального развития. Информирование педагогов об установленных нормативными документами новых требованиях к педагогической деятельности является, безусловно, важным ориентиром в обеспечении ее качества, но оставляет открытыми вопросы о способах определения соответствия этим требованиям и достижения обозначенных в Федеральном государственном образовательном стандарте и Профессиональном стандарте педагога результатов. Кроме этого, основные затруднения у педагогов возникают при организации образовательного процесса с учетом новых требований, что определяет необходимость адресной методической помощи, направленной на решение практических задач в конкретном образовательном учреждении.

Освоение педагогами новых ролей и профессиональных позиций [2] диктует необходимость организации внутрифирменного обучения. Как указывают О. Е. Лебедева, О. В. Акулова, С. А. Писарева, внутрифирменное обучение предполагает организацию процесса обучения педагогов непосредственно на рабочем месте, в образовательном учреждении. Исследователи подчеркивают, что внутрифирменное обучение ориентировано на задачи школы, интересы и затруднения конкретных педагогов, что позволяет своевременно разрешать и, возможно, предупреждать ухудшение качества образовательного процесса и его результата. Одновременно подобный вид повышения квалификации способствует созданию профессиональных контактов, особой рефлексивной среды, содействующей саморазвитию и самообразованию самих учителей [3, с. 45]. Внутрифирменное обучение обеспечивает дифференцированный и индивидуальный подход к методическому сопровождению педагогов-практиков посредством предоставления им возможности определения маршрута и режима занятий, а также выбора необходимого содержания образования.

Однако такой формат работы часто оказывается материально затратным для образовательного учреждения. Помимо этого, без соответствующего научно-методического сопровождения качество внутрифирменного обучения может оказаться не на том уровне, который предполагалось достичь с его помощью; полученный в процессе внутрифирменного обучения опыт и сформированные компетенции могут оказаться невостребованными, т. к. педагоги часто самостоятельно определяют собственные профессиональные «дефициты», не соотнося их с запросами конкретного образовательного учреждения.

* Исследование проведено при финансовой поддержке Минобрнауки России (проект 27.168.2016/ НМ)

Современные исследователи профессионального развития педагогов (М. Н. Певзнер, М. М. Поташник и др.) отмечают, что помимо традиционных форм последипломного обучения учителям необходима система научно-методического сопровождения их деятельности на местах, предполагающая освоение новых профессионально-личностных траекторий [4].

Сегодня получает развитие практика организации базовых кафедр педагогического вуза в учреждениях общего образования как нового формата сотрудничества между вузом и школой, обеспечивающего соответствующее научно-методическое сопровождение деятельности школы. Важным аспектом такого формата является научно-методическое сопровождение деятельности учителя, представляющее собой комплекс взаимосвязанных целенаправленных действий, мероприятий, направленных на оказание всесторонней помощи учителю в решении возникающих затруднений, способствующих его развитию и самоопределению на протяжении всей его профессиональной деятельности.

В качестве преимуществ организации сопровождения научно-методической работы педагогов в рамках работы базовой кафедры можно назвать следующие возможности:

− оформление передового педагогического опыта, выявление и распространение лучших педагогических практик;

− знакомство с достижениями психолого-педагогической науки и поиск теоретических ответов на актуальные вопросы практики;

− обсуждение профессиональных затруднений с коллегами из вуза;

− получение индивидуальных консультаций по разным вопросам педагогической деятельности и профессионального развития;

− разработка совместных образовательных и педагогических проектов;

− включение учителя в инновационную и грантовую деятельность сотрудников базовых кафедр вуза;

− включение учителя в научно-исследовательскую и опытно-экспериментальную деятельность.

Указанный перечень возможностей не является исчерпывающим, в зависимости от контекста, в котором осуществляется взаимодействие, он может быть расширен. Основными принципами организации научно-методического сопровождения деятельности базовой кафедры педагогического вуза в школе можно обозначить:

1. Практикоориентированность, подразумевающую, во-первых, необходимость учета проблем и затруднений конкретных учителей при осуществлении их профессиональной деятельности; во-вторых, учета потребностей всего образовательного учреждения.

2. Системность, раскрывающуюся в целостном представлении целей, задач, форм и методов сотрудничества между учителями школы и преподавателями педагогического вуза.

3. Систематичность и последовательность осуществляемых действий.

4. Творческий характер, способствующий гибкой нелинейной организации данного процесса.

5. Единство теории и практики при осуществлении данного процесса.

Поиск моделей научно-методического сопровождения деятельности базовой кафедры педагогического университета в школе привел к интеграции традиционных форм взаимодействия на основе непрерывной поисковой деятельности педагогических коллективов школ и их постоянного сотрудничества со специалистами вузов [4].

Обобщенная модель системы научно-методического сопровождения является упрощенным подобием реального объекта и представляет собой описание системы, отображающей совокупность взаимосвязанных компонентов (рефлексивного, смыслотворческого, проектировочного), обладающих собственными качествами и образующих целостность, обеспечивающую пробуждение внутреннего мира учителя, оказания ему помощи в определении восходящего вектора самоизменения и поддержки в решении профессиональных задач.

Выделим условия, обеспечивающие эффективность реализации моделей научно-методического сопровождения деятельности базовых кафедр:

– включение учителя в событийные общности, в которых происходит не только профессиональное, но и духовное его развитие;

− направленность сотрудничества на содействие развитию профессиональной идентичности учителя в процессе принятия и освоения профессиональных ценностей;

− использование возможностей гуманитарной экспертизы как ведущего способа оценки достижений в деятельности педагогического коллектива школы;

− совершенствование механизмов управления базовой кафедрой, направленных на мотивацию профессионального роста педагогов: психологических (система вызовов; рейтинговая накопительная система оценки достижений; карьерный рост педагога) и экономических (бонусная система денежного вознаграждения, компенсационный пакет, социальное партнерство).

Исходя из этого, можно выделить две основные модели научно-методического сопровождения деятельности базовой кафедры педагогического университета в школе – кластерную и коллаборативную.

Кластерная модель научно-методического сопровождения строится на кластерном анализе проблем и затруднений педагогов в процессе осуществления ими профессиональной деятельности. Кластеры в данном случае рассматриваются как группы близких по определенным характеристикам проблем и затруднений. Можно выделить следующие кластеры проблем и затруднений: личностный, теоретический, практический. В рамках базовой кафедры определение затруднений осуществляется в ходе совместной экспертной и аналитической деятельности работы ученых и практиков. Наше исследование показало, что в ходе работы базовых кафедр в школах г. Омска и Омской области на первый план вышли компетенции педагогов, связанные с обеспечением тьюторского сопровождения индивидуального развития школьников, имеющих особые образовательные потребности, а также с готовностью учителя к супервизии [5]. Это можно объяснить тем, что для педагогического университета, который заинтересован в развитии школы как площадки для прохождения студентами практики, важно наличие в регионе инновационных образовательных практик для

освоения студентами того нового содержания профессиональной деятельности, которое заложено в профессиональном стандарте.

На основе выделенных кластеров составляется профиль «дефицитных» компетенций учителя определенного образовательного учреждения. Профиль позволяет в сжатые сроки определить те компетенции, которыми должен обладать учитель для выполнения того или иного вида деятельности. Профиль служит основой для определения ключевых направлений научно-методической работы в рамках базовой кафедры. В последующем профиль становится средством мониторинга достижений в профессиональном развитии учителя. Наличие такого инструментария позволяет судить с одной стороны, об успешности проведенной научно-методической работы, с другой стороны, об уровне сформированности компетенций педагогов.

Коллаборативная модель научно-методического сопровождения опирается на понятие коллаборация (англ. – collaboration), которое означает особый подход к взаимодействию, предполагающий совместную работу групп учителей и преподавателей вуза по решению проблемы, выполнению функции или созданию продукта, причем в таком варианте сотрудничества обязательным является наличие общей цели, в ходе достижения которой происходит обмен знаниями, обучение участников на опыте друг друга и достижение единства позиций по ключевым вопросам. Коллаборативная модель строится на идее о том, что в ходе общения педагогов и преподавателей вуза новые знания, профессиональные умения приобретаются через активный совместный поиск информации, обсуждение и выявление смыслов и ценностей. В рамках коллаборации наиболее распространены такие формы методической работы, как проектный семинар и научное консультирование [6].

Коллаборативная модель предполагает, что методическая работа по своей сути имеет социальных характер, так как является деятельностью, в которой участники взаимодействуют, общаются друг с другом, и весь процесс осуществляется посредством общения. В рамках данной модели структурной единицей научно-методической деятельности школы становится не традиционное методическое объединение педагогов, а коллаборативная группа, т. е. группа, в которой каждый педагог способен понимать меру собственной ответственности за общее дело. Успех здесь напрямую зависит от умения всех участников создать атмосферу, которая позволяет почувствовать себя свободно, действовать творчески, быть личностью в процессе обучения. Укажем две значимые особенности создания коллаборативной модели в условиях базовой кафедры.

С одной стороны, основой коллаборации выступают отношения между всеми участниками, построенные на основе доверия, уважения и признания способностей и личного вклада в общее дело каждого из членов группы. Для этого необходимо работать над установлением единства взглядов на какие-либо проблемы, что делает возможным принятие всей группой общих целей или одних и тех же идей. С другой стороны, коллаборативная группа может рассматриваться как сообщество педагогов, в котором идеи рождаются на основе споров и обсуждений, т. е. посредством интерактивного взаимодействия. Такое построение работы дает возможность каждому участнику выступать в роли субъекта деятельности. Именно этот подход способствует развитию мотивации к методической работе.

Подводя итоги, отметим, что результатом реализации в практике каждой из этих моделей должно стать не просто совершенствование научно-методической работы школы, а ее переориентация на современные цели модернизации общего образования, достижение которых невозможно без модернизации системы подготовки педагогических кадров. Инициатива педагогического вуза в деле построения и развития сети базовых кафедр создает условия для возникновения в школе образовательных практик, устремленных в будущее. Только в такой школе студенты педагогического вуза смогут в реальной обстановке подготовиться к решению профессиональных задач завтрашнего дня.

1. Приказ Минтруда России от 18.10.2013 N 544н «Об утверждении профессионального стандарта “Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)”» (Зарегистрировано в Минюсте России 06.12.2013 № 30550), 2013. URL: http:// rg.ru/ 2013/ 12/ 18/ pedagog-dok.html (дата обращения: 10.12.2016).

2. Изменения в профессиональной деятельности педагога в контексте новой трудовой реальности: коллектив. моногр. / под общ. ред. Н. В. Чекалевой. Омск: Литера, 2015. 228 с.

3. Организация внутришкольного контроля за учебным процессом в условиях модернизации образования: материалы разработки проекта / сост. О. Е. Лебедев, О. В. Акулова, С. А. Писарева. СПб.: Обществ. ин-т развития шк., 2004. 114 с.

4. Лебедева И. В., Арифулина Р. У. Научно-методическое сопровождение процесса создания инновационной среды школы // Современные наукоемкие технологии. 2016. № 8. С. 339–343.

5. Синицына Г. П. Возможности супервизии в усилении практической подготовки педагогов // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 5. URL: https:// science-education.ru/ ru/ article/ view?id=21663 (дата обращения: 17.12.2016).

6. Дука Н. А. Формы организации взаимодействия базовой кафедры педагогического университета и общеобразовательной организации // Интернет-журнал «Мир науки». 2016. Т. 4. № 4. URL: http:// mir-nauki.com/ PDF/ 41PDMN416.pdf (дата обращения: 17.12.2016).

© Дроботенко Ю. Б., Макарова Н. С., 2016

УДК 378.141 : 811:111

Д. С. Мацько
D. S. Matsko

АЛГОРИТМ КАК СРЕДСТВО ОБУЧЕНИЯ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ НЕЯЗЫКОВЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ ПРАВИЛАМ ЧТЕНИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена проблеме организации преподавания английского языка будущим учителям неязыковых специальностей. На основе собственного опыта преподавания английского языка в высшей школе автор выявляет природу трудностей, с которыми сталкиваются студенты при изучении правил чтения английского языка. В статье обоснованы преимущества алгоритма как средства обучения будущих педагогов фонетике английского языка. Приведен авторский алгоритм обучения будущих учителей неязыковых специальностей правилам чтения английского языка.

Ключевые слова: алгоритм, будущие учителя неязыковых специальностей, обучение английскому языку, правила чтения, фонетика.

ALCORITHM AS A MEANS OF TEACHING ENGLISH READING RULES TO WOULD-BE TEACHERS OF NON-LINGUAL SPECIALTIES

The article deals with the problem of teaching English to would-be teachers of non-lingual specialties. Experience in teaching English at higher educational establishments enables the author to reveal the difficulties students face when studying English phonetics. The pros of using the algorithm in teaching English phonetics to would-be teachers are determined in the article. The author suggests using the algorithm in teaching English reading rules to would-be teachers of non-lingual specialties.

Keywords: algorithm, phonetics, reading rules, teaching English, would-be teachers of non-lingual specialties.

В настоящее время неотъемлемой составляющей профессиональной подготовки выступает обучение иностранному языку как средству международного общения, что продиктовано необходимостью постоянного совершенствования выпускником полученных знаний и приобретенных навыков. Выполнение профессиональных задач зачастую предполагает ознакомление с последними научными разработками, практическими рекомендациями и результатами исследований в избранной области, опубликованными в зарубежных изданиях. Залогом повышения специалистом своей квалификации выступает уровень владения иностранным языком как средством профессионального общения. Важность иностранного языка как компонента профессиональной культуры будущего педагога осознается педагогической общественностью и подчеркивается в нормативных документах сферы образования. Так, в Федеральном государственном образовательном стандарте высшего профессионального образования отмечается, что владение иностранным языком способствует решению выпускником профессиональным задач [1, с. 3]. На данном этапе английский язык является одним из ведущих мировых языков, имеющим статус языка международного общения, науки, культуры и спорта. По данным Европейской комиссии, граждане стран ЕС наиболее часто выбирают именно английский язык для изучения в качестве первого иностранного языка [2, с. 63].

Таким образом, особую актуальность приобретает проблема англоязычной подготовки студентов неязыковых специальностей. В последнее время процесс преподавания иностранных языков все чаще становится объектом научного интереса целого ряда зарубежных и отечественных ученых. Так, процесс становления и развития иноязычного образования в вузах России рассматривается в диссертации Л. А. Дейковой [3]. Становлению субъектной позиции студента неязыкового вуза в процессе изучения иностранного языка посвящено диссертационное исследование Н. А. Иванцовой [4]. Эффективность использования алгоритмов при обучении грамматике английского языка обосновывается в исследованиях Р. М. Карповой [5], Л. Н. Кашириной [6] и С. Ю. Николаевой [7]. Однако, на наш взгляд, возможности алгоритмизации обучения будущих учителей неязыковых специальностей правилам чтения английского языка требуют более глубокого осмысления.

Цель статьи – представить алгоритм обучения будущих учителей неязыковых специальностей правилам чтения английского языка.

По мнению Л. Н. Кашириной, дидактическая ценность алгоритма как средства обучения грамматике английского языка обуславливается возможностью сведения грамматики к конечному набору правил [6, с. 45]. Составление алгоритма обучения будущих учителей неязыковых специальностей правилам чтения английского языка требует осмысления сути понятия «алгоритм» как ключевого понятия исследования и определения трудностей обучения фонетике английского языка.

Как справедливо утверждает Д. В. Чернилевский, алгоритм представляет собой совокупность правил, определяющую эффективную процедуру решения любой задачи из некоторого заданного класса задач [8, с. 413]. Экстраполируя данное определение на проблематику нашего исследования, возьмем на себя смелость определить термин «алгоритм» как *совокупность действий, последовательное выполнение которых позволит будущим учителям неязыковых специальностей систематизировать правила чтения английского языка и корректно применять их на практике*. У научной общественности может сложиться впечатление, что использование алгоритма в про-

цессе обучения студенческой молодежи правилам чтения будет гораздо менее эффективным (особенно в сравнении с процессом обучения грамматике), поскольку правила чтения содержат целый ряд исключений. На наш взгляд, создание и использование подобного алгоритма позволит упорядочить массив информации в области фонетики английского языка.

Как показывает практика, в процессе обучения правилам чтения английского языка студенты неязыковых специальностей сталкиваются с рядом трудностей, обусловленных различиями в фонетическом строе изучаемого языка и родного языка. Все трудности мы разделили на следующие блоки:

• **трудности *произношения***, которые обусловлены следующими факторами:

1) сложной системой фонем английского языка (делением гласных фонем на монофтонги, дифтонги и трифтонги, наличием диграфов);

2) наличием в английском языке звуков, отсутствующих в русском языке: например, звука [æ], межзубных [θ] – [ð] и т. д.;

3) различиями в произношении фонем в зависимости от «окружения», например, фонемы «c» и «g» читаются как [s] и [dʒ] соответственно, если располагаются перед гласными «e», «i», «y»; в остальных случаях – как [k] и [g];

4) наличием исключений из правила – например, «get» [get];

• **трудности *деления на слоги***, что обусловлено следующими различиями:

1) в английском языке (в отличие от русского языка) некоторые согласные являются слогообразующими и «притягивают» рядом стоящие согласные фонемы;

2) в английском языке (в отличие от русского языка) ударный слог типа (C) VCV (C) не всегда является открытым;

• **трудности *определения типа слога***, что обусловлено наличием четерых типов слогов в английском языке;

• **трудности *ударения***, обусловленные существованием в английском языке трех тенденций ударения: отступающей, ритмической и тенденции уподобления.

Изучение учебников и пособий по фонетике английского языка [9–11] позволило сделать следующие выводы. *Отступающая* тенденция ударения характерна для большинства английских лексем. Согласно этой тенденции ударение падает на первый слог корня, являющийся семантическим центром слова. *Ритмическая* тенденция ударения заключается в постановке ударения на третий слог с конца. Суть тенденции *уподобления* заключается в постановке ударения в деривате (производном слове) на тот же слог, что и в «материнской» лексеме. Приставки и суффиксы являются безударными.

По мнению М. А. Соколовой, при делении на слоги следует исходить из следующих позиций. Во-первых, долгие монофтонги, дифтонги и безударные слоги находятся в открытом положении. Во-вторых, краткий ударный гласный оказывается в закрытом положении. В-третьих, согласные [l], [m], [n], находясь в конечной позиции, становятся слогообразующими. В-четвертых, соединения согласных [dr] и [br] относятся к одному слогу. В-пятых, деление на слоги происходит по удвоенной согласной [11, с. 117–120].

Говоря об особенностях образования слогов в английском языке, следует заметить, что выделяются 4 типа слогов, а именно:

I («открытый») – гласные имеют алфавитное прочтение. Слог считается открытым, если: 1) ударная гласная является конечной в слоге; 2) есть следующее сочетание: ударная гласная + согласная + конечная немая «e»;

II («закрытый)». Слог считается закрытым, если: 1) слово является односложным, заканчивающимся на согласную; 2) согласная является конечной в слоге; 3) после ударной гласной находятся две согласных «r». В закрытом типе слога гласные имеют следующее прочтение: a → [æ], e → [e], i → [i], o → [o], u → [λ], y → [i];

III – гласные имеют следующее прочтение: a → [a:], o → [o:], e/ i/ u → [ə:]. Слог считается третьим в следующих сочетаниях: 1) ударная гласная + r (конечная); 2) ударная гласная + r + согласная;

IV – гласные имеют следующее прочтение: a → [eə], e → [iə], i → [aiə], o → [o:], u → [juə], y → [aiə]. Слог считается четвертым, если ударная гласная является частью следующего сочетания: ударная гласная + r + конечная немая «e».

Говоря о четырех типах слога, мы должны упомянуть, что имеем в виду ударные слоги. В безударном положении гласные передаются в основном звуком [ə], e/ y → [i].

На наш взгляд, алгоритм обучения студентов неязыковых специальностей правилам чтения следует разделить на три блока.

I. *Деление на слоги.* Задача блока – определение количества слогов. При делении на слоги необходимо обратить особое внимание на наличие слогообразующих согласных, соединений согласных [dr] и [br], аффиксов, тип гласного звука (монофтонг, дифтонг).

II. *Определение типа ударного слога.* Задача блока – определение порядкового номера ударного слога и типа последнего. При определении ударного слога особое внимание следует обратить на количество слогов, наличие аффиксов, положение ударной гласной.

III. *Произношение фонем.* Задача блока – определение правил произношения фонем. При определении произношения следует учитывать влияние «окружения» (рядом стоящих фонем) на произношение той или иной фонемы.

Следует сказать, что наличие целого ряда исключений из правил чтения, существующих в английском языке, делает практически невозможным отражение в алгоритме всех особенностей чтения в английском языке. Следовательно, алгоритм должен представлять собой не совокупность правил чтения (как при обучении грамматике), а отражать последовательность действий обучающихся по применению знаний в области фонетики английского языка.

Ниже приводим авторский алгоритм по обучению студентов неязыковых специальностей правилам чтения английского языка.

I. Деление на слоги:

1. Определить наличие слогообразующих согласных [l], [m], [n] и их позицию в слове.

2. Определить наличие соединений [dr], [br].

3. Определить наличие аффиксов и основы.

II. Определение типа ударного слога:

4. Определить ударный слог.

5. Определить тип ударного слога в зависимости от положения ударной гласной в слоге.

III. Произношение фонем:

6. Определить особенности произношения фонем в зависимости от их положения в слове.

7. Определить, не является ли лексема исключением из общего правила.

Проиллюстрируем «работу» предложенного нами алгоритма на примере нескольких лексем. Допустим, нам необходимо прочитать лексему *cycling.* Данная лексема образована от лексемы *cycle,* где *ing* – суффикс отглагольного существительного (видо-временной формы Continuous). *l* – слогообразующая фонема, поскольку находится в безударном положении. Как результат, деление на слоги происходит следующим образом: *cycle*→ *cy-cle*. Ударный слог – первый слог корня. Как результат, фонема *y* произносится как в алфавите. Фонема *c*, находясь в первом случае перед *y*, читается как [s], во втором – как [k]. Соответственно, *cycle* читаем как [sai-kl]. Сочетание *ng* в конце слова произноситься как [ŋ]. Соответственно, суффикс *ng* читаем [ŋ]. Таким образом, лексему *cycling* следует читать [saikliŋ].

Изучение английского языка выступает неотъемлемой составляющей профессиональной подготовки будущих учителей неязыковых специальностей. Обучение правилам чтения английского языка является необходимым условием качественной языковой подготовки будущих специалистов. Эффективность использования алгоритмов в процессе преподавания фонетики английского языка обуславливается наглядностью последнего, возможностью отразить в алгоритме последовательность действий обучающихся, что особенно актуально для подготовки студентов неязыковых специальностей, зачастую не обладающих развитым языковым чутьем.

Автором доказано, что алгоритм по обучению будущих учителей неязыковых специальностей правилам чтения в английском языке должен отражать, по крайней мере, три блока: 1) деление на слоги, 2) определение типа ударного слога, 3) особенности произношения фонем. Предложенный алгоритм отражает последовательность применения студентами полученных знаний по фонетике английского языка.

Безусловно, материал статьи не охватывает все проблемные вопросы обучения студентов неязыковых специальностей фонетике английского языка. Автор был бы благодарен ученым, преподавателям высшей школе и учителям-практикам за замечания по использованию алгоритмов в процессе обучения студенческой молодежи фонетике английского языка и пожелания по совершенствованию обучения английскому языку студентов неязыковых специальностей.

---

1. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 035700 «Лингвистика» (квалификация (степень) «бакалавр»). URL: http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgos/32/20111115120152.pdf (дата обращения: 13.05.2015).

2. Fakten und Zahlen zur Europaischen Union. Luxemburg: Amt fuer aemtliche Veroeffentlichungen der Europaischen Gemeinschaften, 2004. 80 p.

3. Дейкова Л. А. Становление и развитие иноязычного лингвистического образования в вузах России (историографический аспект): дис. ... канд. пед. наук. Ульяновск, 2011. 220 с.

4. Иванцова Н. А. Становление субъектной позиции студента неязыкового вуза в процессе изучения иностранного языка: автореф. дис. … канд. пед. наук. Улан-Удэ, 2011. 24 с.

5. Карпова Р. М. Опорные схемы для обучения немецкому языку // Иностранные яз. в шк. 2000. № 2. С. 37–40.

6. Каширина Л. Н. Алгоритмы в обучении грамматике французского языка // Иностранные яз. в шк. 2000. № 4. С. 44–46.

7. Методика навчання іноземних мов у середніх навчальних закладах / за ред. С. Ю. Ніколаєвої. Кіев: Ленвіт, 1999. 320 с.

8. Чернилевский Д. В. Дидактические технологии в высшей школе: учеб. пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. 437 с.

9. Практический курс английского языка: учеб. / под ред. В. Д. Аракина. М.: Гуманитар. издат. центр ВЛАДОС, 1997. 320 с.

10. Рубцова М. Г. Полный курс английского языка: учеб.-самоучитель. М.: Канон, 1995. 544 с.

11. Теоретическая фонетика английского языка: учеб. для студентов ин-тов и фак. иностран. яз. / М. А. Соколова и др. М.: Гуманитар. издат. центр ВЛАДОС, 1996. 286 с.

© Мацько Д. С., 62016

УДК 372.881.116.11

Ю. Ю. Литвиненко
Yu. Yu. Litvinenko

МЕТОДИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ АУДИОВИЗУАЛЬНЫХ СРЕДСТВ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ (из опыта работы)

Статья посвящена описанию опыта применения заданий с аудиовизуальным сопровождением на занятиях по русскому языку как иностранному. Целевой аудиторией данного методического эксперимента являются слушатели подготовительного отделения (полиэтническая группа). Приводятся варианты упражнений, которые может использовать преподаватель, работая по учебнику Антоновой В. Е., Нахабиной М. М., Толстых А. А. «Дорога в Россию» (элементарного, базового и первого уровней) и желая сделать процесс обучения более эффективным и интересным.

Ключевые слова: методика обучения русскому языку, русский язык как иностранный, аудиовизуальные средства, средства обучения, виды речевой деятельности, аудирование, говорение, принцип коммуникативной направленности.

METHODICAL POTENTIAL OF AUDIOVISUAL AIDS AT THE LESSONS OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE (based on working experience)

The article describes the experience of using tasks with audiovisuals at the lessons of Russian as a foreign language. The target group of this methodical experiment is students of the preparatory course (a multi-ethnic group). A variety of exercises that can be offered by the teachers who use V.E. Antonova, M.M. Nakhabina and A.A. Tolstyh's textbook "The Way to Russia" (elementary, basic and the first level) and want to make the process of leaning more effective and interesting is given.

Keywords: Russian language teaching methods, Russian as a foreign language, audiovisual aids, training resources, language activities, listening, speaking, principle of communicative approach.

Цель настоящей работы – описание опыта использования различных аудиовизуальных средств на занятиях по русскому языку как иностранному. В качестве исследуемой группы выступили слушатели подготовительного отделения, обучающиеся в течение двух лет по пособию Антоновой В. Е., Нахабиной М. М., Толстых А. А. «Дорога в Россию» (элементарного, базового и первого уровней).

Для начала раскроем ряд методических вопросов. Дидактическое понятие «средства обучения» определяется как «комплекс учебных пособий и технических приспособлений, с помощью которых осуществляется управление деятельностью преподавателя по обучению языку и деятельностью учащихся по овладению языком» [1, с. 42]. Многие современные обучающие комплексы по русскому языку как иностранному включают в себя следующие компоненты:

– пособие для учащихся (учебник, рабочая тетрадь, справочник и пр.),

– пособие для учителя (методические указания, сборник дидактических материалов и пр.),

– аудиоприложение (компакт-диск с записями фонетических упражнений, диалогов, тестовых заданий, музыки и т. д.).

Остановимся на значимости последнего компонента. При этом заметим, что, с одной стороны, наличие готового аудиоприложения облегчает преподавателю поиск необходимых материалов, подготовку фрагментов для прослушивания, предоставляет возможность выбора заданий и варьирования плана урока. С другой стороны, отсутствие данного компонента в учебном комплексе не означает невозможность применения аудио- и видеосредств для сопровождения урока, для решения тех или иных задач. При желании преподаватель всегда сможет найти задания, позволяющие использовать новую форму работы. Мы покажем такие возможности на ряде примеров.

Аудиовизуальные средства занимают особое место в методике обучения русскому языку как иностранному, поскольку позволяют интенсифицировать и индивидуализировать учебный процесс, разнообразить занятие благодаря введению актуального и занимательного для учеников материала. Отбор тех или иных слуховых, зрительных, зрительно-слуховых средств определяется преподавателем, в первую очередь, в соответствии с программой, планом занятия, уровнем языковой подготовки учеников, а также с учетом различных экстралингвистических факторов (таких, как удовлетворение интересов учащихся, введение страноведческого аспекта, решение различных воспитательных задач и пр.).

Залогом успеха использования отобранного материала является его основательная подготовка. Как известно, методика работы с текстами, предъявляемыми для аудирования или чтения, включает три этапа: предварительная работа с текстом, собственно предъявление текста (его слуховое и/или зрительное восприятие), послетекстовая работа. На первом этапе необходимо ввести учеников в тему текста, подготовить их к его восприятию, снять возможные лексические трудности, способствовать развитию языковой догадки. Для второго этапа значимым является способ преподнесения материала (весь текст дается полностью или частями, каково количество повторов и пр.). Послетекстовая работа заключается в проверке понимания услышанного и/или увиденного, а также в подготовке к продуктивным видам речевой деятельности (говорению и письму) на основе предложенного материала [2, с. 157–164].

Приведем примеры использования различных аудиовизуальных средств из собственного опыта обучения слушателей подготовительного отделения. Группа характеризуется полиэтническим составом (студенты из Китая, Вьетнама, Конго,

Америки, Туркменистана), базовым уровнем владения русским языком. Как уже было отмечено выше, в течение двух лет обучение данных слушателей ведется по комплексу «Дорога в Россию» (элементарный, базовый, первый уровни) с использованием не только готового аудиоприложения (с записями диалогов, микротекстов и т. д.), но и специально подобранных преподавателем аудио- и видеофрагментов, позволяющих сделать учебный процесс интереснее и эффективнее. Остановимся на некоторых вариантах данной работы.

Многие упражнения и тексты в учебнике предрасположены к тому, чтобы получить музыкальное сопровождение. Так, на элементарном уровне нередки задания типа «Спросите у преподавателя, кто эти люди? Скажите, как их зовут? Где они сейчас?», предложенные к фотографиям популярных певцов, например Алсу и Николая Баскова (урок № 5, упражнение 23), Аллы Пугачевой (урок № 6, упражнение 4). Вполне естественно, что знакомство с этими артистами не ограничивается фотографией в учебнике, а расширяется за счет просмотра видеоклипов на их самые популярные песни. Цель подобной работы – дать представление о российской эстраде, поговорить о музыке на уровне «нравится – не нравится», попытаться представить общую идею той или иной песни, естественно, без подробного анализа ее содержания.

В качестве иллюстративного материала к заданию на тему «Винительный падеж: конструкция *кто похож на кого*» (базовый уровень, урок № 2, упражнение 10) был привлечен видеоклип с участием Олега и Родиона Газманова, чьи фотографии даны в упражнении, и фрагмент выступления близнецов – сестер Толмачевых – на конкурсе «Евровидение–2014». Цель работы – сделать беседу о том, почему можно сказать, что люди похожи друг на друга, более живой, свободной и интересной. А любимая нашими африканскими студентами песня Леонида Агутина «Парень чернокожий», в которой четко различимы на слух словосочетания «не похожий на тебя, не похожий на меня», была использована для закрепления изучаемой грамматической конструкции. Помимо этого, в качестве дополнительных устных заданий и письменной работы по изучаемой теме группе был предложен просмотр мультипликационного фильма «Что на что похоже» (1974 г.).

Во многих случаях музыкальное сопровождение позволяет углубить понимание смысла прочитанного в учебнике текста. С этой целью, к примеру, был использован видеоклип на песню Игоря Талькова «Чистые пруды», который учащиеся посмотрели после изучения текста об этой старой московской улице (базовый уровень, урок № 1, упражнение 4). Беседа о содержании песни, ее настроении помогла ребятам точнее ответить на вопрос о том, почему людям бывают дороги какие-то места. Для большей визуализации содержания и текста, и песни на уроке демонстрировались и обсуждались слайды с современными видами Чистых прудов.

Помимо эстрадных мелодий на уроках используются и классические произведения. Так, мы посчитали необходимым сопроводить микротекст о биографии композитора Д. Д. Шостаковича (первый уровень, урок № 1, упражнение 2) аудиозаписью фрагмента его Седьмой симфонии и презентацией о блокаде Ленинграда. Цель работы – углубить представление иностранцев о Великой отечественной войне, о роли искусства в борьбе за мир, о патриотизме отдельного человека и всего народа.

Упоминание об опере «Князь Игорь» А. П. Бородина (первый уровень, урок № 1, упражнение 11) было дополнено прослушиванием одной из самых популярных ее частей – песни «Улетай на крыльях ветра» (в классическом варианте и современных обработках). Познакомившись с текстом песни сначала путем аудирования, а затем чтения учащиеся высказали свое мнение о значении родины в жизни человека. Через несколько дней с целью проверки, насколько закрепился в памяти новый материал, ребятам был предложен видеофрагмент церемонии открытия Олимпийских игр–2014, где звучит упомянутая выше песня. К нашей радости, иностранцы узнали мелодию, вспомнили название песни, оперы и фамилию ее автора. Помимо этого, состоялась продуктивная беседа о значении данной песни в рамках открытия Олимпиады и о том, какими символами была представлена здесь Россия.

Стоит отметить, что обращение к видеозаписи церемонии открытия Олимпиады-2014 может быть неоднократным и приспособленным для решения многообразных учебных задач. К примеру, начальный эпизод церемонии открытия – «Русский алфавит», в котором названы не только символизирующие Россию понятия, но и имена многих значимых для страны людей (например, Н. Жуковского, К. Циолковского), хорошо вписался в план занятия, посвященного выдающимся изобретателям и ученым (первый уровень, урок № 1, упражнение 20). Данный аудиовизуальный материал позволил не только решить частные задачи изучения одной лексико-грамматической темы, но и расширить общие страноведческие представления иностранцев о России.

В статье описаны лишь некоторые отдельные примеры использования аудиовизуальных средств при обучении русскому языку как иностранному. В нашей методической копилке имеется довольно большой запас сюжетов из телепередач (например, из «Доброго утра» на «Первом канале»), различные интервью с популярными людьми (например, с Сергеем Бодровым), короткометражные фильмы (в первую очередь, из журнала «Ералаш») и многое другое. На наш взгляд, заинтересованный в результате педагог должен находить яркие, познавательные обучающие материалы и делать урок информационно и эмоционально насыщенным.

В заключение отметим, что использование аудиовизуальных средств способствует реализации ведущего дидактического принципа в методике обучения русскому языку как иностранному – принципа коммуникативной направленности, а также частных принципов, определяющих содержание и методы обучения: принципов функциональности, наглядности, ситуативности, активности, сознательности, прочности, последовательности, страноведческой направленности.

1. Методика преподавания русского языка как иностранного для зарубежных филологов-русистов / под ред. А. Н. Щукина. М.: Рус. яз., 1990. 231 с.

2. Капитонова Т. И., Московкин Л. В. Методика обучения русскому языку как иностранному на этапе предвузовской подготовки. СПб.: Златоуст, 2006. 272 с.

© Литвиненко Ю. Ю., 2016

УДК 372.881.116.11

А. В. Мурашкина
A. V. Murashkina

ФОРМЫ И СПЕЦИФИКА ОРГАНИЗАЦИИ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ КАК ИНОСТРАННОМУ (на примере курсов для подготовки к сдаче комплексного экзамена по русскому языку, истории россии и основам законодательства РФ)

В статье освещается специфика подготовки к комплексному экзамену по русскому языку как иностранному, истории России и основам законодательства РФ; описываются трудности, с которыми сталкиваются иностранные граждане при подготовке и прохождении государственного тестирования, а также приводятся технологии, способствующие повышению результативности.

Ключевые слова: комплексный экзамен, мигранты, разрешение на работу, технология сигнальных слов, фреймовый подход.

FORMS AND SPECIFICS OF ORGANIZING RUSSIAN AS A FOREIGH LANGUAGE TEACHING (on the example of the preparatory course for passing the complex examination in russian language and history and fundamentals of RF legislation)

The article deals with specifics of preparation for the complex examination in Russian language and history and fundamentals of RF legislation, describes the difficulties met by foreign citizens while preparing and passing the state examination, and offers some technologies that contribute to the efficiency enhancement.

Keywords: complex examination, migrants, work permit, technology of signal words, frame approach.

Политические реалии и процессы, происходящие в социуме в настоящее время, неизбежно отражаются на состоянии языка, его возможностях и целях использования в различных сферах. Стабильно существовавший интерес к изучению русского языка гражданами других государств подкрепился недавними изменениями в законодательстве РФ. Как известно, с 1 января 2015 г. действует закон, согласно которому получить разрешение на работу/проживание на территории РФ можно только в том случае, если иностранный гражданин подтвердит свое владение русским языком. Кажущееся логичным на первый взгляд требование государства в реальности обернулось рядом существенных проблем, в частности для лингвистов, чьи интересы находятся в сфере преподавания русского языка как иностранного: добавился фронт работ, связанных с организацией тестирования мигрантов и подготовкой к нему.

Кафедра русского языка как иностранного Омского государственного педагогического университета незамедлительно отреагировала на данные изменения, оперативно разработав краткосрочный курс для подготовки к Государственному тестированию по русскому языку как иностранному, истории России и основам законодательства РФ (комплексный экзамен). Целью данного вида работы является усвоение иностранными слушателями основных требований организационного характера и, конечно, знакомство с типовыми вариантами экзаменационных тестов.

Содержание курса строится на требованиях к содержанию комплексного экзамена [1] и отражает набор лингвистических, коммуникативных и культурологических компетенций, включающих широкий спектр знаний и умений, которыми должен владеть тестируемый. Наиболее востребованными для иностранных граждан являются навыки общения в социально-бытовой сфере, которые реализуются в следующих ситуациях: в аэропорту, на вокзалах, в почтовых отделениях, в службах операторов мобильной связи, в банке, в магазинах, аптеке и т. п. Также важна официально-деловая сфера: ситуации общения в различных административных службах (Федеральная миграционная служба, полиция, налоговая инспекция). Без внимания не остается и профессиональная сфера: предприятия торговли, общественного питания, дорожно-строительные фирмы. При заключении трудового договора, обсуждении профессиональных обязанностей, получении заработной платы владение русским языком способствует взаимопониманию и более эффективному достижению целей.

Ситуация осложняется тем, что ведущим мотивом прохождения подготовки у большинства иностранных граждан является непосредственное получение желаемого документа (разрешение на временное проживание, вид на жительство или патент), а не задача овладеть лингвистическими компетенциями. При этом в экзаменационный блок «Лексика. Грамматика» включены задания, выполнение которых доказывает владение иностранным гражданином таких грамматических категорий, как падеж, вид и время глагола и т. п. Реальная картина отражает обратную ситуацию: зачастую за профессиональной помощью к преподавателям русского языка как иностранного обращаются люди, ранее не имевшие дела с изучением русского языка на теоретическом уровне и владеющие им в устойчиво-искаженном виде.

Очевидно, что за столь короткий срок (в 20 или 40 академических часов), который предусмотрен программой курса, сформировать с нуля устойчивое представление о грамматическом строе языка практически невозможно, так как этот раздел требует тщательной отработки навыков, следовательно, ведущей задачей становится корректировка уже имеющихся лингвистических возможностей иностранного слушателя.

Немаловажную роль в данном вопросе играет национальная принадлежность. Так, граждане из республик СНГ имеют значительное преимущество перед гражданами

азиатского происхождения (Китай, Вьетнам, Республика Корея), поскольку по геополитическим причинам их жизнь связана с Россией и русским языком.

При подготовке к экзамену по разделу «Письмо» перед преподавателем русского языка как иностранного стоит задача добиться от слушателей усвоения основных принципов работы с образцами официально-делового стиля, будь то: анкета, бланк заявления или квитанции. С одной стороны, четко регламентированные формы письма, присущие данному стилю, должны способствовать быстрейшему усвоению норм написания, однако, как показывает практика, именно эта особенность тормозит процесс освоения данной компетенцией из-за того, что большая часть усилий слушателей тратится на следование канцелярским клише, нежели на непосредственно языковую часть. Кроме того, специальная лексика существенно усложняет восприятие и, как следствие, понимание задания.

О корректном понимании предлагаемых заданий приходится говорить и в контексте подготовки к выполнению субтеста «Чтение». Лексическая наполняемость заданий данного блока не представляется трудной для восприятия, однако именно этот раздел зачастую не позволяет полноценно сдать экзамен даже тем слушателям, чей уровень владения русским языком можно назвать высоким. Становится ясно, что выполнение заданий данного блока требует от экзаменуемого не столько реализации языковой компетенции, сколько проявления логико-ассоциативных возможностей мышления при поиске верного ответа.

Особое внимание при подготовке к данному экзамену должно уделяться навыку говорения, так как именно этот экзаменационный блок показывает, насколько иностранный гражданин готов к полноценному проживанию на территории РФ. Перед преподавателем, ведущим курс, стоит непростая задача – научить слушателя верно выполнять задания продуктивного характера, например, рассказать о себе, стать инициатором диалога, решить коммуникативную задачу. Также препятствием является преодоление психологического барьера, который в той или иной мере присущ всем обратившимся за помощью. Эти и другие трудности, с которыми сталкивается ведущий курса по подготовке к Государственному тестированию, требуют поиска специальных технологий и форм воздействия на слушателя.

Следует сказать несколько слов о разделах «История России» и «Основы законодательства РФ». Данные разделы представляют собой тест, состоящий из 10 или 20 вопросов соответственно. Несмотря на более упрощенную форму выполнения задания в сравнении с экзаменом по русскому языку, эти разделы требуют и от тестируемого, и от преподавателя существенной подготовки. Обусловлено это прежде всего объемом изучаемого материала.

Так, в рамках тем по курсу «История России» иностранный гражданин должен знать: основные факты и события российской истории в соответствии с исторической хронологией; основные культурные памятники; религиозные конфессии, национально-культурные традиции российского общества, государственные праздники России, а также имена известных политических и государственных деятелей, выдающихся деятелей науки и культуры России, их вклад и историю развития российского общества и мировой культуры.

Блок «Основы законодательства РФ» введен в программу экзамена с той целью, чтобы показать, насколько иностранный гражданин готов соблюдать требования российского законодательства, способен ли он реализовывать и защищать свои права законными способами, а также знает ли основные права и свободы иностранных граждан в РФ.

Как уже было сказано выше, специфика Государственного тестирования требует от преподавателя, ведущего к нему подготовку, набора таких методов и технологий, которые будут способствовать не только эффективному, но и быстрому усвоению большого объема информации.

Не стоит забывать о том, что работа по подготовке к экзамену ведется преимущественно в группах, моно- или поликультурных. Слушатели данных групп могут входить в разные возрастные, социальные категории, обладать различным уровнем подготовки и, наконец, мотивацией. Все это приводит к увеличению напряженности, развитию эмоционального барьера, мешающего успешному освоению материала. С этим барьером и должен в первую очередь справиться ведущий курсов, создав благоприятный психологический климат. В этом может помочь применение различных игровых технологий, например, речевое моделирование социально-бытовых ситуаций, наводящие вопросы на темы, близкие к жизни слушателей (семья, работа, погода и т. п.). Все это также активно способствует развитию навыка говорения.

Для преодоления трудностей при восприятии лексики, например в разделе «Основы законодательства РФ», или решения логико-ассоциативных задач в субтесте «Чтение» полезно использовать технологию «сигнальных (ключевых) слов». Однако при подготовке к тесту по истории России подобная технология может использоваться лишь в качестве вспомогательной, поскольку данный раздел требует системного подхода к восприятию информации. На помощь может прийти презентация ментальных карт, способствующая объяснению и запоминанию значимых исторических событий, ключевых дат.

Не менее полезным может стать фреймовый подход при подготовке к экзамену. Фреймовый подход базируется на раскрытии резервных психологических возможностей мозга, на способах активизации долговременной памяти и непроизвольного запоминания. Его реализация в образовательном процессе обеспечивает качественное обучение в короткие сроки. Эффективность применения фреймового подхода объясняется следующим. Если представлять учебную информацию в структурированном, свернутом виде – в виде таблиц, схем, графиков фреймовых опор, можно существенно интенсифицировать учебный процесс [2]. Главным признаком подхода является увеличение объемов изучаемых знаний без увеличения учебного времени. С помощью фреймов осуществляется представление лексики различных сфер жизни; происходит развитие навыка устной (монолог, диалог) и письменной речи.

В заключение следует добавить, что вся подготовительная работа на курсах сопровождается наличием наглядных материалов с применением средств программного обеспечения.

1. Требования к содержанию комплексного экзамена по русскому языку как иностранному, истории России и основам законодательства Российской Федерации. Для иностранных граждан, оформляющих разрешение на работу или патент. СПБ.: Златоуст, 2015. 48 с.

2. Гурина Р. В. О фреймовом представлении знаний // Фреймовые опоры: метод. пособие / под ред. Р. В. Гуриной. М.: НИИ шк. технологий, 2007. С. 3–9.

© Мурашкина А. В., 2016

УДК 37.02

В. М. Федоров
V. M. Fedorov

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА КАК ДЕТЕРМИНАНТА ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ ОПОРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

В статье исследованы составляющие эффективности организационной культуры опорного университета. Обобщены и сгруппированы критерии оценки эффективности организационной культуры, установлено, что организационная культура может выступать в качестве индикатора эффективности внутриорганизационных процессов.

Ключевые слова: образовательные организации, культура, эффективность, модели, управление.

ORGANIZATIONAL CULTURE AS A DETERMINANT OF IMPROVEMENT OF MANAGEMENT EFFICIENCY OF THE SUPPORT OF THE UNIVERSITY

The article examines components of key university's organizational culture effectiveness, summarizes and groups the criteria of effectiveness evaluating of organizational culture and states that organisational culture can act as an indicator of the internal organizational processes effectiveness.

Keywords: the educational organization, culture, performance, model, management.

Одним из основополагающих механизмов повышения эффективности управления опорным университетом является организационная культура.

Определенные концептуальные представления об организационной культуре существуют в нашей стране достаточно давно. Уже в советский период акцентировалось внимание на совершенствовании таких ее элементов, как психологическая атмосфера, дисциплина и принципы рабочего распорядка. В связи с переходом к рыночному укладу экономики, многие достижения в этом направлении были утрачены и позабыты. По мнению Т. О. Соломанидиной, «новые условия хозяйствования потребовали трансформации систем управления организаций, изменений в целях и методах развития культуры, в частности, формирование идеологии отдельных организаций» [1]. В настоящее время термин «организационная культура» воспринимается многими исследователями как некая концепция единого представления, и эта характерная черта отличает одну организационную систему от другой. Рассмотрим два ключевых подхода к определению понятия «организационная культура»:

1. Организационная культура – комплекс различных компонентов, охватывающих ценности, общепризнанные нормы, принципы действия, мировоззренческие взгляды и символическую систему [2, с. 25].

2. Организационная культура – организационные процедуры ведения деятельности и методы их осуществления [3, с. 49].

Равно как и почти все понятия организационно-управленческих дисциплин, термин «организационная культура» не имеет единого универсального определения. Возможны только различные многофункциональные описания культурной области, но сущностное определение культуры, получившее общепринятое признание, отсутствует.

Большинство исследователей [4–7] определяют организационную культуру как органичную систему существенных базовых предположений, полностью разделяемых сотрудниками организации. Е. В Грива и А. Э. Капитонов определяют организационную культуру как разделяемые большинством сотрудников организации общие взгляды и воззрения, мнения, ценностные ориентации, верования, установки и тенденции [8; 9]. Необходимо отметить, что свойства культуры организации в значительной степени обусловливаются менталитетом общества с учетом сложившейся в текущее время социально-экономической ситуации. Организационная культура обладает своеобразными свойствами и атрибутами в соответствии с направлением деятельности и организационной – правовой формой.

В образовательных организациях высшего образования организационная культура имеет специфические черты, не только отличающие ее от культуры в других сферах деятельности, но и от культуры в других учреждениях образования.

Важнейшей отличительной чертой системы высшего образования, оказывающей влияние на организационную культуру, является многогранность носителя этой культуры. Основными носителями культуры опорного университета являются руководители, работники, а также различные категории обучающихся. Сложившаяся в вузах социальная ситуация актуализирует потребность в целенаправленном поиске новых подходов к формированию и реализации организационной культуры в вузе, созданию благоприятных

условий для достойной жизни и развития преподавателей и сотрудников [10].

Организационная культура опорного университета определяется как платформа педагогической деятельности, предполагающая содействие и развитие вуза. По словам О. В. Андомина, «организационная культура, влияя на поведение и отношения между преподавателями, сотрудниками и студентами, является предпосылкой успешного взаимодействия с общественностью, определяет место организации в окружающем мире, олицетворяя собой те законы, нормы и правила, которые объединяют ее членов» [11].

Природа организационной культуры опорного университета выражается в концепции отношений:

1. оценка членом организации эффективности собственного труда;

2. его отношение к университету как к среде самореализации;

3. функциональные и межличностные взаимоотношения работников.

Сущность организационной культуры обуславливается уровнем индивидуальной важности профессиональной деятельности для большинства сотрудников опорного университета. Важной и значимой является функциональная деятельность, посредством которой сотрудник опорного университета:

– реализует собственный потенциал;

– отражает рефлексивное отношение к профессиональной практике.

Таким образом, организационная культура опорного университета представляется нам как своеобразная скоординированная система, включающая в самом общем виде: совокупность ценностей, превалирующих в организационной среде опорного университета, и способы их укоренения и реализации в опорном университете.

Необходимо отметить, что основной проблемой, с которой столкнулись вузы при их преобразовании в опорный университет, явилось огромное количество стандартов и процедур реорганизуемых вузов, слияние культур разного профиля (к примеру, технического и гуманитарного), насаждение новых подходов в менеджменте вновь организуемого учебного заведения. Вместе с тем, организационная культура опорных университетов требует конкретной инкорпорации и использования комплекса мероприятий, содействующих внедрению корпоративных стандартов на практике. Поэтому для успешного и эффективного функционирования опорного университета необходимы меры по совершенствованию организационной культуры, дающей возможность достичь востребованных корпоративных амбиций.

В процессе реорганизации перед руководством опорного университета возникает проблема повышения эффективности его управления. Высокая эффективность управления опорного университета сможет обеспечить конкурентные преимущества, а значит, и благополучие вуза. Влияние организационной культуры на жизнедеятельность опорного университета заключается в том, что сотрудники адаптируются к измененяемым обстоятельствам, касательно которых они дают оценку и выстраивают модификации собственных образов действий. Реализуя данные модификации в собственной работе, они форсируют те или иные стремления и ориентации и создают, таким образом, соответствующие им обстоятельства.

Об организационной культуре, как о детерминанте увеличения эффективности управления организацией, пишут многие исследователи. Е. В. Корчагина свидетельствует о прямом воздействии организационной культуры на стабильность организационных процессов организации. В своих трудах автор исходит из того, что гибкая организационная культура позволяет организации адаптироваться к изменениям внешней среды, а также предлагает модель измерения вклада организационной культуры в развитие организации [12]. По утверждению Т. А. Иванычевой, самый действенный способ влияния на организационную культуру – формирование благожелательной обстановки, основанной на невзыскательности к инакомыслию и различиям сотрудников, содействующей утверждению общечеловеческих ценностей, эффективной деятельности организаций в современных условиях [13].

По мнению О. Г. Тихомировой, влияние организационной культуры на повышение эффективности организации «проявляется в создании положительной репутации и привлекательного имиджа» [14, с. 118].

В настоящее время существует ряд подходов зарубежных исследователей, которые можно использовать для характеристики воздействия культуры на опорный университет.

1. Т. Питерс и Р. Уотерман в своих работах доказывают непосредственную связь между организационной культурой и эффективностью управления; при этом они указывают ряд общих характеристик, свойственных преуспевающим организациям с развитой оргкультурой:

• управленческие решения утверждаются даже в условиях недостатка сведений и данных;

• поощрение самостоятельности и инициативности;

• человек воспринимается как важнейшая ценность и актив организации;

• руководители организации регулярно посещают управляемые ими объекты и непосредственно общаются с подчиненными на местах их работы;

• строгая ориентация на основную деятельность, диверсификация не поощряется;

• простота организационной структуры, немногочисленный штат управления [15].

2. В. Сате акцентирует внимание на семи процессах, посредством которых организационная культура оказывает воздействие на жизнедеятельность организации:

• кооперация между индивидами, частями организации;

• принятие решений;

• контроль;

• коммуникации;

• приобщенность организационной среды;

• восприятие организационной среды;

• оправдание своего поведения [16].

3. Т. Парсонс создал универсальный образец корреляции культуры организации и достижений организации – модель AGIL, состоящую из целей, которые организация, для того чтобы быть преуспевающей, обязана осуществлять: адаптация (Adaptation), достижение целей

(Goal achievment), интеграция (Integration) и легитимность (Legitimate) [17]. Основная идея модели: для эффективного функционирования и развития компания обязана постоянно приспосабливаться к перманентно изменчивым обстоятельствам экзогенной среды, добиваться исполнения поставленных ею целей, объединять свои части в единое целое и быть общепризнанной людьми и иными организациями.

Учитывая изложенное, для анализа организационной культуры как фактора повышения эффективности управления опорного университета автор предлагает использовать следующий показатель оценки :

$$K\ эф = \sqrt{K1 \times K2 \times K1 \times K3 \times Kn},$$

где *К эф* – коэффициент эффективности организационной культуры опорного университета;

n – количество параметров оценки уровня организационной культуры;

К1, К2, К3,… Кn – параметры оценки организационной культуры, представленные в виде коэффициентов.

*К*1 – коэффициент степени общего уровня образования сотрудников опорного университета:

$$K1 = (\Sigma\ a\ i * Ч\ ij) / Чj,$$

где *а i* – балл, соответствующий i-му образовательному уровню;

Чij – численность сотрудников опорного университета с i-м образовательным уровнем в j-м году;

Чj – общая численность работников опорного университета в j-м году;

k – количество образовательных уровней.

Каждой степени присваивается конкретный балл. Например, степень доктора наук –10 баллов, кандидата – 9 баллов, высшее и второе высшее образование – 8 баллов и т. д.

*К*2 – коэффициент устойчивости персонала опорного университета, непосредственно сопряженный с показателем текучести кадров:

$$K2 = 1 - K\ тек,$$
$$K\ тек = (\Sigma\ K\ текi * Ч\ ij) / Ч\ j,$$

где *К текі* – коэффициент текучести кадров в i-м диапазоне стажа работы;

Ч ij–численность работников опорного университета i-го диапазона в j-м периоде;

Чj – численность работников опорного университета в j-м периоде;

m – число выделенных диапазонов стажа работы.

*К*3 – коэффициент трудовой дисциплины,

$$K3 = (1 - \Sigma\ D\ i) / N,$$

где *D i* – число нарушений i-го вида;

n – число учитываемых видов нарушений трудовой и технологической дисциплины;

N – среднесписочная численность сотрудников опорного университета.

Для оценки организационной культуры как детерминанты повышения эффективности управления опорного университета можно использовать и другие показатели, например, показатель индивидуальных взаимоотношений, показатель конфликтности и др.

Кроме этих показателей, исследователи С. Ю. Ляпина, Е. Е. Первакова и Е. В. Снесарева рекомендуют к использованию также следующие:

− соотношение аппарата управления к профессорско-преподавательскому составу (ППС) – характеризует экономичность аппарата управления;

− показатель управленческой нагрузки – определяет уровень нагрузки руководителей по осуществлению функций управления;

− степень полноты данных – определяет способности руководителей осуществлять рациональные решения на основе наличия необходимой и достаточной информации;

− уровень общности сотрудников управления – определяет уровень совместимости сотрудников управления на определенный момент времени;

− степень стабильности руководящего состава организации – определяет сменяемость в совокупном числе сотрудников управления [18, с. 105].

Уместным дополнением оценки организационной культуры как фактора повышения эффективности управления опорного университета будет предложение Д. А. Маркова, который отмечает, что «оценить действие организационной культуры можно также по степени проявления некоторых явлений и процессов, таких как уровень текучести кадров, степень управляемости коллективом, степень конфликтности» [19].

Следует также отметить и то, что для повышения эффективности управления опорного университета организационная культура должна стать неотъемлемой составляющей вуза и соответствовать современным условиям. По словам Н. Н. Богдана, «организационная культура университета, формируя в вузовском сообществе такие ценности, как профессиональная компетентность, творческая устремленность, готовность к работе в команде, коллективизм, повышает сплоченность сотрудников, согласованность их действий, что положительно отражается на качестве профессионального образования» [10].

Таким образом, анализ оценки эффективности организационной культуры опорного университета позволяет провести обоснованные изменения в вузе и уметь оценить затраты на проведение мероприятий по развитию организационной культуры.

1. Соломанидина Т. О. Организационная культура компании: учеб. пособие. М.: ИНФРА-М, 2007. 624 с.

2. Абрамова С. Г. О понятии «организационная культура» // Кадры. 2012. № 8. С. 24–27.

3. Колос А. Л. Место и роль организационной культуры в антикризисном управлении предприятием // Менеджмент в России и за рубежом. 2013. № 2. С. 48–51.

4. Кондратьев Э. Организационная культура: понятие, механизмы и методы управления // Проблемы теории и практики управления. 2012. № 11. С. 56–64.

5. Кремнева Н. Ю. Формирование организационной культуры: инновации и стереотипы // Социологические исследования. 2012. № 7. С. 52–59.

6. Максименко А. А Организационная культура: системно-психологические описания: учеб. / А. А. Максименко. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2010. 168 с.

7. Семенов Ю. Г. Организационная культура: учеб. / Ю. Г. Семенов. М.: Логос, 2012. 256 с.

8. Грива Е. В. Социально-психологические условия формирования организационной культуры управления современным предприятием РФ // Управление персоналом. 2011. № 8. С. 29–33.

9. Капитонов А. Э. Организационная культура в организационно-управленческой сфере: анализ и разработка модели // Менеджмент в России и за рубежом. 2012. № 8. С. 43–46.

10. Организационная культура: теория, исследование, практика: моногр. / Н. Н. Богдан, М. Г. Масилова, И. Ю. Парфенова; Владивосток. гос. ун-т экономики и сервиса. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2014. 228 с.

11. Корпоративная культура преподавателя вуза: учеб. пособие / О. В. Андомин. Самара: Самар. гос. техн. ун-т, 2010. 131 с.

12. Корчагина Е. В. Роль корпоративной культуры в обеспечении эффективного управления и перехода к устойчивому развитию компании. Проблемы современной экономики // Евразийский междунар. науч.-аналит. журн. 2009. № 1(29). С. 255–260.

13. Иванычева Т. А. Ценности организации как элемент формирования организационной культуры // Современные наукоемкие технологии. 2009. № 4 С. 62–63.

14. Тихомирова О. Г. Организационная культура: формирование, развитие и оценка: учеб. пособие для студентов вузов. М.: ИНФРА-М., 2011. 151 с.

15. Питерс Т, Уотерман Р. Мл. В поисках совершенства. Уроки самых успешных компаний Америки. М.: Альпина Паблишер, 2011. 528 с.

16. Sathe V. Culture and Related Corporate Realities. Richard D. In/ in, Inc., 1985.

17. Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1998. 270 с.

18. Ляпина С. Ю., Первакова Е. Е., Снесарева Е. В. Организационная культура и инновации // Инновации. 2012. № 12. С. 102–106

19. Марков Д. А. Организационная культура как фактор повышения эффективности управления персоналом // Молодой ученый. 2013. № 10. С. 356–357.

© Федоров В. М., 2016

УДК 372.881.116.11

О. П. Фесенко
O. P. Fesenko

ВОЗМОЖНОСТИ ЭЛЕКТРОННОГО УЧЕБНИКА ПО ДИСЦИПЛИНЕ «РУССКИЙ ЯЗЫК И КУЛЬТУРА РЕЧИ» (для курсантов военных вузов)

В статье рассмотрены дидактические возможности электронного учебника по дисциплине «Русский язык и культура речи». Описаны его структура, технические характеристики, функции.

Ключевые слова: электронный учебник, культура речи, электронная образовательная среда.

POSSIBILITIES OF THE ELECTRONIC TEXTBOOK ON DISCIPLINE “RUSSIAN LANGUAGE AND SPEECH CULTURE” (for cadets)

The article deals with the didactic possibilities of the electronic textbook on discipline “Russian Language and Speech Culture”. Its structure, technical characteristics and functions are described.

Keywords: electronic textbook, speech culture, e-learning environment.

Идея гуманизации образования требует изменений в его структуре как за счет введения новых гуманитарных дисциплин, так и путем увеличения гуманитарного компонента в содержании традиционных учебных дисциплин, в том числе и языковых. В системе военного образования наблюдается тенденция к увеличению часов на обучение по курсу «Русский язык и культура речи». И если еще три года назад этот учебный предмет отсутствовал в системе высшего военного образования, то сегодня речь идет о том, что необходимо увеличивать курс с 2 до 4 зачетных единиц. Учитывая сложившуюся ситуацию и современные требования к организации учебного процесса, в 2016 г. на кафедре иностранных и русского языков Омского автобронетанкового инженерного института был подготовлен электронный учебник по дисциплине «Русский язык и культура речи» (коллектив авторов: О. П. Фесенко, О. Ю. Вашутина, С. С. Лаухина, А. Н. Попова). Учебник был составлен в программе SunRavBookOffice 4, охватывает основное содержание учебной программы по курсу «Русский язык и культура речи» (нормы русского литературного языка, функциональные стили языка, особенности деловой коммуникации и т. д.) и содержит как теоретическую, так и практическую части для более прочного усвоения материала и формирования необходимых компетенций. Структура учебника позволяет реализовать самые разные учебные задачи. Прежде всего, он интересен тем, что предназначен одновременно как для российских, так и для иностранных курсантов, приехавших получать военное инженерное образование из стран Организации Догово-

ра о коллективной безопасности (ОДКБ). Безусловно, уровень владения русским языком курсантов из стран ближнего зарубежья не настолько высок, как у тех, для кого он является родным. При этом стандарт по специальности одинаков для всех обучающихся. В связи с этим в структуре электронного ресурса был выделен самостоятельный раздел с упражнениями, позволяющий в более упрощенной и поступательной форме осваивать содержание курса.

Учебник состоит из нескольких крупных разделов:

1. Рабочая программа и тематический план. В ней отражено содержание дисциплины «Русский язык и культура речи».

2. Теоретическая часть. Раздел раскрывает содержание основных понятий курса в их взаимосвязи. Кроме традиционного теоретического материала в разделе представлен интересный иллюстративный языковой материал, позволяющий расширить представление о богатстве русского языка (примеры жаргонизмов, в т. ч. военных; иллюстративный материал, демонстрирующий особенности жестикуляции в деловой и военно-профессиональной сферах). В структуру учебника включен большой раздел по риторике и речевой коммуникации. Это связано с тем, что в число компетенций входит умение грамотно и убедительно строить свою устную речь. Теоретическая часть сопровождается видеоматериалами и презентациями. Видеоролики расширяют представление курсантов по теме, позволяют разнообразить обучение. К части видеоматериалов предложены дополнительные задания по анализу содержания фильмов, поиску ошибок и т. д. Презентации в значительной степени облегчают процесс усвоения теории особенно тем курсантам, для которых прочитать предложенный объем информации по темам проблематично в силу слабого владения русским языком. Презентации оформлены в виде гиперссылок. Все теоретические разделы снабжены вопросами для самоконтроля.

3. Практическая часть. В этот раздел учебника включены упражнения по каждой из тем теоретической части. Причем, как мы уже отмечали выше, разделены они на два блока: для российских курсантов и для курсантов из стран ОДКБ. Блок заданий для тех, для кого русский язык не является родным, обеспечивает освоение не только материала стандарта по дисциплине «Русский язык и культура речи», но и совершенствует навык владения языком с уровня В2 до С1–С2.

Упражнения предполагают возможность использования словарей (особенно по теме «Нормативный аспект культуры речи»). Ссылки на словари (как общеязыковые, так и военные терминологические) в сети Интернет включены в структуру учебника. В качестве материала упражнений в разделе чаще всего используются отрывки из художественных произведений русской и зарубежной классики, реже – отрывки публичных речей военачальников и выступлений политических лидеров разных эпох. Благодаря такому выбору текстов практикум может использоваться студентами и курсантами разных специальностей и направлений подготовки.

Кроме того, обучающимся предложены видеоматериалы, в которых опытные ораторы и тренеры по ораторскому мастерству демонстрируют самые разные упражнения на технику речи, что обеспечивает возможность каждому из курсантов в своем индивидуальном режиме осваивать предложенные упражнения.

В практической части, предназначенной для российских курсантов, отдельно выделен блок самостоятельных работ по различным темам.

4. Глоссарий. В глоссарии имеется система гиперссылок на те фрагменты учебника, в которых подробно рассмотрено каждое конкретное понятие.

5. Тесты включают в себя тренировочный и контрольный (отдельно для российских курсантов и для курсантов ОДКБ). Эти материалы помогут как на занятии, так и при самостоятельной проверке уровня освоения материала. Тест для самоконтроля содержит систему выплывающих подсказок для более успешной проверки полученных знаний.

6. Дополнительные материалы предназначены для того, чтобы курсант мог в режиме самостоятельной работы подготовиться к некоторым темам курса (перечень интернет-ресурсов по дисциплине, высказывания о русском языке, фотогалерея, содержащая информацию о наиболее значимых для истории русского языка ученых). Кроме того, этот раздел учебника содержит олимпиадные задания, выполнение которых расширяет представление курсантов о русском языке. Необходимость введения такого рода заданий связана с регулярным участием курсантов во всероссийских олимпиадах по культуре речи.

Таким образом, электронный учебник дает возможность наиболее продуктивно использовать ресурсы дисциплины, организовать не только аудиторную, но и самостоятельную работу курсантов, обеспечивает индивидуальный дифференцированный подход в обучении. Однако надо хорошо понимать, что электронный формат учебных материалов не может в полной мере заменить живое общения курсантов и преподавателей, поскольку именно в нем формируются те коммуникативные компетенции, которые необходимы каждому специалисту в профессиональной деятельности. Электронный учебник может стать одним из средств обучения по дисциплине «Русский язык и культура речи», но никогда не единственным, использоваться он должен очень дозированно и методически грамотно. В противном случае результат обучения может быть ниже ожидаемого [1].

---

1. Митясова Е. А. Электронный учебник как основной инструмент для работы преподавателя // Учен. зап. ИСГЗ. 2015. № 1. С. 368–375.

© Фесенко О. П., 2016

УДК 372.882.116.11

Т. П. Шалацкая, К. В. Леонова
T. P. Shalatskaya, K. V. Leonova

ИЗУЧЕНИЕ ПОВЕСТИ Н. М. КАРАМЗИНА «БЕДНАЯ ЛИЗА» С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНТЕРАКТИВНЫХ МЕТОДОВ

В данной статье рассматривается повесть Н. М. Карамзина «Бедная Лиза» и возможность ее изучения посредством внедрения интерактивных методов обучения (дискуссия, работа в группах, проблемный вопрос) на уроке литературы. Изучены концепция слова «интерактивный» и содержание повести Н. М. Карамзина «Бедная Лиза».

Ключевые слова: интерактивные методы обучения, повесть, дискуссия, работа в группах, проблемный вопрос.

STUDYING N. M. KARAMZIN'S STORY "POOR LIZA" BY USING INTERACTIVE METHODS

N. M. Karamzin's story "Poor Liza" and the opportunity of its studying by the introduction of such interactive methods of teaching as discussion, work in groups and problematic issue at the lessons of literature are considered in this article. The notion "interactive" and the content of N. M. Karamzin's story "Poor Liza" are examined.

Keywords: interactive methods of teaching, story, discussion, work in groups, problematic issue.

Одно из главных методических новшеств на уроках литературы и русского языка – интерактивные технологии обучения, позволяющие воспринимать образ автора, его мировосприятие, эстетические взгляды как единое целое.

Интерактивность, ставшая предметом рассмотрения во многих исследованиях [1–5], означает способность взаимодействовать или быть участником беседы, диалога, дискуссии. Процесс общения проходит не только по схеме «учитель – ученик», но и «ученик – ученик». Интерактивные методы ориентированы на более свободное общение друг с другом и на преобладание активности обучающихся, а не учителя литературы на протяжении урока.

Суть интерактивных технологий состоит в умении педагога вовлечь в учебно-воспитательный процесс почти всех обучающихся, каждый из которых имеет возможность и желание воспринимать материал и выражать мнение по этому поводу на основании его изучения.

Целью нашей разработки является создание удобных условий обучения, при которых обучаемый чувствует свою значимость, раскрывает высокие интеллектуальные способности, что качественно повышает уровень продуктивности самого процесса обучения.

Задача учителя в интерактивных занятиях состоит в направлении деятельности обучающихся на достижение дидактических целей урока литературы.

К интерактивным подходам, используемым на уроках литературы, можно отнести следующие: творческие задания, работу в группах, обучающие игры, использование общественных ресурсов, социальные проекты и другие внеаудиторные методы обучения, изучение и закрепление нового материала (лекция интерактивного характера, использование наглядных пособий, видео- и аудиоматериалы, «каждый учит каждого», «ученик в роли учителя», блиц-опрос, сократический диалог), тестовые задания, разминки, обратная связь, дистанционное обучение, обсуждение сложных и дискуссионных вопросов и проблемных ситуаций, разрешение проблем, тренинги [4].

В данной статье мы рассмотрим изучение повести Н. М. Карамзина «Бедная Лиза» в 9-м классе путем использования заочной экскурсии, работы в группах и постановки проблемного вопроса.

Анализ текста произведения следует начать с заочной экскурсии по местностям около Москвы. Желательно показать иллюстрации или слайды-фотографии Симонова монастыря, Москвы-реки, Данилова монастыря, Воробьевых гор, села Коломенского.

Далее обращение к теме любви и социального неравенства завязывается с помощью проблемного вопроса, в котором мы обращаемся к социальному положению главной героини, обозначенному словом «бедная» Н. М. Карамзиным в названии произведения. Данное понятие имеет две стороны для понимания: может быть указанием на социальный статус Лизы либо на отношение к ней автора. Учитель задает вопрос: «Состоит ли основная проблема отношений Лизы и Эраста лишь в принадлежности к разным сословиям?» Обучающиеся в группах выполняют сравнительную характеристику главных героев повести и вносят результаты своего наблюдения в таблицу, начерченную в тетради, после чего формулируют соответствующий вывод.

Работа в группах была выбрана по причине того, что она способствует развитию критического мышления, решению сложных проблем на основе обстоятельств и усвоенной информации, принятию взвешенных решений, участию в дискуссиях. Такая форма является наиболее простым способом организации взаимодействия, поскольку групповая работа имеет ряд существенных преимуществ: за короткий срок изучить и обсудить обширный материал, во время урока литературы решать задачи обучения на разном уровне, активизировать процессы социальной адаптации школьников [6].

Для групповой работы вопросы и задания должны быть проблемного, исследовательского, развивающего и творческого характера, следует тщательно моделировать разного вида трудности и сложности.

Анализ художественного текста помогает выделить основные мотивы произведения: мотив чистоты и мотив денег. Образ Лизы ассоциируется с мотивом белизны, чистоты и невинности, что можно выделить из предметного мира повести. В отношении Эраста автор акцентирует внимание на теме достатка. Обучающиеся, работая в группах, приводят в качестве примера эпизоды из произведения, когда этот молодой человек в отношениях с Лизой пытается действо-

вать при помощи денег и своего высокого положения в обществе. После выяснения авторской позиции и отношения других персонажей к главной героине повести делаем вывод, что внутренний мир крестьянки Лизы отличается богатством и глубиной, противопоставляется пустой и расчетливой сущности Эраста. Сцена расставания главных героев указывает на то, что для Лизы потеря возлюбленного равносильна утрате смысла жизни. Дальнейшее существование становится невыносимым, и она решает уйти из жизни.

Далее возможно применение метода «Древо решений». Каждая группа обучающихся обсуждает вопрос (например, «Какой еще выход из ситуации был у Лизы?») и делает записи на своем «древе» (лист бумаги), потом группы обмениваются листами и дописывают на деревьях соседей свои идеи, которых нет у данной группы. После написанное на бумаге озвучивается, обучающиеся приходят к одному общему выводу.

При подведении итогов урока путем дискуссии и «открытого микрофона» учитель узнает у обучающихся отношение к главным персонажам повести, затем выставляет оценки за выполненную работу, дает краткие рекомендации. В качестве домашнего задания девятиклассникам предложено письменно ответить на сформулированные вопросы и задания: Какие эмоции и чувства вызвал текст Н. М. Карамзина «Бедная Лиза»? Какие тона преобладали бы в этой картине, если бы вы были художником-иллюстратором? Назовите музыкальное произведение, докажите, что оно созвучно с темой повести и передает похожее настроение.

1. Воронин А. С. Словарь терминов по общей и социальной педагогике. Екатеринбург: ЕГПУ, 2006. 186 с.

2. Григальчик Е. К., Губаревич Д. И. Обучаем иначе. Стратегия активного обучения. Минск: Современ. слово, 2003. 165 с.

3. Двуличанская Н. Н. Интерактивные методы обучения как средство формирования ключевых компетенций // Наука и образование: электрон. науч.-техн. изд. 2011. № 4. URL: http:// technomag.neicon.ru/ doc/ 172651.html (дата обращения: 12.09.2016).

4. Малышева Т. В. Влияние методов интерактивного обучения на развитие коммуникативной компетенции учащихся // Учитель в школе. 2010. № 4. С. 14–16.

5. Чепыжова Н. Р. Использование информационно-коммуникационных технологий для повышения качества обучения // Среднее проф. образование. 2010. № 6. С. 13–15.

6. Поляков С. Д. В поисках педагогической инновации. М.: Дрофа, 2003. 146 с.

© Шалацкая Т. П., Леонова К. В., 2016

УДК 159.922.8

Е. В. Шульга, В. И. Шульга
E. V. Shulga, V. I. Shulga

СПОСОБНОСТЬ К ВЫБОРУ ПРОФЕССИИ В ВОЗРАСТЕ 18–19 ЛЕТ

Статья содержит результаты исследования, проведенного среди студентов-первокурсников разных направлений подготовки нескольких вузов. Сделана попытка выявления реальной возможности верного выбора будущего профессионального пути сразу после окончания школы.

Ключевые слова: выбор профессии, тип профессии, склонности человека, окончание школы, студент-первокурсник.

THE ABILITY TO CHOOSE AN OCCUPATION AGED 18–19 IN ACCORDANCE WITH THEIR PROPENSITY

The article contains the results of research in psychology, conducted among first-year students of different areas of training and several universities dedicated to the study of the possibility of the right choice of the future professional career immediately after graduation.

Keywords: choice of profession, type of occupation, and the inclination of man, the end of school, first-year student.

Выбор профессии – одно из сложнейших решений и важный шаг в жизни любого человека. От его результатов во многом зависит то, как сложится дальнейшая судьба.

Психологи отмечают, что, выбирая профессию человек должен ответить на три главных вопроса: что он хочет делать («хочу»), что он может делать («могу») и какие профессии пользуются спросом на рынке труда («надо»)? Если эти три составляющие («хочу»-«могу»-«надо») совпадут, то общество получит удовлетворенного своей профессиональной жизнью человека, который приносит пользу себе и другим. Последствия же неправильного выбора могут стать, с одной стороны, причиной неудовлетворенности жизнью, неуверенности в себе, низкой зарплаты, отсутствия карьерного роста, проблем со здоровьем и многого другого. С другой стороны, для общества и экономики в целом будут иметь место «пустые» финансовые затраты на обучение, «специалисты», не разбирающиеся в своем деле и не интересующиеся им, избыток выпускников определенных специальностей и одновременно нехватка настоящих специалистов по этим специальностям и другие последствия.

В Федеральном образовательном стандарте среднего общего образования в разделе требований к результатам основной образовательной программы закреплено следующее: «умение самостоятельно определять цели деятельности и составлять планы деятельности; самостоятельно осуществлять, контролировать и корректировать деятельность» [1]. То есть основной упор делается на самостоятельность учеников. Эта же тенденция прослеживается и при выборе будущей профессии. Кроме того, этот выбор предлагается делать еще задолго до окончания школы (про-

фильные дисциплины, профильные классы, специализированные школы и гимназии). Хотя справедливости ради надо отметить, что специализированные школы (с углубленным изучением иностранных языков, физико-математические и некоторые другие) существуют уже давно. Однако раньше выбор таких школ для обучения стоял не перед всеми. Есть ли в таком выборе положительная составляющая? Да, несомненно. Если ребенок четко знает, что он хочет, может и умеет, зачем тратить силы и время на изучение тех дисциплин, которые поддаются изучению с трудом и, возможно, никогда не пригодятся в будущем? Есть ли минусы такого профилирования? Да, несомненно. Не каждая школа может обеспечить широкий выбор профилей, не у каждого есть возможность даже в городах выбрать школу, в которой углубляют интересующие ребенка предметы, а о сельских школьниках в данном случае даже говорить не приходится. Возможно, этот недостаток со временем удастся решить с помощью обучения через Интернет. И, наконец, а каждый ли ребенок (да и не ребенок тоже) четко знает, что он хочет, может и умеет? Не попробует – не узнает. Сегодня в школе был классный учитель математики, которому виртуозно удалось совместить «академическую» и «научно-популярную» концепции в преподавании дисциплины [2] и который так увлеченно рассказывал о сухих фактах, что все влюбились в математику. Завтра пришел учитель рисования, который заставил ребят поверить, что все они невероятно талантливо рисуют и так далее. Возможно ли, хотя бы к окончанию школы, правильно соотнести свои желания, возможности и потребности со своими склонностями – вот вопрос, который лег в основу данного исследования.

В связи с вышесказанным была поставлена цель: выявить, как часто совпадают выбранная для изучения специальность со склонностью к определенному типу профессии, и выдвинута гипотеза о том, что вероятность такого совпадения в возрасте 18–19 лет менее 50 %.

Гипотеза исследования была основана на предположении, что проблема выбора профессионального и жизненного пути со всей остротой встает перед человеком в тот период, когда он еще, быть может, до конца не осознает своих желаний, способностей, возможностей, а также последствий такого выбора. В качестве объекта исследования рассматривались студенты-первокурсники разных направлений подготовки. Основная задача исследования: на примере студентов-первокурсников, выбравших для обучения разные сферы деятельности, установить процент совпадения выбранной специальности со склонностями к определенному типу профессии.

Испытуемым были предложены вопросы из дифференциально-диагностического опросника Е. А. Климова [3]:

Предположим, что после соответствующего обучения Вы сможете выполнить любую работу. Но если бы Вам пришлось выбирать только из двух возможностей, что бы Вы предпочли?

1а. Ухаживать за животными	1б. Обслуживать машины, приборы (следить, регулировать)
2а. Помогать больным людям, лечить их	2б. Составлять таблицы, схемы, программы для вычислительных машин
3а. Следить за качеством книжных иллюстраций, плакатов, художественных открыток, грампластинок	3б. Следить за состоянием, развитием растений
4а. Обрабатывать материалы (дерево, ткань, металл, пластмассу и т.п.)	4б. Доводить товары до потребителя (рекламировать, продавать)
5а. Обсуждать научно-популярные книги, статьи	5б. Обсуждать художественные книги (или пьесы, концерты)
6а. Выращивать молодняк (животных какой-либо породы)	6б. Тренировать товарищей (или младших) в выполнении каких-либо действий (трудовых, учебных, спортивных)
7а. Копировать рисунки, изображения (или настраивать музыкальные инструменты)	7б. Управлять каким-либо грузовым (подъемным или транспортным) средством – подъемным краном, трактором, тепловозом и др.
8а. Сообщать, разъяснять людям нужные им сведения (в справочном бюро, на экскурсии и т. д.)	8б. Художественно оформлять выставки, витрины (или участвовать в подготовке пьес, концертов)
9а. Ремонтировать вещи, изделия (одежду, технику), жилище	9б. Искать и исправлять ошибки в текстах, таблицах, рисунках
10а. Лечить животных	10б. Выполнять вычисления, расчеты
11а. Выводить новые сорта растений	11б. Конструировать, проектировать новые виды промышленных изделий (машины, одежду, дома, продукты питания и т.п.)
12а. Разбирать споры, ссоры между людьми, убеждать, разъяснять, наказывать, поощрять	12б. Разбираться в чертежах, схемах, таблицах (проверять, уточнять, приводить в порядок)
13а. Наблюдать, изучать работу кружков художественной самодеятельности	13б. Наблюдать, изучать жизнь микробов
14а. Обслуживать, налаживать медицинские приборы, аппараты	14б. Оказывать людям медицинскую помощь при ранениях, ушибах, ожогах и т.п.
15а. Составлять точные описания-отчеты о наблюдаемых явлениях, событиях, измеряемых объектах и др.	15б. Художественно описывать, изображать события (наблюдаемые или представляемые)
16а. Делать лабораторные анализы в больнице	16б. Принимать, осматривать больных, беседовать с ними, назначать лечение
17а. Красить или расписывать стены помещений, поверхность изделий	17б. Осуществлять монтаж зданий или сборку машин, приборов
18а. Организовать культпоходы сверстников или младших (в театры, музеи), экскурсии, туристические походы и т. п.	18б. Играть на сцене, принимать участие в концертах

19а. Изготовлять по чертежам детали, изделия (машины, одежду), строить здания

20а. Вести борьбу с болезнями растений, с вредителями леса, сада

19б. Заниматься черчением, копировать чертежи, карты

20б. Работать на клавишных машинах (пишущей машинке, телетайпе, наборной машине и др.)

Ключ к тесту:

Типы профессий	**Номера вопросов**
Человек–природа	1а, 3б, 6а, 10а, 11а, 13б, 16а, 20а
Человек–техника	1б, 4а, 7б, 9а, 11б, 14а, 17б, 19а
Человек–человек	2а, 4б, 6б, 8а, 12а, 14б, 16б, 18а
Человек–знаковая система	2б, 5а, 9б, 10б, 12б,15а, 19б, 20б
Человек–художественный образ	3а, 5б, 7а, 8б, 13а, 15б, 17а, 18б

За каждое совпадение с ключом начисляется один балл. Согласно интерпретации результатов испытуемым рекомендуют выбирать тот тип профессий, который получил максимальное количество баллов.

Данная методика предназначена для определения типа профессии, подходящей индивиду в соответствии с классификацией типов профессий по Е. А. Климову: «человек–природа» – профессии, связанные с растениеводством, животноводством и лесным хозяйством; «человек–человек» – профессии, связанные с обслуживанием людей и общением; «человек–техника» – технические профессии; «человек–знак» – профессии, связанные с расчетами, цифровыми и буквенными знаками, в том числе и музыкальные специальности; «человек–художественный образ» – творческие специальности. Она часто используется для профориентации подростков и взрослых.

В нашем исследовании выбор испытуемых уже был сделан, и требовалось определить, как часто он совпадает с подходящим типом профессии.

В эксперименте (анонимное анкетирование) приняли участие 422 человека – первокурсники Санкт-Петербургского государственного экономического университета, Омского государственного педагогического университета, Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, Сибирской государственной автомобильно-дорожной академии. Опрошенные студенты обучались по направлениям: экономика, педагогическое образование, прикладная информатика, биоэкология, народная художественная культура, режиссура театральных представлений и праздников, наземные транспортно-технологические комплексы и др.

Полученные результаты подтвердили гипотезу исследования: среди выбравших тип профессии «человек–художественный образ» количество совпадений составило 41,67 % (рис. 1), «человек–природа» – 35,71 % (рис. 2), «человек–техника» – 35,56 % (рис. 3), «человек–человек» – 18,75 % (рис. 4) и «человек–знак» – 17,39 % (рис. 5). В целом по совокупности результат составляет – 31,15 % (рис. 6).

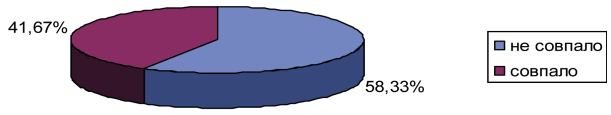

Рис. 1. Процент совпадения выбранной специальности со склонностью к типу профессии «человек–художественный образ»

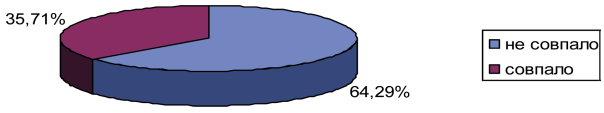

Рис. 2. Процент совпадения выбранной специальности со склонностью к типу профессии «человек–природа»

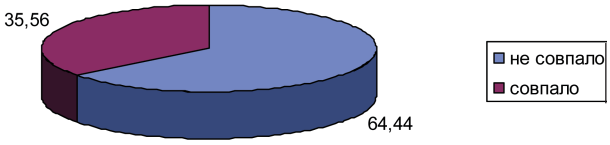

Рис. 3. Процент совпадения выбранной специальности со склонностью к типу профессии «человек–техника»

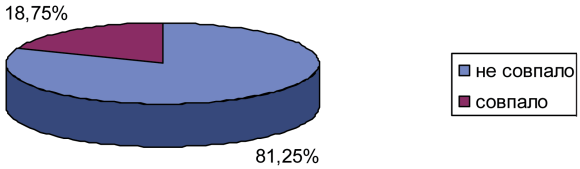

Рис. 4. Процент совпадения выбранной специальности со склонностью к типу профессии «человек–человек»

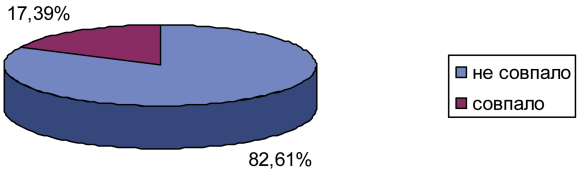

Рис. 5. Процент совпадения выбранной специальности со склонностью к типу профессии «человек–знак»

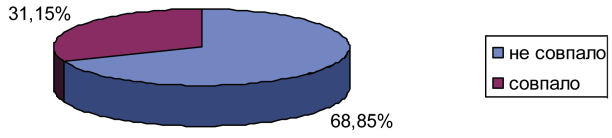

Рис. 6. Процент совпадения выбранной специальности со склонностью к определенному типу профессии целом по совокупности

Таким образом, можно сделать вывод о том, что молодым людям, стоящим перед выбором будущей профессии, сложно сделать такой выбор, учитывая свои склонности. У них есть определенные желания, некоторые представления о том, чем они будут заниматься, поступив на то или иное направление подготовки, но еще нет своего жизненного опыта. В этом возрасте достаточно сильно влияние внешних факторов (мнение родителей, сверстников, престижность профессии и других), которые не учитывают склонности человека в качестве одного из важнейших критериев для определения будущего профессионального пути.

1. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования (утв. приказом Министерства образования и науки РФ от 17 мая 2012 г. № 413) URL: http://base.garant.ru/70188902/#friends#ixzz4N9XeYH4H (дата обращения: 15.11.2016)

2. Шульга Е. В. Преподавание математики студентам нематематических специальностей вузов с использованием аспектов математической деятельности // Вестник Ом. гос. пед. ун-та. Гуманитар. исслед. 2016. № 2(11). С. 131–134.

3. Климов Е. А. Как выбирать профессию: кн. для учащихся ст. классов сред. школы. 2-е изд., доп. и дораб. М.: Просвещение, 1990. 159 с.

© Шульга Е. В., Шульга В. И., 2016

СЛОВО МОЛОДЫМ

Мецевич И. В.
Именные и глагольные формы в тексте заявки на грант

Скворцова О. А.
Психологические аспекты процесса медиации

Шалацкая К. В.
Основная терминология исследования имен собственных

УДК 81'38

И. В. Мецевич
I. V. Metsevich
Научный руководитель: доктор филологических наук, доцент Н. Д. Федяева
Research supervisor: Doctor of Philological Sciences, Assistant Professor N. D. Fedyaeva

ИМЕННЫЕ И ГЛАГОЛЬНЫЕ ФОРМЫ В ТЕКСТЕ ЗАЯВКИ НА ГРАНТ

В статье рассматриваются характерные черты жанра заявки на грант с точки зрения морфологии. На примере заявок на гранты, поданных за последние несколько лет на конкурсы грантов РГНФ и РФФИ, показано использование типичных для научного стиля морфологических единиц. Кроме того, помимо характерных черт, выявлены специфические, нетипичные для научного стиля.

Ключевые слова: жанр, заявка на грант, научный стиль, научно-деловой подстиль, морфология, именные формы, глагольные формы.

NOUN AND VERB FORMS IN THE GRANT PROPOSAL TEXT

The article discusses distinctive features of the grant proposal genre from a morphological point of view. Based on the example of grant proposals, participated in grant contests of the Russian Humanitarian Scientific Foundation and the Russian Foundation for Fundamental Research in the last few years, the author gives examples of using morphological units that are typical for scientific style. Beside the distinctive ones, some specific features that are not typical for scientific style are revealed.

Keywords: genre, grant proposal, scientific style, scientific-business substyle, morphology, noun forms, verb forms.

Жанр заявки на грант в последние годы получил широкое распространение в связи с развитием грантовой деятельности, однако он еще мало изучен лингвистами.

Поскольку в центре нашего внимания находятся тексты заявок на гранты, которые относятся к научному функциональному стилю, дадим его определение и назовем основные характеристики.

По определению М. Н. Кожиной, «научный стиль представляет научную сферу общения и речевой деятельности, связанную с реализацией науки как формы общественного сознания; отражает теоретическое мышление, выступающее в понятийно-логической форме» [1, с. 289]. Отвлеченность, обобщенность и логическая доказательность являются поэтому характерными особенностями научного стиля, проявляющимися на разных уровнях языка. В аспекте морфологии, в частности, это выражается в выборе категорий, форм (и частоты их употребления в тексте) и значений единиц.

Обозначим их.

1. Использование глаголов в форме настоящего вневременного (с качественным, признаковым значением). Встречаются также, однако гораздо реже, формы будущего времени, синонимичные настоящему вневременному, и прошедшего времени.

2. Преобладание форм 1-го лица множественного числа глаголов в сочетании с личным местоимением *мы* и 3-го лица единственного и множественного числа для обозначения ослабленного, неопределенного и обобщенного значения лица.

3. Употребление имен существительных в форме единственного числа для выражения общего либо целостного понятия.

4. Повышенная употребительность существительных среднего рода, в большей степени абстрактных.

5. Употребление родительного падежа существительных, в частности, цепи родительных падежей.

6. Использование кратких прилагательных для обозначения постоянного свойства предмета, в то время как в других сферах они выражают временный признак.

Заявка на грант относится к научно-деловому подстилю, отличительной чертой которого является наличие элементов официально-делового стиля.

Разные рубрики текста заявки тяготеют либо к научному, либо к официально-деловому стилям. Рассмотрим на материалах заявок на гранты Российского гуманитарного научного фонда и Российского фонда фундаментальных исследований те части, в которых очевидно влияние научного стиля. Это формы «Данные о проекте» (аннотация проекта), «Содержание проекта» (в части описания научной проблемы исследования, ее актуальности, новизны, методов планируемых результатов исследования).

Необходимо решить следующие задачи:

1) выяснить, присущи ли тексту заявки традиционные для научного стиля в целом морфологические черты;

2) установить, не обнаруживаются ли какие-либо черты, отличающиеся от типичных.

Проанализировав заявки на гранты, поданные преподавателями Омского государственного педагогического университета в период с 2014 по 2016 г., мы выявили следующие присущие научному стилю черты.

В большей части подразделов заявки употребляются глаголы несовершенного вида в настоящем времени (так называемые настоящее вневременное), поскольку они имеют значение «всегда» и являются отвлеченно-обобщенными. Например: *В этнопоэтических константах* ***манифестируются*** *базовые признаки ментальности, укорененные на бессознательном уровне и проявляющиеся в жизнедеятельности многих поколений людей, которые принадлежат к конкретной историко-культурной общности. Древнейшие смысловые коды в них не только хорошо* ***сохраняются****, но и* ***адаптируются*** *к изменяющимся условиям жизни. Площадь поверхности этой границы* ***зависит*** *от общей пористости.* Встречаются также глаголы в форме прошедшего времени. Например: *Междисциплинарный характер исследования* ***обусловил*** *обращение к теоретическим выводам отечественных и зарубежных историков, социологов, политологов, философов, географов, а также новым методологическим подходам и исследовательским*

практикам. Участившиеся в Прииртышье засухи и лесные пожары кардинально ***изменили*** *многие биотопы, исключив возможность дальнейшего прогнозирования изменения их состояния согласно устаревшим данным.*

Кроме того, часто встречаются глаголы, выступающие в составе глагольно-именных сочетаний, где основную смысловую нагрузку несут существительные, называющие действие, например: *Социолингвистика активно исследует социальную дифференциацию национального языка, но далеко не все социальные диалекты* ***получили описание****, в том числе лексикографическое. Исследование констант в заговорно-заклинательной традиции* ***способствует установлению*** *наиболее архаичных смысловых доминант и форм их выражения. Отсутствие системы оперативного сетевого взаимодействия образовательных учреждений и рынка труда* ***затрудняют мониторинг*** *трудоустройства, сопровождения карьеры и закрепления педагогических кадров.* Здесь проявляется тенденция к десемантизации, т. е. утрате глаголом лексического значения, что соотносится с признаками обобщенности и отвлеченности научного стиля.

Заявке на грант присуща еще одна морфологическая особенность научного стиля – использование цепи родительных падежей, что отвечает требованию точности изложения в научном тексте. Например: *Фундаментальная научная проблема заключается в недостаточной* ***разработанности*** *теоретических и методико-технологических* ***основ*** *сетевой* ***организации сотрудничества*** *и социального* ***партнерства*** *общеобразовательных* ***учреждений****,* ***учреждений*** *дополнительного образования и педагогического вуза в условиях региональной интегрированной информационной образовательной среды с целью* ***обеспечения*** *образовательных* ***потребностей****,* ***самореализации*** *и* ***развития*** *всех* ***участников*** *образовательного* ***процесса. В процессе реализации*** *полевых* ***исследований****, аналитического* ***обобщения данных*** *о ценотических связях, экотопической приуроченности, структурно-биологической лабильности, ресурсном потенциале выполняется комплексная оценка одной из основных групп высших водных растений (семейства Hydrocharitaceae).*

Не очень распространенным, но все же встречающимся (по большей части в заявках гуманитарного направления) является употребление кратких прилагательных, например: *Проблема константности в фольклоре* ***не нова****. Для удовлетворения требований новых ФГОС ВПО* ***необходимо*** *дальнейшее развитие сетевых функций образовательного портала и электронно-библиотечной системы педвуза. Такой широкий охват* ***необходим*** *для глубокого осмысления темы консьюмеризма, раскрывающего особенности потребительских тенденций в сферах образования, экологии, экономики, политики, искусства, образа жизни, быта и т. д.*

Достаточно широко использование существительных в форме единственного числа для обозначения общего понятия, например: *В лингвокультурологии комплексное описание получили фрагменты общеязыковой картины мира, а также картины мира* ***носителя*** *территориального* ***диалекта****. При этом будет разработан научный и методологический* ***инструментарий*** *исследования, в рамках которого регион / локальное* ***сообщество*** *можно рассматривать как социокультурное* ***пространство****, где социум и его культура представляются как единая* ***система****, существование которой обусловлено жизнедеятельностью* ***человека*** *в предложенных условиях историко-культурного ландшафта и усилиями человека по изменению этого ландшафта.*

Поскольку названия понятий употребляются чаще, чем названия действий, то существительные в текстах заявок на грант преобладают над глаголами, что не противоречит особенностям научного стиля.

Однако, помимо характерных для научного стиля морфологических черт, обнаружены и нетипичные.

В некоторых подразделах, в частности «Аннотация проекта», «Ожидаемые результаты научного исследования», «Потенциальные возможности использования результатов исследования при решении прикладных задач» и некоторых других, встречается использование форм будущего времени глагола в прямом значении, а не в синонимичном настоящему вневременному. Например: *Научная значимость проекта связана с тем, что в нем впервые* ***будет дано*** *комплексное: лексикографическое, лингвокультурологическое и лингвоперсонологическое –* ***описание*** *ряда профессиональных картин мира. Для измерений в диапазоне от 1 до 100 Гц* ***будет создана*** *установка для измерения КУЭП пятиэлектродным методом с использованием цифрового генератора Г4–110 и цифрового осциллографа HAMEG Rohde&Schwarz HMO 1524. Измерения КУЭП* ***будут производиться*** *на частотах от 1 Гц до 100 Гц. Все эти сведения и полученные материалы* ***позволят*** *в дальнейшем провести полный анализ межгодовых изменений животного населения исследуемых групп по основным показателям (плотность, фаунистический состав, фоновое богатство, биомасса, энергетическая значимость в биоценозах и т. д.).*

Это объясняется целью автора описать не уже произошедшее, а лишь планируемое исследование.

С этой же целью используются конструкции с глаголом «мочь», привносящие в текст значение предположительности, поскольку результат исследования еще не известен, его можно только ожидать. Это касается только подраздела «Потенциальные возможности использования результатов исследования при решении прикладных задач». Например: *Созданные словари* ***могут стать основой*** *электронной базы данных, которая может быть предоставлена библиотекам вузов и* ***распространяться*** *благодаря возможности сети Интернет. Фактический материал, теоретико-методологические наработки и полученные выводы* ***могут быть использованы*** *для проведения междисциплинарных исследований по истории России, истории региона, а также при разработке комплексных программ развития субъектов Российской Федерации в Сибирском и Уральском федеральных округах. Исторический опыт участия родительской общественности в управлении образованием в регионе* ***может дать пример*** *удачных практик, форм, методов общественно-государственного управления образованием.*

Анализ текстов показал, что заявке на грант совершенно не свойственно употребление глаголов в форме 1-го лица множественного числа. Вероятно, это связано с тем,

что преимущественно заявка на грант подается от имени коллектива. При этом очень распространено использование во всех частях заявки категорий страдательного залога, как правило, конструкций «быть + краткое страдательное причастие». Например: ***Разработана*** *авторская периодизация форм государственно-общественного управления школьным образованием во второй половине XIX в. – начале XX вв. К настоящему времени* ***собран*** *материал по деятельности родительских комитетов в отдельных учебных заведениях Западной Сибири и регионов Центральной России во второй половине XIX – начале XX вв. Вся полученная информация* ***будет введена*** *в банк данных и обработана (плотность, биомасса, энергетическая значимость в биоценозах, фаунистический состав, видовое богатство, разнообразие и т. д). Лексикографическое описание* ***будет представлено*** *в виде серии словарей специальных подъязыков: медицинского, архитектурно-строительного, робототехники, автомобилистов.*

Таким образом, исследование текстов заявок показало, что в заявке на грант преобладают морфологические единицы, присущие научному стилю. В то же время имеются и специфические, отличающие ее от других жанров научного стиля, что еще раз доказывает справедливость выделения заявки на грант вкачестве отдельного жанра.

1. Кожина М. Н., Дускаева Л. Р., Салимовский В. А. Стилистика русского языка: учеб. 4-е изд., стереотип. М.: Флинта: Наука, 2008. 464 с.

© Мецевич И. В., 2016

УДК 159.964.21

О. А. Скворцова
O. A. Skvortsova
Научный руководитель: доктор философских наук, доцент Г. В. Горнова
Research supervisor: Doctor of Philosophical Sciences, Assistant Professor G. V. Gornova

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОЦЕССА МЕДИАЦИИ

В статье поднимается проблема психологических аспектов процесса медиации. Психоаналитический подход рассматривается как важный теоретический ресурс, использование которого способствует эффективности процесса медиации.

Ключевые слова: медиация, психоанализ, психологические защитные механизмы.

PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF THE MEDIATION PROCESS

The article raises the problem of the psychological aspects of the mediation process. The psychoanalytic approach is seen as an important theoretical resource, the use of which contributes to the effectiveness of the mediation process.

Keywords: mediation, psychoanalysis, psychological defense mechanisms.

Психологические знания крайне важны для проведения медиации. Психология позволяет постигать природу человека, понимать жизненные проблемы людей, для решения которых они прибегают к помощи медиации. Представляется, что одними из самых значимых теоретических ресурсов выступают психоанализ, когнитивно-бихевиористский подход и экзистенциально-гуманистическая психотерапия. В каждом из этих направлений анализируются явления, которые тем или иным образом могут проявиться в процессе медиации.

В этой статье более подробно рассмотрим те феномены, которые впервые стали исследовать теоретики психоанализа. Представляется, что крайне важно исследовать в аспекте медиации феномен переноса и контрпереноса, являющийся одним из краеугольных камней психоанализа.

Одно из фундаментальных достижений психоанализа – открытие понятия «переноса» (трансфер, от англ. *transference*), сделанное З. Фрейдом, способно раскрыть ряд психологических проблем медиативных процедур. Понятие «перенос», согласно психоанализу, является психологическим феноменом, который заключается в переносе ранее пережитых чувств, отношений, проявлявшихся к значимым людям (из детства), совсем на другое лицо. Если в процессе психоанализа «перенос» является важным для понимания пациента и для дальнейшего его лечения, то в случае с процедурой медиации данный феномен будет являться препятствием на пути к разрешению конфликта.Сторона конфликта, используя «перенос», вводит в заблуждение медиатора, сбивает его с толку и затрудняет процесс разделения полученной информации на эмоции, факты, интерпретации, который необходим для успешного разрешения конфликта. В данном случае медиатор сталкивается со сложным (проблемным) клиентом. «Перенос» возникает, в частности, по причине отсутствия информации о психоаналитике (что для психоаналитической процедуры важно), о его качествах, личной жизни и т. п. Проявляется феномен «переноса» бессознательно. Фигурами переноса чаще всего выступают родители, реже – братья, сестры, бабушки, дедушки. «Контрперенос» – феномен, аналогичный «переносу», возникающий у психотерапевта как ответная реакция на пациента. Ответные реакции могут быть как бессознательными, так и сознательными. Феномен контрпереноса уводит от реальности и способствует возникновению конфликта.

Медиатор как максимально нейтральное лицо также не представлен в процессе взаимодействия с клиентом личностно. Поэтому есть предпосылки для формирования переноса и контрпереноса. Если у медиатора сформируется

контрперенос по отношению к одной из сторон конфликта, то есть опасность на бессознательном уровне нарушения им принципа нейтральности и беспристрастности в ходе медиации. В данном случае можно порекомендовать отслеживать возникновение переноса и контрпереноса.

Психологические защитные механизмы: вытеснение, проекция, замещение, рационализация, реактивное образование, регрессия, сублимация, отрицание, исследованные З. Фрейдом, актуализируются в момент возникновения угрожающей тревоги. Психологические защитные механизмы являются средством самообмана, искажают восприятие реальности человеком.

Рассмотрим такой защитный механизм, как отрицание. Отрицание – это защитный механизм человеческой психики, который человек использует, когда не хочет признавать факт свершившегося неприятного события, объясняя себе, что этого со мной просто не может случиться. «Отрицание и другие защитные механизмы представляют собой пути, используемые психикой перед лицом внутренней и внешней угрозы. В каждом случае для создания защиты расходуется психологическая энергия, вследствие чего ограничивается гибкость и сила эго. Более того, чем более эффективно действуют защитные механизмы, тем более искаженную картину наших потребностей, страхов и стремлений они создают» [1, с. 84].

Например, если одна из сторон конфликта использует защитный механизм – отрицание, то сторона конфликта будет бессознательно искажать факты, чтобы скрыть основное противоречие, проявляющееся в конфликте. Человек уже не может справляться с конфликтом и не видит ни одного реального выхода из ситуации, а любая попытка помощи извне будет встречена сопротивлением.

При проекции – человек приписывает собственные чувства, мысли и поведение другим людям. Описанная защитная реакция психики позволяет индивидууму возлагать вину на другого человека, окружение, предмет, как хоккеист, который будет критиковать свою клюшку после неудачного удара. Сторона конфликта, которая использует этот защитный механизм, как правило, склонна обвинять прежде всего других людей в возникновении конфликтов, а не себя.

У людей, которые используют те или иные защитные механизмы, в том числе и под воздействием психологических защит сложились привычные мировоззренческие взгляды и убеждения, влияющие и на отношение к преодолению конфликтов.

«Новый подход» к разрешению конфликта будет для них сменой убеждений. Смена убеждений задевает систему ценностей и человек, пытается защитить сформировавшиеся ценности от любых попыток их разрушить, иногда даже самое логичное обоснование этой смены не может преодолеть психологические защитные механизмы личности. И когда человек сталкивается с конфликтом, то даже обладающие открытым и ясным умом люди отвергают полностью помощь, пытаясь объяснить ситуацию, оправдать себя или другую сторону конфликта, ищут способы, чтобы оставить ситуацию неразрешенной и привычной в своей неизменности.

Комплекс неполноценности и складывающийся на его основе комплекс превосходства исследовал и описывал А. Адлер. Ученый показал, как наличие комплекса неполноценности существенно влияет на поведение человека. Человек ощущает собственную неполноценность по отношению к окружающим и верит в их превосходство. Так как медиация – это процесс совместного урегулирования конфликта с помощью третьей (нейтральной) стороны, в ходе которого стороны конфликта приходят к совместному приемлемому решению, то наличие комплекса неполноценности или комплекса превосходства у одной из сторон может мешать выработке или исключать какое-либо совместное приемлемое для обеих сторон решение.

Участник медиации с комплексом неполноценности своими личностными особенностями будет влиять на эффективность медиации, например, боязнь сделать ошибку, боязнь равноправного диалога, коммуникативная скованность могут отразиться на результате медиативной процедуры. Участник конфликта с развитым «комплексом превосходства» будет стремиться к постоянному превосходству над другим (вторая сторона конфликта или медиатор).

Каждый человек может использовать уникальный способ реализации целей, такой способ А. Адлер называет жизненным стилем. При работе над конфликтом (например, на стадии выявления мотивов) можно столкнуться с таким участником конфликта, который выбрал определенный паттерн поведения, и мотивы могут быть определены только в контексте его стиля жизни. Участник конфликта, которому присущ один из не совсем благоприятных жизненных стилей: избегание, управление, получение (за исключением четвертого типа стиля жизни – социально-полезного), будет стремиться к такому решению, которое будет выгодно для него без учета интересов другой стороны. Управляющий тип самоуверен и не способен заботиться о благополучии других. Берущий тип – со своей характерной пассивностью будет стремится получить выгоду за счет другого. Избегающий тип, для которого характерно отсутствие социального интереса и активности, прежде всего будет нацелен избегать проблемы, а не решать их.

К. Г. Юнг наряду с личным бессознательным исследовал «коллективное бессознательное». Анализируя структуры «коллективного бессознательного» и архетипы, пришел к выводу, что они заключают в себе скрытые следы человеческого прошлого. «Прообраз, или архетип, есть фигура – будь то демона, человека или события, – повторяющаяся на протяжении истории везде, где свободно действует творческая фантазия» [2, с.191].Одним из архетипов, описываемых К. Г. Юнгом, является архетип персоны – этот архетип указывает на некий компромисс, который заключает личность с обществом, это маска. Маску человек примеряет на себя и надевает при встрече с другими. Например, у человека социальная роль (персона) может не соотноситься с его реальной деятельностью. Социальная роль дает возможность личности производить впечатление на людей и скрывать свою индивидуальность, свое истинное Я. Например, мужчина выполняет семейно-бытовую роль – заботливый муж, а его истинное Я может скрывать в себе «тирана», в результате чего возникает семейный конфликт. На медиации же будут прежде всего демонстрироваться качества, соответствующие архетипу персоны.

К. Хорни при разработке женской психологии рассматривает гендерные аспекты конфликта, в основе которого лежит противоречивое восприятие отношений между полами, социальных ролей. «Женщины часто чувствуют себя неполноценными по сравнению с мужчинами, потому что их жизнь основывается на экономической, политической и психосоциальной зависимости от мужчин» [1, с. 170]. Противоречивое восприятие приводит к столкновению интересов и целей двух полов (семейные конфликты). Причиной конфликтов между мужчинами и женщинами могут быть противоречия между представлениями обоими полами о личности и особенностях поведения и невозможностью соответствовать этим представлениям. Важно при проведении медиации учитывать гендерные аспекты актуального конфликта.

Таким образом, изучая природу конфликта необходимо учитывать существование наиболее глубоких уровней человеческого Я и уметь распознавать и выделять психологические аспекты в процессе работы с клиентом, чтобы избежать «профессиональных поражений». Медиатор должен обращаться с аккуратностью и осторожностью с клиентом, который демонстрирует определенный жизненный стиль, защитные психологические механизмы, надевает на себя социальную маску. Потому что результат медиации и нахождение взаимовыгодного решения для конфликтующих сторон зависит как от участников конфликта, так и от медиатора, а знание психологических аспектов медиации позволяет избежать проблем в проведении процедуры медиации и работе с клиентами.

1. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. СПб.: Питер, 2014. 401 с.
2. Юнг К. Г. Архетип и символ. М., 1991. 208 с.

© Скворцова О. А., 2016

УДК 81'373.2

К. В. Шалацкая
K. V. Shalatskaya
Научный руководитель: кандидат педагогических наук, доцент Ю. К. Картавая
Research supervisor: PhD Pedagogical Sciences, assistant professor Yu. K. Kartavaya

ОСНОВНАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ

В статье рассматривается вопрос о возникновении интереса к именам собственным. Ономастика как самостоятельное научное направление утвердилась только в середине XX в. Решающий вклад в становление и развитие русской ономастической терминологии внес словарь Н. В. Подольской. В статье предлагаются дефиниции терминов «ономастика», «имена собственные», прослеживается четкое разграничение дефиниции ономастики с учетом противопоставления языка и речи.

Ключевые слова: имена собственные, ономастика, словарь, дисциплина, дефиниция, языкознание.

BASIC TERMINOLOGY OF THE STUDY OF PROPER NAMES

The article discusses the emergence of interest in proper names. Onomastics as an independent scientific direction was established only in the mid-twentieth century. N. V. Podolskaya's dictionary was a decisive contribution to the formation and development of the Russian onomastic terminology. The article offers definitions of the terms "onomastics" and "proper names"; there is a clear distinction between the definition of onomastics due to the opposition between language and speech.

Keywords: proper names, onomastics, dictionary, discipline, definition, linguistics.

Онимы находятся с нами в течение всего жизненного пути, поэтому словарный состав языка без проприальной лексики не существует; она является неотъемлемым компонентом любого языка, само наличие собственных имен и их противопоставление именам нарицательным ученые относят к числу языковых универсалий.

Специфика имен собственных и их отличия от общих названий настолько существенны, что ономастические исследования выделились в отдельный лингвистический раздел – ономастику, имеющую, как и другие науки, свою терминологическую систему.

«Своеобразие ономастики, положение ее в среде гуманитарных знаний не раз вызывало многочисленные споры, так же как неопределенность научной позиции имен собственных в лингвистике и их многообразие повлияли на процесс ономастической терминологизации», – констатируя этот факт, современный лингвист А. К. Матвеев предлагает критически отнестись к употреблению основных терминов ономатики: самому названию науки и ключевому термину «оним» [1, с. 5].

Действительно, длительное время велась дискуссия среди ученых по поводу толкования понятия «ономастика». Одни утверждали, что это наука, изучающая только антропонимы. Другие говорили о совокупности антропонимов. В противовес этому третьи высказали мнение о том, что предметом ономастики является совокупность всех имен собственных. Указывая на дискуссионность вопроса, А. К. Матвеев сопоставляет ряд определений термина «ономастика», встречающихся в наиболее авторитетных источниках; вслед за ученым приведем эти определения и дополним перечень.

Для начала отметим, что в неспециализированном «Большом энциклопедическом словаре» ономатика трактуется широко: «1) имена собственные разных типов, 2) раз-

дел лексикологии, который изучает имена собственные» [2, с. 643].

Теперь о лингвистических источниках.

В «Словаре русской ономастической терминологии» Н. Подольской ономастика трактуется «как раздел языкознания, изучающий любые имена собственные» [3, с. 257].

Словарь лингвистических терминов Ж. Марузо дает такое определение: «Ономастика… обозначает либо систему личных имен данного языка или данной области, либо изучение этой системы…» [4, с. 71].

Более широко характеризуется исследуемое понятие в «Словаре лингвистических терминов» О. Ахмановой: «Ономастика (ономатология)… 1. Раздел языкознания, изучающий личные имена (имена, отчества, фамилии, прозвища людей и животных). 2. Совокупность (система) личных имен как особый предмет лингвистического изучения. 3. Раздел языкознания, посвященный изучению имен собственных» [5, с. 261].

«Словарь-справочник лингвистических терминов» Д. Розенталя и М. Теленковой толкует анализируемый термин как «раздел языкознания, посвященный изучению имен собственных» [6, с. 361].

Д. Бучко выделяет ономастику в отрасль языкознания, которая исследует имена собственные: названия родов, племен, народностей, наций, собственные личные имена – имена, отчества, фамилии [7, с. 358].

Е. Отин предлагает определение ономастики как специальной исторической дисциплины, которая изучает собственные имена, их функционирование в языке и обществе, закономерности их образования, развития и постоянных преобразований [8, с. 159].

О. Селиванова в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» относит ономастику к отдельному разделу языкознания, изучающему онимы в различных аспектах [9, с. 341].

Известная исследовательница А. Суперанская трактует понятие «ономастика» как раздел языкознания, изучающий имена собственные, историю их возникновения и преобразования в результате длительного употребления в языке-источнике или в связи с заимствованием из других языков [10, с. 152].

Таким образом, проанализировав термин «ономастика», мы приходим к выводу, что ономастика понимается как в широком значении, так и в более узком, в частности, как «совокупность имен собственных». Хотя можно предположить, что ономастику следует рассматривать прежде всего как самостоятельную лингвистическую науку, а не как раздел лексикологии.

Любой оним – это всегда имя собственное, содержащее информацию о специфике называемого объекта, исторической эпохе его происхождения, этносе, который создал название, языке, используемом для образования названия.

В ономастике есть достаточно большое количество классификаций онимов, в основе которых лежат различные признаки. Как утверждает В. Никонов, «само слово “оним” входит в состав названий классов имен и тем объединяет их, например, антропонимы, топонимы и т. д. Как имя может выступать не только слово, но и словосочетание, предложение, которые служат для выделения именуемого ими объекта среди других в том же классе» [11, с. 125]. В трудах ученого уточняется, что имя служит не только выделением, но и называет предмет с разной степенью выраженности.

В. Супрун и ряд других ученых-ономастов постоянно обращали внимание на изучение онимов в языковой системе. Одновременно установлено, что имена образуют в языке особую подсистему, в которой общеязыковые законы преломляются специфически, и возникают свои закономерности, которых нет в языке [12, с. 36].

Характеризуя особенности названий как особого разряда слов, В. Бондалетов констатирует тот факт, что имена собственные являются единицами языка, которые служат для конкретного названия отдельных предметов действительности и в результате такой специализации выработали некоторые особенности в смысле, оформлении, функционировании [13, с. 136].

Н. Максимчук также говорит об уникальности онимов и о возможности их квалификации как единиц с двойной природой, где одна сторона имени обращена к системе языка, а другая – к той системе предметных знаний, носителей которой она обозначает [14, с. 17].

С позиции В. Нимчука: «оним – слово, словосочетание или предложение, которое используется для выделения именуемого им объекта среди других объектов, его индивидуализации и идентификации» [15, с. 25].

В современной ономастике наиболее емкой трактовкой имени собственного является определение О. Фоняковой. По мнению исследователя, имя собственное является универсальной функционально-семантической категорией имени существительного, предназначенной для выделения и идентификации единичных объектов (одушевленных и неодушевленных), «…выражающих единичные понятия и общие представления об этих объектах в языке, речи и культуре народа» [16, с. 74].

Главная роль имен собственных, или проприативов, – быть названием объекта или субъекта в соотношении его с рядом однотипных или похожих объектов, поэтому в онимах главное – выделение из ряда, а второстепенное – соотнесение объекта (субъекта) с себе подобными.

Таким образом, имена собственные являются словами, т. е. языковыми единицами, и поэтому составляют предмет исследования особого раздела языкознания – ономастики.

Анализ приведенных дефиниций позволяет нам сделать следующие обобщения. Опираясь на большинство источников, утверждаем, что ономастика – это раздел лингвистики, который исследует имена собственные, их сущность, специфику, состав, особенности функционирования, формирование и развитие. Впрочем, есть основания говорить и о том, что ономастика не раздел, а отдельная лингвистическая наука.

По нашему мнению, наиболее полно сущность наименований раскрывает следующее определение: имена, или онимы, или проприативы – это периферийно наиболее распространенные в языке и речи единицы, которыми могут быть субстантивы, используемые для индивидуализации называния единиц денотатов, они выполняют номинативную и информационную функции, характеризуются опосредованной

связью с понятиями и имеют грамматические и функциональные особенности.

Несмотря на то, что на современном этапе в языкознании существует большое количество определений имен собственных, все-таки под именем собственным понимаем слово, словосочетание или предложение, которые выполняют функции выделения номинативного объекта (субъекта) из ряда однотипных, приводя к индивидуализации и идентификации данного объекта (субъекта). Онимы являются именами индивидуализированных предметов, впечатлением абсолютной единичности.

1. Матвеев А. К. Ономастика и ономатология: терминологический этюд // Вопросы ономастики. 2005. № 2. С. 5–11.

2. Большой энциклопедический словарь: [А–Я] / гл. ред. А. М. Прохоров. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая рос. энцикл.; СПб.: Норинт, 1997. 1408 с.

3. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1998. 378 с.

4. Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов. М.: ТОВ ВКФ «БАО», 1960. 183 с.

5. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд., стер. М.: УРСС: Едиториал УРСС, 2004. 571 с.

6. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов: пособие для учителя. 2-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 1985. 493 с.

7. Бучко Д. Г. Проблемні питання ономастичної термінології // Науковий вісник Чернігівського університету. 2007. Вип. 15. С. 356–359.

8. Отин Е. С. Словарь коннотативных собственных имен. Донецк: Юго-Восток, 2004. 412 с.

9. Селіванова О. О. Лінгвістичний енциклопедичний словник. Полтава: Довкілля Київ, 2011. 844 с.

10. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 366 с.

11. Никонов В. А. Имя и общество. М.: Наука, 1994. 192 с.

12. Супрун В. И. Художественно-эстетический потенциал ономастического поля русского языка // Лингвистика на рубеже веков: актуальные проблемы и новые подходы: коллективная монография. Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2012. Ч. 2. С. 4–59.

13. Бондалетов В. Д. Русская ономастика: учеб. пособие для студентов. М.: Просвещение, 1998. 224 с.

14. Максимчук Н. А. Имя собственное как элемент языковой картины мира // Разноуровневые характеристики лексических единиц: сб. науч. ст. по материалам докладов и сообщений. Ч. IV. Слово в тексте. Смоленск: Изд-во Смоленского гос. пед. ин-та, 1999. 199 с.

15. Німчук В. В. Ономастична термінологія // Повідомлення ономастичної комісії. Київ: Наукова думка, 1996. С. 24–43.

16. Фонякова О. И. Имя собственное в художественном тексте. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. 103 с.

© Шалацкая К. В., 2016

СТРАНИЦЫ ПАМЯТИ

Федяев Д. М.
Бард старой Англии

Д. М. Федяев

БАРД СТАРОЙ АНГЛИИ

Мальчишки докомпьютерной эпохи начинали обживаться в мире старой (доброй или не очень доброй) Англии в самом нежном возрасте. Сначала шли «Три мудреца в одном тазу» и прочее, потом «Винни-Пух», «Маугли», иногда «Алиса в стране чудес». Иногда, потому что ее было труднее всего достать. Подростками зачитывались «Островом сокровищ», «Айвенго», «Одиссеей капитана Блада». Добирались даже до «Копей царя Соломона» – не менее редкой книги, чем «Алиса». Никто не проходил мимо «Шерлока Холмса». Затем вкусы менялись и продолжают меняться, но у каждого, кто прошел через эти книги, сколь бы взрослым и серьезным он ни стал, где-то в глубине души продожает жить их очарование.

Евгений Фельдман не ушел из мира старой Англии и дал другим возможность в него вернуться. Благодаря его переводам мы снова можем увидеть море, накатывающееся на меловые утесы, побродить по вересковым зарослям, услышать грохот пушек и прикинуть, сколько футов под килем нашего корабля.

С 1977 и до 2008 года Евгений Давыдович проработал в Омском педагогическом институте-университете лаборантом кафедры всеобщей истории. Его собственная история зафиксирована в «Личном деле», которое по сей день хранится в университетском архиве. На одном из первых пожелтевших листов «дела» имеется автобиография, написанная перьевой ручкой. «Я, Фельдман Евгений Давыдович, родился 3 июня 1948 года в г.Омске. В 1955 г. поступил в среднюю школу № 72, где проучился девять с половиной лет. Последние полтора года учился в ШРМ № 5, которую закончил в 1966 году. Одновременно закончил 4-годичную Детскую художественную школу. В 1966 году поступил в Омский государственный педагогический институт». В 1971 году институт окончен (английское отделение факультета иностранных языков). Затем – работа учителем в совхозе «Целинный», служба в армии, возращение в вуз на должность лаборанта. В «Деле» несколько «характеристик», написанных в разные годы. Во всех присутствует один сюжет. В первой читаем: «Ведет огромную работу по внешнему оформлению факультета: оформил две аудитории и большую часть коридора...» В последней: «Выполнил в течение ряда лет большой объем дизайнерской и столярной работы. Обустраивая факультетские аудитории, изготавливая и реставрируя наглядные пособия, постоянно способствовал оптимизации учебного процесса». Даже в «канцелярите» официальных документов ощущается, какое сильное впечатление производило умение Евгения Давыдовича работать руками.

Но не только руками. Работая лаборантом, Евгений заканчивает заочно исторический факультет, самостоятельно овладевает японским языком, который (снова цитирую документ 1982 года) «знает в пределах, необходимых для перевода специальной научно-технической литературы». Учился в заочной аспирантуре при кафедре новой и новейшей истории Томского государственного университета. Кандидатом наук не стал, но в его переводах живет не только поэт и писатель, но и дотошный историк.

В одном из стихов, которые он переводил, раздевалась богиня. Евгений Давыдович серьезнейшим образом изучает вопрос, как, собственно, древние гречанки *одевались.* В другом произведении гренадеры некоего полка во время боя по два раза прикуривали. Что значит «прикуривали»? Перекуривали вместо того, чтобы сражаться? Вопрос потруднее, чем одевание древних гречанок, но и тут истина была установлена. Гренадеры – гранатометчики, а «гренада» – граната. Солдат поджигал фитиль и бросал ее в противника. Разумеется, после того, как фитиль был подожжен, хотелось бросить побыстрее, чтобы самому ненароком не подорваться. Особым шиком считалось зажечь от своего уже горящего фитиля фитиль гранаты товарища, «дать ему прикурить». А уж два раза – это нечто…

Некоторые установленные исторические факты не входят в текст, но все равно производят сильное впечатление. Кто постарался, чтобы Оскара Уайльда посадили в тюрьму? Как выяснилось, маркиз Квисбери, официальный автор правил профессионального бокса. К примеру, в «боксерских» произведениях Джека Лондона рефреном звучит: «По правилам маркиза Квинсбери – не более сорока пяти раундов». Маркиз, разумеется, поступил негуманно, но, окажись он гуманистом, не была бы написана «Баллада Редингской тюрьмы».

Анри Пуанкаре в книге «О науке» сформулировал кредо настоящего историка: «Здесь прошел Иоанн Безззземель-

* Впервые опубликована в: Былые дни, былые времена. Страницы английской и шотландской поэзии в переводах Евгения Фельдмана. Омск, 2012. 592 с. В журнале статья приводится без сокращений.

ный. За этот факт я отдам все теории мира». Евгению Фельдману эта фраза удивительно идет.

Выпускники филологического факультета (которым сегодня хорошо за сорок) вспоминают: «Мы давно обратили внимание на странноватого мужчину, который иногда встречался в коридорах – в рабочем халате, с молотком или пилой в руках. Однажды на лекции, когда обсуждались проблемы литературного перевода, рассказали, что в нашем вузе работает замечательно талантливый переводчик – Евгений Фельдман. Далеко не сразу мы догадались, что это он и есть». Декан исторического факультета говорит: «У него было редкое качество – полное отсутствие зависти к успехам других. К своим же успехам и неудачам он относился с добродушным юмором. Так, после неудачной попытки сдать кандидатский экзамен по иностранному языку (его принимал настоящий классик немецкой филологии Гуго Гугович Едиг) Евгений продекламировал: «Даже готский идиотский я не сдал сегодня Гуге» (Основы готского языка входили в программу).

Откроем страницу Интернета: «Единственный за Уралом профессиональный поэт-переводчик. Стаж творческой деятельности – 40 лет. Перевел свыше 55 000 стихотворных строк из англо-шотландской классической поэзии. Больше всех в России перевел из Редьярда Киплинга (треть всего творческого наследия Киплинга-поэта, Роберта Бернса (две трети; для сравнения – С. Я. Маршак около 36 %) и Джона Китса (чуть более половины творческого наследия)».

Для обычного не слишком молодого читателя Евгений Фельдман практически открыл Киплинга – не только поэзию, но и прозу. В советское время все, кто вообще что-либо читал, знали о том, что такой писатель есть, но многие не продвинулись дальше «Маугли». Увы, Редьярд Киплинг считался «бардом британского империализма». Илья Ильф утверждал, что все написанное по части пограничной романтики есть прямое киплингование, ни разу не достигшее уровня подлинника. Видимо, во времена Ильфа и Петрова он был еше доступен, но позже превратился в какой-то мифологический персонаж.

Сейчас, наконец, его можно читать в прекрасном фельдмановском переводе. «Кабул-столица и Кабул-река – / Сверкайте сабли, заливайтесь, горны! / Я здесь навеки потерял дружка / и досыта наелся грязи черной. / Брод, брод, брод, / Кабульский брод, – / В темноте его сам черт не разберет». Даже «содержание» можно читать само по себе, например, «Парадные марши для животных, прикомандированных к военному ведомству», а среди них упряжные слоны, приданные артиллерийским расчетам, упряжные волы, интендантские верблюды и для всех – особый марш. Ничего не скажешь, британский империализм играет всеми красками, но как об этом написано...

Вся читающая публика знакома с Шерлоком Холмсом. Некоторые освоили «Бригадира Жерара» и «Белый отряд». «Затерянный мир» пережил множество киноверсий. Но стихи Конан-Дойля стали известны только благодаря Евгению Фельдману. Приведем один из переводов Е. Фельдмана: Артур Конан Дойль. Песня о луке.

– Откуда этот лук?
– Из Англии, милорд.
Из тиса он –
С седых времен
И тис, и эту землю,
Где тис растет,
Здесь чтит народ,
Живущий, рабства не приемля!

– Откуда тетива?
– Из Англии, милорд.
Она прочна –
Струной-струна!
Стрелком любима. Ну-ка,
О ней споем,
О крае том,
Где тетиву сплели из лука!

– Откуда, друг, стрела?
– Из Англии, милорд.
Она длинна,
Заострена,
Она с пером гусиным.
Все пьют со мной
За край родной,
Где гуси пролетают клином!

– А где же, где же цель?
– Не в Англии, милорд,
За рубежом,
В краю чужом,
За дальним синим морем.
Наш львиный флаг
Там знает всяк,
Там – наша цель. А ну, поспорим!

– Откуда сей народ?
– Из Англии, милорд.
Он прям и горд,
Упрям и тверд
В боренье за свободу.
За сердце пьем,
Что бьется в нем,
За край, что дан ему от роду!

Продолжим чтение Интернета: «Опубликовал несколько переводов из ноэзии Уильяма Шекспира... Особый интерес представляют его переводы практически полного цикла сонетов (№ 11, 14, 25, 27, 29, 37, 44, 72, 74, 76, 81, 82, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 102, 103, 104, 105, 106, 109, 110, 111, 115, 127, 138, 141, 145 и 154) и сонетов 1, 4, 11 из цикла «Влюбленный пилигрим». Перевел множество сцен, песен, отрывков из пьес и исторических хроник британского драматурга» и т. д. Обратите внимание на фразу «особый интерес представляют». Далее можно читать и читать о том, что еще перевел Евгений Фельдман.

Мы редко задумываемся над тем, что именно дают нам переводчики. Вот только один момент: они дают нам возможность понимания иных культур, понимания того, что

наши трациции и наша система ценностей – не единственно возможные. Другие тоже имеют право на существование. Можно, конечно, возразить, что время «железного занавеса» прошло, и мы можем познакомиться с другими культурами непосредственно. Но знакомство во время туристической поездки или кратковременного пребывания за границей нередко поверхностно. Настоящее постижение иной культуры – длительный процесс. Между тем выдающиеся поэты и писатели наделены даром схватывать существенное в его жизненной форме.

Откроем, к примеру, с детства знакомый «Остров сокровищ». Главный герой и его мама забрались в дом злодея и взломали сундук с деньгами. Злодей может вот-вот вернуться, и тогда конец их будет печальным. В этих условиях мама скрупулезно считает мелочь, с тем чтобы взять все, что злодей ей задолжал, но ни пенса лишнего. Задача не простая, поскольку в злодейском сундуке лежат золотые и серебряные монеты разных времен и народов, так что нужно производить пересчет. Время уходит, но мама продолжает считать... Согласитесь, эпизод совершенно не в нашем духе.

Евгений Давыдович подарил нам многое, порожденное британской культурой. Создается впечатление, что за 40 лет работы над переводами он сам приобрел некоторые староанглийские черты, так что к нему хочется обратиться «сэр Юджин» (раз уж Евгений). Смею утверждать, что так много никогда не сделает человек, который *служит* науке или искусству, сколь угодно добросовестно и самоотверженно. Это под силу только человеку, который ими *живет.*

Примечание редколлегии.

Евгений Давыдович не успел подробно рассказать о том, сколько произведений и каких именно он перевел с момента выхода в свет первого варианта этой статьи до сегодняшнего дня. Ему некогда, он работает.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексеенко Владимир Валерьевич, Омский государственный педагогический университет, аспирант. alex-w90@yandex.ru

Айсина Асельжан Манарбековна, Омский государственный педагогический университет, аспирант. belgibaeva@omgpu.ru

Акишина Елена Олеговна, Сибирский государственный университет путей сообщения (г. Новосибирск), кандидат философских наук, доцент. akishina_celena@yandex.ru.

Астафьева Ирина Александровна, Омский государственный педагогический университет, кандидат филологических наук, доцент. irina.astafieva@mail.ru

Березовская Любава Сергеевна, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, магистрант. lyubava_berezovs@mail.ru

Бестолков Дмитрий Александрович, Промышленно-технологический колледж (г. Мичуринск, Тамбовская область), кандидат филологических наук, преподаватель. dima7intellact@mail.ru

Голошубина Олеся Константиновна, Омский государственный педагогический университет, аспирант. golos_lisa@mail.ru

Горелова Юлия Робертовна, Сибирская государственная автомобильно-дорожная академия (г. Омск), кандидат исторических наук, доцент. gorelovaj@mail.ru

Горнова Галина Владимировна, Омский государственный педагогический университет, доктор философских наук, доцент. gornovagv@yandex.ru

Давыдов Алексей Иннокентьевич, Сибирский государственный университет путей сообщения, (г. Новосибирск), кандидат философских наук, доцент. Dove3@yandex.ru

Демченков Сергей Александрович, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, кандидат филологических наук, доцент. demchenkovsa@omsu.ru

Дроботенко Юлия Борисовна, Омский государственный педагогический университет, кандидат педагогических наук, доцент. jbd2004@yandex.ru

Калинин Аркадий Федорович, Балашовский филиал Саратовского государственного аграрного университета им. Н. И. Вавилова, кандидат филологических наук, доцент. kalininarkadiy@mail.ru

Ковалевский Артем Александрович, Омский государственный педагогический университет, аспирант. kovalevskyartem1991@gmail.com

Красноярова Наталья Георгиевна, Омский государственный педагогический университет, кандидат философских наук, доцент. kranataliy@yandex.ru

Леонова Кристина Владимировна, Евпаторийский институт социальных наук (филиал Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского), студентка. leonovatina@gmail.com

Литвиненко Юлия Юрьевна, Омский государственный педагогический университет, кандидат филологических наук, доцент. julitv@mail.ru

Макарова Наталья Станиславовна, Омский государственный педагогический университет, доктор педагогических наук, доцент. maknat1@yandex.ru

Мартишина Наталья Ивановна, Сибирский государственный университет путей сообщения, (г. Новосибирск), доктор философских наук, профессор. nmartishina@yandex.ru.

Мацько Дмитрий Сергеевич, Луганский университет им. Тараса Шевченко (Украина), кандидат педагогических наук, доцент. selen_matsko81@mail.ru

Межевикин Иван Владимирович, Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия. sfrik@list.ru

Мецевич Ирина Васильевна, Омский государственный педагогический университет, магистрант. mezewitsch_irina@mail.ru

Мурашкина Анна Владимировна, Омский государственный педагогический университет, старший преподаватель. kafrus@mail.ru

Нефёдова Людмила Константиновна, Омский государственный педагогический университет, доктор философских наук, профессор. konstans50@yandex.ru

Саенкова Екатерина Андреевна, Омский государственный педагогический университет, магистрант. saenkovakeitty1993@yandex.ru

Сарангаева Жанна Николаевна, Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (г. Элиста), доцент. sarangaeva@yandex.ru

Скворцова Ольга Алексеевна, Омский государственный педагогический университет, магистрант. o.skvortsova2010@yandex.ru

Фёдорова Наталья Владимировна, Омский государственный педагогический университет, кандидат психологических наук, доцент. tashafed@mail.ru

Федяев Дмитрий Михайлович, Омский государственный педагогический университет, доктор философских наук, профессор. fedyaev@omgpu.ru

Фёдоров Виктор Михайлович, Университетский колледж ОмГПУ, преподаватель. viktor702460@mail.ru

Фесенко Ольга Петровна, Омский автобронетанковый инженерный институт, доктор филологических наук, доцент. Olga.Fesenko2015@yandex.ru

Шалацкая Кристина Викторовна, Евпаторийский институт социальных наук (филиал Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского), магистрант. svotina@mail.ru

Шалацкая Татьяна Петровна, Евпаторийский институт социальных наук (филиал Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского), старший преподаватель. shalatskaya@mail.ru

Шульга Владимир Игоревич, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, студент. head711@yandex.ru

Шульга Евгения Владимировна, Омский государственный педагогический университет, кандидат педагогических наук, доцент. evshulga@omgpu.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Редакционно-издательский совет ОмГПУ объявляет о наборе статей в очередной номер журнала «Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования».

Для публикации в журнале принимаются статьи, отражающие широкий спектр проблем современных гуманитарных наук: филологических, философских, культурологических, педагогических и психологических.

Помимо статей, могут быть опубликованы аналитические обзоры, рецензии, материалы научных дискуссий и т. п. Также редакционная коллегия будет благодарна за материалы для рубрики «Страницы памяти», посвященной ученым-гуманитариям, которые прославили университет.

Статьи, оформленные в соответствии с требованиями, необходимо выслать по электронному адресу: vestnik.omgpu@yandex.ru, в строке «Тема» указать «Заявка на публикацию».

Журнал является **рецензируемым**, редакционная коллегия оставляет за собой право вернуть присланные материалы на доработку или отказать в публикации.

Журнал имеет международный индекс периодического издания ISSN 2309-9380 и включен в систему РИНЦ.

Архив номеров доступен на сайте ОмГПУ (http://omgpu.ru/science/vestnik/index.htm); размещение материалов в научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU (http://elibrary.ru) осуществляется с соблюдением правил портала. Предоставление рукописи означает согласие автора на размещение статьи в указанных интернет-источниках.

Публикация бесплатная, иногородним авторам журнал будет выслан наложенным платежом.

Требования к публикации

1. Рекомендуемый объем статьи – 6–8 страниц. Основной текст: шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал одинарный, поля по 2 см с каждой стороны, абзацный отступ 1 см, выравнивание по ширине.

2. Ссылки на литературу оформляются следующим образом: [1, с. 238], где первая цифра – номер источника в библиографическом списке. Библиографические примечания оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008: шрифт Times New Roman, кегль 12, интервал одинарный; источники размещаются в порядке ссылок по тексту; наличие библиографического перечня обязательно.

Требования ГОСТ Р 7.0.5–2008 см.: http://protect.gost.ru/v.aspx?control=8&baseC=-1&page=0&month=-1&year=-1&search=&RegNum=1&DocOnPageCount=15&id=165614&pageK=466BEF73-A91A-4347-AD85-14FA584A6CCC).

3. Каждая статья должна быть снабжена:

– индексом УДК (см., например: http://udc.biblio.uspu.ru; для проверки можно воспользоваться автоматической расшифровкой индекса на: http://scs.viniti.ru/udc/Default.aspx);

– переводом названия и имени автора на английский язык;

– аннотацией на русском и английском языках (около 100 слов; Times New Roman, кегль 12, интервал одинарный);

– ключевыми словами (5–8) на русском и английском языках (Times New Roman, кегль 12, интервал одинарный).

4. К статьям аспирантов должна быть приложена рецензия научного руководителя с указанием актуальности и научной новизны проводимого исследования.

5. Статьи магистрантов (единственный автор – магистрант) принимаются на конкурсной основе (не более 5 статей в одном номере) и размещаются в особом разделе «Слово молодым». Объем предоставляемых материалов – 4–5 страниц. К статьям должна быть приложена рекомендация научного руководителя; сведения о руководителе указываются в постраничной сноске.

6. Редакция оставляет за собой право на сокращение и редактирование статей.

Примечание: в описании источника обязательно должно быть указано издательство; общее количество страниц, если следует ссылка на книгу, или указание на интервал страниц статьи, размещенной в сборнике.

Сведения об авторе (авторах)
(в присланном файле размещаются после текста статьи)

Фамилия, имя, отчество (полностью)	
Наименование организации – места работы, учебы (для магистрантов, аспирантов)	
Структурное подразделение, должность	
Ученая степень, ученое звание	
Сведения о научном руководителе (для магистрантов): Ф.И.О., ученая степень, ученое звание, место работы, должность	
Контактный телефон, E-mail	
Почтовый адрес	
Согласие на размещение электронной версии статьи на сайте ОмГПУ и в научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU (наличие ответа «согласен/согласна» – обязательное условие публикации)	

ВЕСТНИК

ОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО

ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА.

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научный журнал

2016. № 4 (13)

Редакторы *Г. Н. Орлов, М. Х. Жекимуратова*
Технический редактор *Е. А. Балова*

Подписано в печать 15.11.2016. Формат 60×84/8.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Печ. л. 14,0. Уч.-изд. л. 17,5
Тираж 100 экз. Заказ Б-183

Издательство ОмГПУ.
Отпечатано в типографии ОмГПУ,
Омск, наб. Тухачевского, 14, тел./факс: (3812) 23-57-93